

Volume 19
№ 1 (66) 2023

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор Римского Университета Салиенца, Италия

Ван Чэнсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Восточной ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор Стивен Гуанпенг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия

Ие Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Иншакова А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия

Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований

Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тиаги Парул – преподаватель кафедры бизнеса и менеджмента Джайпурского национального университета, Ph.D. (менеджмент), Джайпур, Индия

Доктор Герхард Шнайдер – профессор международного менеджмента и политической экономики, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.З. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 3 Г.В. Софронов, Р.Н. Холстинин
Философско-правовое осмысление понятий: образ, икона, имидж, добросовестность, репутация, их проявления в уголовно-процессуальном праве
- 15 А.О. Иншакова, А.И. Гончаров
Межгосударственное регулирование применения цифровых технологий индустрии 4.0 в ЕАЭС и БРИКС: правовые риски
- 23 Л.С. Чернова
Современные концепции принуждения в теории права
- 31 Д.Ю. Гребнев, А.С. Гребнева
Состояние и динамика криминальной ситуации на объектах транспорта Российской Федерации на фоне развивающегося геополитического кризиса

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- 46 О.Г. Григорьева, А.В. Часовской
Реализация российскими корпорациями государственной политики и национальных интересов в сфере сотрудничества с Республикой Ирак
- 54 Т.Н. Литвинова, О.А. Кочеткова, Д.В. Каверин
Социально-экономическое развитие республик Северо-Кавказского федерального округа в условиях внешних вызовов
- 66 Л.С. Пичкова, Е.М. Караваева, М.В. Кулемекова
Роль цифровых технологий в изучении иностранного языка в контексте парадигмы непрерывного образования
- 74 И.М. Шепелева
Новая личность для цифровых технологий: новые вызовы в высшем образовании

РЕЦЕНЗИИ

- 81 Т.В. Исаева
Цифровая трансформация публичной дипломатии
- 85 А.А. Игнатов
Обзор монографии Смирнова А.А. «Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации»

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN**

EDITORIAL BOARD:

- Francesco Adornato** – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D., Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Digital Transformation, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. **Stephen Guangpeng Dong** – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of State Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Jaipur National University, Lecturer of the Chair "Business and Management", Ph.D. (Management), India
Dr. **Gerhard Schnyder** – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko

Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**

Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

LAW IN THE MODERN WORLD

- 3 **Gleb V. Sofronov, Robert N. Kholstinin**
Philosophical and Legal Understanding of the Concepts: Image, Icon, Image, Honesty, Reputation, Their Manifestations in Criminal Procedural Law
- 15 **Agnessa O. Inshakova, Alexander I. Goncharov**
Interstate Regulation of the Use of Digital Technologies of Industry 4.0 in the EAEU and BRICS: Legal Risks
- 23 **Lyubov S. Chernova**
Modern Concepts of Coercion in the Theory of Law
- 31 **Dmitry Yu. Grebnev, Alla S. Grebneva**
The State and Dynamics of the Criminal Situation at the Transport Facilities of the Russian Federation in the Context of the Developing Geopolitical Crisis

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 46 **Olga G. Grigorieva, Andrei V. Chasovskoi**
Russian Corporations Implementation of State Policy in Cooperation with Republic of Iraq (Field Development Example)
- 54 **Tatiana N. Litvinova, Olga A. Kochetkova, Dmitry V. Kaverin**
Socio-Economic Development of the Republic of the North Caucasian Federal District in the Conditions of External Challenges
- 66 **Larisa S. Pichkova, Ekaterina M. Karavaeva, Marina V. Kulemekova**
The Role of Digital Technologies in Foreign Language Learning in the Context of Life-Long Learning Paradigm
- 74 **Irina M. Shepeleva**
A New Personality for Digital Technologies: New Challenges in Higher Education.

REVIEWS

- 81 **Tatiana V. Isaeva**
Digital Transformation of Public Diplomacy
- 85 **Alexander A. Ignatov**
Review of the book by Smirnov A.A.
"Formation of the system of legal support of information and psychological security in the Russian Federation"

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век.
Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ: ОБРАЗ, ИКОНА, ИМИДЖ, ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ, РЕПУТАЦИЯ, ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Глеб Софронов*
Роберт Холстинин**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-3-14

***Введение.** В статье представлена попытка впервые, на основании философско-правового осмысления использовать новое для правового научного оборота понятие «репутация». Правовые, в том числе и уголовно-процессуальные термины возникают как родовидовые. То есть понятия подводятся под общий род, а затем выделяются видовые отличия. Философские категории, в силу своей всеобщности, под род подведены быть не могут, и, как правило, выступают в виде диалектической пары противоположностей – тезиса и антитезиса. Таковы, например, понятия сущности и явления, необходимости и случайности, содержания и формы. Сложность введения в научный оборот нового понятия репутация состоит в том, что оно не имеет своей диалектической антитезы. Дурная репутация – это тоже репутация. С натяжкой репутация может быть противопоставлена дискредитации, но дискредитация это действие, направленное на подрыв репутации, а это переход в другой род. Такого рода понятия могут быть осмысленными по аналогии. В качестве таковой авторы выбрали диалектическую пару икона - имидж, как иноязычные кальки с русского слова образ, которые в юридическом смысле сводятся к репутации. И то и другое (как икона, так и имидж) – это образ, но сколь различны и даже противоположны значения этих слов. Причём изначально интенции авторов были именно языковыми (а не религиозными или маркетинговыми), и уже затем слова сами обозначили культурную область своего применения.*

* **Софронов Глеб Васильевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: ska1@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0003-2195-237X

** **Холстинин Роберт Николаевич**, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Россия
e-mail: holstinin11@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9367-3145

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составил герменевтический подход к анализу понятия «репутация». Использовались методы системного, сравнительно-правового анализа, специальные философско-правовые исследовательские инструменты. Авторы использовали примеры из различных областей права – уголовно- процессуального, уголовного, гражданского.

Результаты исследования. По результатам проведённого анализа ставится вопрос о доверии применительно к процессуальному статусу участников уголовного судопроизводства. Предложено введение в юридический оборот понятия «репутация» как правовой категории.

Обсуждение и заключение. В виде законодательной новеллы сформулирована презумпция добросовестности участника уголовного судопроизводства.

Презумпция добросовестности:

1. Каждый считается добросовестным и разумным, пока иное не будет доказано в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлено вступившим в законную силу судебным актом.
2. Каждый не обязан доказывать свою добросовестность и разумность. Бремя доказывания недобросовестности, неразумности, злоупотребления правом, лежит на лице, утверждающем обратное.
3. Все сомнения в добросовестности и разумности лица, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу лица, репутация которого подвергнута сомнению.
4. Любые процессуальные действия и (или) решения государственного органа или должностного лица в сфере уголовного судопроизводства, даже основанные на предположениях, не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица определённого процессуального статуса в рассматриваемом или ином деле.

Введение

Репутация новый феномен, который нуждается как в философском, так и в правовом осмыслении. Изначально репутация – это «(фр., от лат. *reputatio* размышление, рассуждение) добрая или худая слава о человеке; общественное мнение о человеке, об учреждении» [13]. Сейчас это «создавшееся общее мнение о качестве, достоинствах и недостатках кого-либо, чего-либо» [1].

Термин не имеет языкового антонима. Отсутствие репутации, как и дурная репутация – это всё же нечто иное, нежели репутация. Репутация – это мнение, образ (синонимы, аналогичные понятия) и противостоять ему может только реальность, бытие да и то в рамках определённой философии. Образ – это то, что возникает в человеке в результате его взаимодействия со средой.

Вместе с тем в христианском миропонимании исходный образ человека являет собой не результат (продукт) взаимодействия человека с окружающей средой, а именно с Богом (Творцом). Именно отсюда происхо-

дит понимание человека в качестве носителя образа Божьего. Принято также считать, что в своём внутреннем мире человек общается с Богом не только посредством молитвы, но и через созерцательность (одно из имён Бога - Красота), а также через совесть.

Исходя из этих смысловых взаимосвязей авторов интересует научно-философское осмысление понятий: образ, икона, имидж с переходом к терминам, имеющим прикладное значение в сфере юриспруденции, таких как: добросовестность, разумность, репутация.

Важнейшей частью права как системы является уголовное правоприменение, где материальное уголовное право, прямо базирующееся на ветхозаветных заповедях, вырастающее из него, обретает бытие в нормах процессуальных, собственно, в уголовном судопроизводстве.

Исследование

Юридическая регламентация человеческой деятельности (а уголовное судопроизводство урегулировано весьма детально), -

ведёт к ускользанию содержания и неизбежному нарастанию правовой формы.

Тем не менее оживление уголовно-процессуальной формы возможно именно через уяснение смысла правовых понятий, понимание духа закона.

Странно, но факт. Как в научном обороте уголовно-процессуального права, так и в уголовно-процессуальном законе нет таких понятий, как добросовестность, разумность и репутация!

Выход на упомянутые термины как правовые найдём через такие категории как отражение, что в русском языке – образ, в английском – имидж, в греческом – икона.

Здесь на стыке философии и юриспруденции можем приблизиться к научной новизне, которая, казалось бы, лежит на поверхности.

Основное свойство образа – наглядность. «НАГЛЯДНОСТЬ - представленность скрытой реальности в формах вторичной чувственности» [10]. Древние греки различали в идее (сущности) наглядную и скрытую стороны. Эйдетическая сторона созерцается нашим особым, внутренним, зрением - эйдос (вид) созерцается умом как некая картинка. Вторая сторона не имеет изобразительного характера и выражается словом. Созерцательная способность разума отражена Платоном в понятии ноэзиса, т. е. "мыслящего видения сущности". Таким образом, наглядность по традиции сопряжена с геометризацией умопостигаемого, его отражения в пространственно-структурированных формах. В настоящее время презентация в формате Power Point может являться условием технически продвинутой лекции. Визуализация лекционного материала позволяет наглядно и образно представить идеи автора. Но визуализация в области гуманитарного знания не всегда даёт адекватное понимание. Так, если в компьютерном поисковике набрать запрос сделка, то картинка по этому запросу будет выглядеть как рукопожатие. Право - фигурка Фемиды. Свобода - открытое пространство, парящая птица или яхта на фоне заходящего солнца. Порочность представленной визуализации становится очевидной, когда совершается логический переход от категорий к видам. Ничтожная сделка не может быть представлена как рукопожатие, право на отдых не имеет связи с Фемидой, а свобода совести явно не соотносится с яхтой.

В русской культуре образ колеблется между своими иноязычными смысловыми кальками – иконой и имиджем [8].

Для человека, думающего на русском языке, смыслы усматриваются неоднозначные. В названии статьи угадывается спор, противопоставление. Без этого, конечно, никак не обойдёмся, так как смысл категории, понятия и юридического термина ярче всего раскрывается при сопоставлении.

Икона – сакральная вещь, связанная с потусторонним миром. Напротив, имидж – положительный образ человека, компании, социального института и так далее, вплоть до положительного образа товара.

В имидже проявляется материалистическое понимание образа, нуждающееся в обозрении со стороны других людей. При этом, поскольку социальные взаимодействия наполнены, прежде всего, товарно-денежными связями и отношениями – имидж (а нашим, русским пониманием этого слова) – сводится к извлечению денежного эквивалента.

Деньги сами по себе нейтральны, они лишь инструмент человеческого взаимодействия, но это человеческое взаимодействие не оставляет места присутствию Бога.

В Новом завете денежные отношения упоминаются несколько раз: изгнание торговцев из Храма; предательство Иуды; лепта бедной вдовы, но ярче всего раскрывается правильное отношение к деньгам в необходимости отдавать Богу – божье, а Кесарю – кесарево.

Кесарево изображение на монете. К чему оно ближе: к имиджу или иконе? К иконе оно точно не имеет никакого отношения.

Имидж лишь имитирует икону так же, как мошенник выманивает деньги, изображая правомерное поведение.

Нельзя одновременно служить и Богу и мамоне [5]. Со временем мошенник обязательно раскроется, позолота слетит и, вместо «серебра Господа Моего», проступят грубые манипуляционные, имиджевые очертания.

Бог не посягает на свободу, человек вправе самостоятельно и свободно выбрать сам между родниковой водой и кока-колой.

Современный человек, не чуждый прогрессивным веяниям, должен работать над своим имиджем, который и есть средство достижения социального успеха. Это сразу создаёт рамку, человек уже что-то становится должен. Его уже повели за собой, им манипулируют. Кто главный, когда говорим об имидже? Человек главный. А кто главный при общении человека с иконой? Точно не человек.

Начнём со словарного определения термина имидж. «Имидж (англ. Image – образ) –

целостный, качественно определённый образ данного объекта, устойчиво живущий и воспроизводящийся в массовом и/или индивидуальном сознании» [9. С. 418]. То есть имиджевое связано со стереотипным, часто даже паразитирует на нём.

Имидж, как правило, создаётся в определённых целях, вне обязательного соответствия действительности. О лживости имиджа свидетельствует многое. За пивом бежит не самый умный, обладание бриллиантами предпочтительнее обладания флаконом духов, а использование дезодоранта не производит магического эффекта на противоположный пол.

Несоответствие реального объекта и его восприятия особенно заметно в случае имиджмейкинга. Политик или селебрити из шоу-бизнеса меняет причёску, манеру держаться на публике, речь – по сути, играет роль, а не самого себя.

Мышление формируется на основании четырёх факторов: двигательной активности, сенсомоторного отображения действительности, иконического отображения действительности и символического отображения действительности. Каждый фактор основывается на предыдущем и является необходимым условием развития последующего [4. С. 366-367].

Икона является особым объектом исключительно в религиозной практике. Вне её рамок она имеет иное значение. Например, при краже иконы она рассматривается как товар, имеющий стоимость в денежном выражении. Цена определяется в рамках экспертизы. Сможет ли эксперт-товаровед учесть такие факторы, как чудотворение или мироточение.

Представляется, что такие необъяснимые явления не влияют на ценность иконы. Её денежный эквивалент связан с художественной ценностью, оригинальностью, уникальностью изображения с точки зрения именно материального носителя.

Ценность иконы этим не исчерпывается.

Есть сведения о мироточении ксерокопии иконы с изображением Николая Романова [6]. Если бы эту ксерокопию украли, какова была бы её стоимость, зафиксированная в уголовном деле?

Копий может быть много, её цена бесконечно приближалась бы к нулю, хотя её значимость вне товарно-денежных отношений находится совершенно в иной системе координат.

Икона обязательно имеет материальный носитель (бумага, камень, материал мо-

нитора любого гаджета), но центр тяжести у иконы в ином, нематериальном мире.

Хищение иконы и посягательство на имидж разнесены законодательством в разные сферы юридического бытия.

Кража имиджа это, конечно же, не подражание юного фаната рок-звезде, а, например, незаконное использование товарного знака. В этом случае возникает юридическая ответственность: гражданско-правовая (статья 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации); административная (статья 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и даже уголовная (статья 180 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В данном случае посягательство на имиджевые объекты гражданского оборота имеет целью создание последствий, имеющих денежный эквивалент.

Но есть и некие переходные предметы правового регулирования.

Примером является денежная компенсация морального вреда (физических и нравственных страданий).

До сих пор никакой шкалы соответствия здесь не придумано, работает прецедент, но не как источник нормы права, а как некий необязательный шаблон.

Почему же здесь, несмотря на десятилетия судебной практики, так и не родилась норма права?

Полагаю, что здесь как законодатель, так и правоприменитель чувствуют грань возможности правового регулирования.

Здесь, на этой грани, уместно вернуться к сравнению двух образов: иконы и человека.

Как человек, так и икона принадлежат к двум мирам: материальному и духовному. Человек – живое существо: позвоночное, млекопитающее, теплокровное. Его организм, с точки зрения биологии и материально-осязаемого, обладает параметрами, которые свойственны любому животному.

Человека из животного мира выделяет способность к мышлению.

Наши дальнейшие рассуждения про икону во многом относятся к человеку как существу телесному и духовному.

Действует ли право собственности (иные вещные права) в отношении духовных благ?

Согласно положениям статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документальные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокумен-

тарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Имиджевые продукты – объект правового регулирования. Икона – отчасти тоже.

Может ли икона расцениваться в качестве нематериального блага в том смысле, какой заложен в Гражданском кодексе Российской Федерации?

Как уже говорилось, к нематериальным благам закон относит жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личную и семейную тайны, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона.

Приведённая выше формулировка не может полностью охватить то, что несёт в себе икона.

Икона тоже произведение искусства. В этом отношении она такое же имущество, как и любое иное (по аналогии с обычным произведением искусства, картиной), однако мы же понимаем, что основная ценность иконы заключается не в стоимости красок, дерева, бумаги, не в художественности изображения и даже не в старости, которая позволяет продать икону на аукционе подороже.

У иконы есть второе духовное измерение. Она – как окно между материальным миром и иным непознаваемым, мистическим, сверхъестественным. Причём, что-то подсказывает, что это окно имеет два вектора и наше мысленное устремление туда и напоминание о том, что есть нечто взирающее оттуда. Человеку не дано этого в полной мере понять. В этом смысле икона недоступна опытному познанию, выходит за пределы чувственного опыта (трансцендентна).

Икона отличается от, например, религиозной картины.

Алексей Лидов говорит: «Научились описывать стиль, научились описывать иконографию, преимущественно фиксируя схемы, иногда с элементом интерпретации, умеем описывать технологию. ... А какие-то очень существенные вещи, важные для нашей традиции и для понимания базовых, сущностных явлений, мы упускаем» [6].

Иконой считают особое (с обратной перспективой, вневременное) изображе-

ние. Выдающийся апологет православия, профессор Московской духовной академии А.И. Осипов в телевизионном выступлении указал на то, что икона бесстрастна (святой не одержим страстями), в то время как любой портрет или фотография выражают движения души человека, то есть лицо человека, движимое страстями.

Человек, сотворённый Господом по образу и подобию Творца, сам в каком-то смысле является образом (иконой). Сочетаясь со грехом, каждый из нас (человеков) как бы продаёт это своё первородство за чечевичную похлёбку [2], сам приземляет себя, становясь имиджем вместо иконы. Такое «приземление» неизбежно происходит в жизни каждого. В жизни мы и продаём своё первородство за похлёбку и покупаем его.

Иконическое сознание ориентировано на слуховой опыт. «Все монашество ориентировано именно на аудиальный опыт, на звук, на послушание, если мы попадаем в литургическое, богослужбное пространство, потому что оно аудиально по своей основе, т.е. это прочитывание, пропевание определенных сакральных текстов... это, прежде всего, аудиальное пространство» [7].

Православное (в нашем варианте русское) сознание постоянно колеблется между иконой и имиджем.

Всё вышеизложенное является не только основой мировоззрения авторов настоящей статьи, но фундаментом для философского осмысления понятия репутации в её юридическом смысле.

Смыслы, стоящие за иконой и имиджем, обретают прикладное содержание через значение правовых терминов «добросовестность и разумность», «злоупотребление правом», «дискредитация».

«Добросовестность и разумность» является гражданско-правовой презумпцией, нашедшей своё закрепление в пункте 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Юристы-практики не сильно жалуют декларации и общие части в нормативных правовых актах, но только не в данном случае.

Огромный массив судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов посвящается добросовестности и разумности, с одной стороны, и злоупотреблению правом, - с другой. Это касается и материального и процессуального гражданского права.

Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации" (далее – «Пленум 2015 года») просто «пропитан» смыслами этого словосочетания: «добросовестность и разумность».

Суть Пленум 2015 года формулирует не только в материально-правовом, но и в процессуальном аспекте: «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались» (абзац 3 пункта 1 Пленума 2015 года).

Применительно к части 4 статьи 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" А. В. Винницкий (не только учёный, но и практикующий адвокат), со знанием дела, справедливо указывает, что изначально норма об обязанности арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, - воспринималась как декларативная. Вместе с тем, она неожиданно для многих вдруг оказалась работоспособной и породила гигантский массив судебной практики.

«Сначала приведенная норма все чаще стала приводиться в качестве самостоятельного и самодостаточного основания для оспаривания действий (бездействия) арбитражного управляющего, затем - для взыскания с управляющих причиненных убытков... позднее в практике обнаружили попытки привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности за недобросовестные и/или неразумные действия» [3. С. 1-15].

В подтверждение приводится ссылка на Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.06.2017 по делу № А33-25084/2016, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.05.2019 № 17АП-5198/2019-АК, Решение Арбитражного суда Свердловской области от 24.12.2019 по делу № А60-57983/2019. Список далеко не исчерпывающий.

Результаты исследования

Важно понимать, что антипод «добросовестности и разумности» - «злоупотребление правом». Поведение субъекта правоотноше-

ния может встраиваться в букву закона, будучи по своей сути издевательством над его духом, являя собою изменение смысла закона по тому же принципу «икона - имидж».

Суд не защищает право, реализуемое со злоупотреблением (пункт 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). Обобщая судебную практику арбитражных судов первой инстанции, высшая судебная инстанция расширяет сферу добросовестности и разумности на сферу применения норм процессуального права.

Проанализируем под этим углом зрения Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции" (далее – Пленум 2021 года).

В частности, в процессуальную сторону расширяется то, что мы уже видели в Пленуме 2015 года, а именно: «Отказ стороны от фактического участия в состязательном процессе, в том числе непредставление или несвоевременное представление отзыва на исковое заявление, доказательств, уклонение стороны от участия в экспертизе, неявка в судебное заседание, а также сообщение суду и участникам процесса заведомо ложных сведений об обстоятельствах дела в силу части 2 статьи 9 АПК РФ может влечь для стороны неблагоприятные последствия, заключающиеся, например, в отнесении на лицо судебных расходов (часть 5 статьи 65 АПК РФ), в рассмотрении дела по имеющимся в деле доказательствам (часть 4 статьи 131 АПК РФ), оставлении искового заявления без рассмотрения (пункт 9 части 1 статьи 148 АПК РФ), появлении у другой стороны спора возможности пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (пункт 1 части 2 статьи 311 АПК РФ)».

При применении принципа добросовестности необходимо учитывать, что поведение одной из сторон может быть признано злоупотреблением правом не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий лиц, участвующих в деле, от добросовестного поведения. В этих случаях суд при рассмотрении дела устанавливает факт злоупотребления правом и разрешает вопрос о применении последствий недобросовестного процессуального поведения, предусмотренных законом (например, статьи 111, 159 АПК РФ)» (абзацы 4 и 5 пункта 2 Пленума 2021 года).

Как видим, этот процесс идёт, формируется тенденция, о которой авторы настоящей статьи указывали ранее [11. С. 108-115].

При этом, как это обычно бывает в подобных ситуациях, сначала тренд улавливается материальным, затем, - проникает и в процессуальное право.

В нашем случае наиболее восприимчивым оказался арбитражный процесс, что можно связать с практикой по делам о банкротстве, в том числе это касается процедуры банкротства физических лиц. Объяснить это просто – огромное число дел, внутри которых ещё большее количество обособленных производств по конкретным спорам. При этом зачастую реабилитационное, по своей сути, банкротное производство многими изначально воспринималось как возможность, набрав долгов, избавиться от необходимости их обслуживать и погашать.

В уголовно-процессуальном праве такого массива судебной практики, связанного с недобросовестным процессуальным поведением не наблюдается, что, однако, не означает его отсутствие.

При производстве по уголовным делам имеет место массовое нарушение презумпции невиновности, связанное с латентным поощрением признания.

Признание вины прямо поощряется законом через введение особых порядков уголовного судопроизводства, связанных с признанием вины. Это и ординарный Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (Глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), и специализированный Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), и максимально упрощенный порядок Судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

Признавшему вину гарантируется снижение максимального размера наказания: половина по ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ; две трети в соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ. Кроме того, на согласившегося на особый порядок и признавшего свою вину подсудимого не могут быть возложены процессуальные издержки (ч. 10 ст. 316 УПК РФ).

Зачастую сам факт признания вины расценивается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. В частности, Приговором Асбестовского городского суда Свердловской области по делу № 1-158/2022 от 26.07.2022 подсудимый Р. признан вино-

вным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «г» части 3 статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации. В указанном Приговоре прямо указывается, что полное признание подсудимым своей вины суд признал смягчающим наказание обстоятельством, предусмотренным ч. 2 ст. 61 УК РФ как смягчающее обстоятельство, которое прямо не предусмотрено таковым в законе.

Такое поощряемое законом и судебной практикой подталкивание подсудимого к признанию своей вины приводит к искажению действительной воли участников уголовного судопроизводства, по сути это аномальное правовое явление, своего рода искривление правового поля.

Понимание того, что позиция признания является априори выигрышной на фоне ничтожно малого числа оправдательных приговоров судов первой инстанции, - в большом числе случаев мотивирует подсудимого к мнимому признанию.

В свою очередь такое мнимое признание по своей сути является искажением цели правосудия – правильного правоприменения, основанного на верном установлении фактических обстоятельств.

Таким образом, злоупотребления в сфере уголовного судопроизводства есть и их немало.

Мы сталкиваемся с порождением недоверия к возможностям уголовного правосудия, с его, по сути, дискредитацией.

Термин «дискредитация» ранее не находился в фокусе материального и процессуального уголовного права, «обитая» в нормах права гражданского (запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации /статья 14.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ "О защите конкуренции"/; недопущение дискредитации родителей и воспитателей, подрыв доверия к ним у несовершеннолетних /пункт 1 статьи 6 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ "О рекламе"/), конституционного (пункт 89 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, где говорится о том, что подвергаются дискредитации традиционные для России конфессии, культура, русский язык как государственный язык Российской Федерации), экологического (подпункт «д» пункта 8 Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от

05.03.2020 № 164, в котором дискредитация деятельности Российской Федерации в Арктике названа одним из Основных вызовов в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике).

В настоящее время с принятием Федерального закона от 04.03.2022 № 32-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" «дискредитация» стала понятием материального уголовного права. Появились три новых состава преступления: Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (статья 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации); Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (статья 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации); Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (статья 284.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Два из трех новых составов говорят о «дискредитации» (ст.ст. 207.3, 280.3 УК РФ), один из них (ст. 280.3 УК РФ) прямо использует это слово, другой (ст. 207.3 УК РФ) его подразумевает.

Всё, что мы ранее обсудили применительно к прочим отраслям права, относится и к производству по уголовным делам. Нельзя сказать, что закон и судебная практика вообще не замечали тематики, связанной с «добросовестностью и разумностью», «злоупотреблением правом», «дискредитацией», но эта тематика не подразумевала именно репутационных смыслов.

Сначала несколько слов в отношении дискредитации. Дискредитация (от фр. *discréditer* – «подрывать доверие») – умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа и доверия к кому-либо, умаление его достоинства и авторитета. Причём, очевидно, что здесь главное именно «доверие», что связано со значением слова «кредит». Кредит (от лат. *creditum* – заём от лат. *credere* – доверять).

Таким образом, говоря о дискредитации, подходим ко всему, что ассоциируется с доверием или с отсутствием оно, составляем мнение о ком-либо, о чём-либо.

Мнение о возможности доверять или, наоборот, об априорном подозрении охватывается понятием «репутация».

Репутация может быть любая – безупречная или сомнительная.

При этом проявления «репутации» в уголовно-процессуальном праве интереснее и фундаментальнее, чем кажутся.

В структурном отношении место «репутации» находится на стыке двух подотраслей: уголовно-процессуального доказательственного и уголовно-процессуального статусного права [12. С. 229-234].

Репутация комплексным образом сочетает внутри себя и добросовестность, и разумность, и недопустимость злоупотребления правом, и наличие/отсутствие априорной дискредитации.

Каковы репутационные проявления в уголовно-процессуальном праве?

Прежде всего это все случаи прямого или косвенного упоминания о доверии.

Прямо доверие упоминается в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дважды применительно к мерам пресечения.

Так, личное поручительство (статья 103 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) в силу положений части 1 статьи 103 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств являться по вызову, а также не препятствовать производству по уголовному делу.

В аналогичном контексте доверие упомянуто в ч. 1 ст. 105 УПК РФ применительно к присмотру за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Однако довольно часто понятие репутации проявляется без прямого указания на него в законе.

Например, предоставляя широкие полномочия суду (ст. 29 УПК РФ), прокурору (ст. 37 УПК РФ), следователю (ст. 38 УПК РФ), руководителю следственного органа (ст. 39 УПК РФ), дознавателю и его руководителям (ст.ст. 40.1, 40.2, 41), - законодатель исходит из того, что репутация у носителей этих полномочий безупречная, каждый из них обязан иметь совесть и ею руководствоваться (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Причём последнее (наличие совести) есть не только профессиональный атрибут профессионального властного участника уголовно-процессуальной деятельности, но и неотъемлемое качество

того, кому доверено принятие приговора по делу (ч. 1 ст. 332 УПК РФ).

Таким образом, у государственных органов и должностных лиц предполагается наличие положительной репутации, что обуславливает наличие доверия к их действиям и решениям.

Гарантируются такие высокие репутационные стандарты наличием «фильтров», которые исключают возникновение соответствующих процессуальных статусов у вышеперечисленных лиц, которые, например, имеют неснятую или непогашенную судимость.

Теперь о лицах с сомнительной репутацией.

Во-первых, это лица, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу.

Это субъекты со стороны защиты (преследуемые¹ лица), за исключением защитника и представителя: подозреваемый (ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (ст. 47 УПК РФ), лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка² (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а также гражданский ответчик, коль скоро предполагается, что он может совершать некие запрещённые действия (ч. 3 ст. 54 УПК РФ).

Проблема зачастую заключается в том, что преследуемые лица изначально предполагаются теми, кто потенциально склонен ко лжи, то есть их репутация заведомо «подмачивается» самим фактом присвоения им соответствующего преследуемого процессуального статуса.

Есть и другие случаи, в которых репутация страдает от одного предположения о наличии возможности антиобщественного

поведения субъекта уголовно-процессуальной деятельности.

В ч. 3 ст. 115 УПК РФ указано: «Арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооружённого формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

Лицо, не являющееся ни подозреваемым, ни обвиняемым, имущество которого арестовано, тоже является преследуемым лицом, хотя именно уголовное преследование в узком смысле в отношении него не осуществляется.

Проблема для преследуемого лица заключается в том, что его ранее безупречная (в общесоциальном смысле) репутация «разбивается» о новый процессуальный статус в уголовном деле.

Парадоксально, но факт что, в некотором смысле обвиняемый находится в более привилегированном репутационном положении, чем лицо, чьё имущество подвергнуто аресту.

Как быть? Можно ли эту ситуацию урегулировать нормами права?

Это сложно, но возможно, но только в общем декларативном плане.

¹ Термин «преследуемые лица» здесь более широк, нежели «лица, подвергаемые уголовному преследованию», поскольку, например, гражданский ответчик не обязательно преследуется за совершение деяния, запрещённого уголовным законом под страхом наказания.

² Доследственная проверка – действия, проводимые до возбуждения уголовного дела. В УПК РФ «доследственная» проверка не упоминается, однако в качестве совокупности действий до возбуждения уголовного дела на неё указывается в подзаконных актах и официальных актах толкования (в том числе: "Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов", утв. ФССП России 15.09.2014 № 0004/22; Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 "О едином учете преступлений" (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339); "Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ) и прочие).

Заключение

Предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законе норму, аналогичную презумпции невиновности, закреплённой в ст. 14 УПК РФ.

Например, она может быть сформулирована следующим образом:

«Статья 14.1. Презумпция добросовестности.

1. Каждый считается добросовестным и разумным, пока иное не будет доказано в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлено вступившим в законную силу судебным актом.

2. Каждый не обязан доказывать свою добросовестность и разумность. Бремя доказывания недобросовестности, неразумности, злоупотребления правом, лежит на лице, утверждающем обратное.

3. Все сомнения в добросовестности и разумности лица, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу лица, репутация которого подвергнута сомнению.

4. Любые процессуальные действия и (или) решения государственного органа или должностного лица в сфере уголовного судопроизводства, даже основанные на предположениях, не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица определённого процессуального статуса в рассматриваемом или ином деле».

Таким образом, в российской уголовной юрисдикции назревает необходимость использования правового института, который может быть условно либо формально-юридически поименован как «репутация».

Литература:

1. Большой Энциклопедический словарь. // «Academic.ru» — интернет-сервис для поиска информации по базе словарей, энциклопедий, книжных магазинов и фильмов. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>.
2. Бытие // Библия. Ветхий Завет. Глава 25. Стих 29–34.
3. Винницкий А.В. Продолжение дискуссии об административной ответственности арбитражных управляющих в свете подготовки проекта нового КоАП // Административное и муниципальное право. 2020. № 2 С.1-15.
4. Годфруа, Ж. Что такое психология. Т. 1. М., 1992.
5. Евангелие по Матфею // Библия. Новый Завет. Гл. 6. Стих 24.
6. Лидов А. Икона и иконическое в сакральном пространстве // Полит.ру. 2010. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/07/16/icon.html>.
7. Мартынов В. «Музыка и письмо» // Полит.ру. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/10/05/martynov>.
8. Моторин А.В. Русский «образ», греческая «икона» и западный «имидж» // Российский православный информационный интернет-портал «Православие.Ru» 2010. URL: <http://www.pravoslavie.ru/34145.html>.
9. Новейший философский словарь: 3-е изд., Минск, 2003.
10. Пивоваров Д.В., Кемеров В. НАГЛЯДНОСТЬ // Философская энциклопедия. - "Панпринт", 1998 // Национальная энциклопедическая служба России (НЭС) – открытый образовательный ресурс. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/nagljadnost>.
11. Софронов, Г.В., Холстинин, Р.Н. Стремление к истине как доминанта развития уголовно-процессуального доказательственного права // Российский юридический журнал. 2019. № 2 С.108-115.
12. Софронов, Г.В. Подотраслевая структура уголовного процесса // Прокуратура Российской Федерации: вектор развития и роль в формировании демократического правового государства. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию прокуратуры Российской Федерации. 2021. Часть 2. С. 229-234.
13. Чудинов, А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910 // Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPTS: IMAGE, ICON, IMAGE, HONESTY, REPUTATION, THEIR MANIFESTATIONS IN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Introduction. The article presents an attempt for the first time, on the basis of philosophical and legal understanding, to use the concept of "reputation", which is new for legal scientific circulation. Legal terms, including criminal procedural ones, arise as generic terms. That is, concepts are brought under a common genus, and then specific differences are distinguished. Philosophical categories, due to their universality, cannot be summed up under the genus, and, as a rule, act as a dialectical pair of opposites - the thesis and antithesis. Such, for example, are the concepts of essence and phenomenon, necessity and chance, content and form. The complexity of introducing a new concept of reputation into scientific circulation lies in the fact that it does not have its own dialectical antithesis. A bad reputation is also a reputation. At a stretch, reputation can be opposed to discredit, but discredit is an action aimed at undermining reputation, and this is a transition to another kind. Concepts of this kind can be meaningful by analogy. As such, the authors chose the dialectical pair icon - image, like foreign-language tracing papers from the Russian word image, which in the legal sense are reduced to reputation. Both that and another (both an icon and an image) are an image, but how different and even opposite are the meanings of these words. Moreover, initially the intentions of the authors were precisely linguistic (and not religious or marketing), and only then the words themselves designated the cultural area of their application.

Materials and methods. The theoretical and methodological basis of the study was the hermeneutical approach to the analysis of the concept of "reputation". Methods of systematic, comparative legal analysis, special philosophical and legal research tools were used. The authors used examples from various areas of law - criminal procedure, criminal, civil.

Research results. Based on the results of the analysis, the question of trust is raised in relation to the procedural status of participants in criminal proceedings. The introduction of the concept of "reputation" as a legal category into legal circulation is proposed.

Discussion and conclusion. In the form of a legislative novel, the presumption of good faith of a participant in criminal proceedings is formulated.

Presumption of good faith:

1. Everyone is considered conscientious and reasonable, until otherwise is proved in the manner prescribed by this Code and established by a judicial act that has entered into legal force.

2. Everyone is not obliged to prove their conscientiousness and reasonableness. The burden of proving dishonesty, unreasonableness, abuse of right lies with the person who claims the opposite.

3. All doubts about the good faith and reasonableness of a person that cannot be eliminated in the manner prescribed by this Code shall be interpreted in favor of the person whose reputation is questioned.

4. Any procedural actions and (or) decisions of a state body or an official in the field of criminal proceedings, even based on assumptions, cannot be based solely on the fact that a person has a certain procedural status in a case under consideration or another.

Gleb V. Sofronov,
PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Judicial Activity and Criminal
Procedure, Ural State Law University named
after V.F. Yakovlev, Russia

Robert N. Kholstinin,
Senior Lecturer of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines, Ural State Law
University named after V.F. Yakovlev, Russia

Ключевые слова:

репутация, икона, имидж, внешний вид,
процессуальный статус, процессуальные
действия, репутация, добросовестность,
разумность, злоупотребление
законом, дискредитация, уголовное
судопроизводство, философия права,
логика права

Keywords:

reputation, icon, image, appearance,
procedural status, procedural actions,
reputation, integrity, reasonableness, abuse
of law, discredit, criminal proceedings,
philosophy of law, logic of law

References:

1. Bolshoy Entsiklopedicheskiy slovar. 2000 [A large Encyclopedic dictionary]. *Academic.ru*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>
2. Bytie. Bibliya. Vetkhiy Zavet [Genesis. The Bible. The Old Testament]. Chapter 25. Verse 29-34.
3. Vinnitsky, A.V., 2020. Prodolzhenie diskussii ob administrativnoy otvetstvennosti arbitraznykh upravlyayushchikh v svete podgotovki proekta novogo KoAP [Continuation of the discussion on the administrative responsibility of arbitration managers in the light of the preparation of the draft of the new Administrative Code]. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo [Administrative and municipal law]*. No. 2. P. 1-15.
4. Godfroy, J., 1992. Chto takoe psikhologiya. Vol. 1 [What is psychology]. Moscow.
5. Evangelie po Matfeyu. Bibliya. Novyy Zavet [The Gospel according to Matthew. The Bible. The New Testament]. Chapter 6. Verse 24.
6. Lidov, A., 2010. Ikona i ikonicheskoe v sakralnom prostranstve [Icon and the iconic in the sacred space]. *Polit.ru*. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/07/16/icon.html>
7. Martynov, V., 2007. «Muzyka i pismo». ["Music and writing"]. *Polit.ru*. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/10/05/martynov>
8. Motorin, A.V., 2010. Russkiy «obraz», grecheskaya «ikona» i zapadnyy «imidzh». [Russian "image", Greek "icon" and Western "image".] *Rossiyskiy pravoslavnyy informatsionnyy internet-portal «Pravoslávie.Ru» [Russian Orthodox information Internet portal "Orthodoxy.Ru"]*. URL: <http://www.pravoslavie.ru/34145.html>
9. Noveyshiyy filosofskiy slovar. 2003. [The newest Philosophical Dictionary.]. Minsk.
10. Pivovarov D., Kemerov V. 1998. NAGLYADNOST [VISIBILITY]. *Filosofskaya entsiklopediya. - "Panprint". Natsionalnaya entsiklopedicheskaya sluzhba Rossii (NES) – otkrytyy obrazovatelnyy resurs [Philosophical Encyclopedia - "Panprint". National Encyclopedic Service of Russia (NES) – an open educational resource]*. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/nagljadnost>
11. Sofronov, G.V., Kholstinin, R.N., 2019. Stremlenie k istine kak dominanta razvitiya ugovno-protsessualnogo dokazatelstvennogo prava [The pursuit of truth as a dominant in the development of criminal procedural evidentiary law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Law Journal]*. No. 2 P. 108-115.
12. Sofronov, G.V., 2021. Podotraslevaya struktura ugovnogo protsesssa. Prokuratura Rossiyskoy Federatsii: vektor razvitiya i rol v formirovanii demokratcheskogo pravovogo gosudarstva [Sub-sectoral structure of the criminal process. Prosecutor's Office of the Russian Federation: vector of development and role in the formation of a democratic rule of law]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Collection of materials of the International scientific and Practical conference dedicated to the 300th anniversary of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]*. Part 2. P. 229-234.
13. Chudinov, A.N., 1910. Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. *Academic.ru*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641>

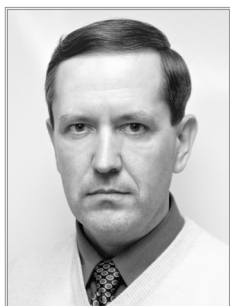
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИНДУСТРИИ 4.0 В ЕАЭС И БРИКС: ПРАВОВЫЕ РИСКИ

Агнесса Иншакова*
Александр Гончаров**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-15-22

Введение. Исследование содержит научную разработку понятий и категорий из состава межгосударственного регулирования процедур внедрения цифровых технологий Индустрии 4.0 для их применения юридическими лицами из стран - членов объединений ЕАЭС и БРИКС при осуществлении ими внешнеэкономической деятельности. Формулируются на понятийном уровне определение правовых рисков, которые могут сложиться при внедрении и применении цифровых технологий индустрии 4.0.

Материалы и методы. В работе были использованы традиционные общенаучные методы исследования, такие как диалектический метод познания, анализ, синтез, индукция, дедукция, а также частнонаучные юридические методы, среди которых формально-юридический, метод юридического толкования. Системный подход к исследованию поставленной проблемы реализован авторами путем применения в сочетании нескольких методов научного исследования.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа авторами обоснован научно-методологический принцип межюрисдикционного управления рисками изменения законодательства, а также их нейтрализации и избежания при осуществлении внешнеэкономической деятельности юридическими лицами из стран - членов объединений ЕАЭС и БРИКС. Указанный подход межюрисдикционного управления правовыми рисками предлагается закрепить в составе положений международной конвенции, к которой смогут присоединиться страны-участницы интеграционных объединений, обеспечив вступление в силу соответствующих регулятивных положений в своих юрисдикциях.

* **Иншакова Агнесса Олеговна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, Россия
e-mail: ainshakova@list.ru
ORCID ID: 0000-0001-8255-8160

** **Гончаров Александр Иванович**, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, Россия
e-mail: goncharova.sofia@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6580-4104

Обсуждение и заключение. По итогам проведенного исследования сформирован по пяти категориям комплекс информационно-коммуникационных технологий непрерывного слежения за движением единичных товаров, а также транспортных средств, которые перевозят товары по внешнеторговым сделкам между юрисдикциями объединений ЕАЭС и БРИКС. Данный комплекс цифровых технологий следует применять на основе нового научно-методологического подхода межюрисдикционного управления рисками столкновения положений законодательства, а также нейтрализации и избежания этих рисков при осуществлении внешнеэкономической деятельности хозяйствующими субъектами юрисдикций указанных объединений.

Новый подход предусматривает согласование в механизме межюрисдикционного полисубъектного блокчейна государствами-членами интеграционных объединений принимаемых нормативных документов, касающихся внедрения и применения цифровых технологий внешнеэкономической деятельности, и доведение до уровня единого (одинакового) для всех участников регулятивного документа путем его одномоментной регистрации на сервере каждого из внешнеэкономических ведомств ЕАЭС и БРИКС как субъектов распределённого реестра.

Введение

Экономическое взаимодействие хозяйствующих субъектов – резидентов государств-участников интеграционных объединений с участием Российской Федерации, таких как ЕАЭС и БРИКС, в текущий период совершенствуется на основе интенсивного внедрения компьютерных цифровых технологий индустрии 4.0. Однако правовое регулирование этого процесса на межгосударственном уровне между членами интеграционных объединений практически не разработано, в единичных случаях допускаются противоречивые нормативные решения. Такие правовые риски в случае их возникновения негативно влияют на динамику внешнеторговой деятельности хозяйствующих субъектов – резидентов государств-членов ЕАЭС и БРИКС [2]. Указанная проблема имеет комплексную причинную основу, по мнению авторов, одним из ключевых факторов является недостаточная научная разработка понятий и категорий межгосударственного регулирования при внедрении цифровых технологий индустрии 4.0, а также правовых рисков при применении этих технологий хозяйствующими субъектами – резидентами юрисдикций ЕАЭС и БРИКС.

Исследование

Если обратиться к имеющейся нормативной базе ЕАЭС, то, например, в Заявлении о цифровой повестке Евразийского экономического союза отмечается необходимость развития цифровой экономики государств-членов, имеется уверенность, что формирование цифровой повестки ЕАЭС будет способствовать открытому, широкому и равноправному сотрудничеству государств-членов, хозяйствующих субъектов и граждан, росту эффективности и объемов экономики каждого из государств-членов, переходу ЕАЭС на новый уровень экономического, технологического и социального развития¹. В настоящее время информационное обеспечение интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование Союза, определено статьей 23 Договора (Астана, 29.11.2014) (с изменениями и дополнениями)² и Протоколом об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 3 к Договору).

В Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 "Об Основных направлениях реализации циф-

¹ <http://pravo.eaeunion.org/document?id=71553074 &byPara=1&sub=1>.

² <http://base.garant.ru/70670880/ #ixzz6gzcJ0u7L>.

ровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года" постановлено, что государства-члены самостоятельно разрабатывают, формируют и реализуют национальную политику в сферах цифровизации экономики, связи и информатизации, обеспечения устойчивого функционирования и безопасности единого информационного пространства и инфраструктуры связи, в том числе реализуют национальные мероприятия по развитию цифровой повестки. Отсутствие согласованной политики государств-членов в цифровой сфере может стать препятствием для достижения синергетических эффектов в развитии цифровой экономики государств-членов и цифрового пространства Союза. Реализация цифровой повестки предполагает использование новых бизнес-процессов, цифровых моделей и создание цифровых активов. Для успешной реализации проектов возможно создание среды, обеспечивающей проработку проектов цифровой трансформации в формате регулятивной "песочницы". Это позволит получить значительный эффект в части формирования и накопления компетенций, отработки регуляторных моделей, поддержки процессов апробации и коммерциализации проектов на ранних стадиях развития, тестирования и прототипирования решений, сбора в проектах талантливых коллективов (команд), формирования библиотеки моделей процессов, ускорения отработки бизнес-моделей цифровых активов, формирования совместных решений и существенного снижения рисков. Цифровая трансформация рынков Союза приведет к развитию цифрового рынка, в рамках функционирования которого необходимо обеспечить свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Для достижения этого результата потребуется приведение в соответствие моделей изменений регулирования на внутренних рынках Союза с моделью цифровой трансформации интеграционных процессов в рамках цифровой повестки.

Цифровая трансформация рынков товаров и услуг приведет к значительному упрощению торговых процедур путем перехода в цифровую форму, активному использованию электронной торговли, а

также к эффективной реализации и использованию механизмов "единого окна" в сфере экономики [4. С. 62; 5. С. 131]. Это потребует проведения дальнейшей гармонизации в сфере правил ведения трансграничной электронной торговли, стимулирования ведения бизнеса в цифровой форме, координации действий в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка, а также включения вопросов регулирования сотрудничества в сфере цифровой экономики в повестку дня торговых переговоров ЕАЭС с третьими странами³.

Обратим внимание, в Приложении к Основным направлениям реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года первым из Приоритетов проработки инициатив в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года указана цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов в Евразийском экономическом союзе⁴.

Относительно межгосударственного регулирования внедрения цифровых технологий индустрии 4.0 на уровне БРИКС, а также относительно правовых рисков при применении цифровых технологий в рамках указанного интеграционного объединения следует отметить, что научные разработки этих вопросов отсутствуют. По отдельным аспектам цифровизации на уровне ЕАЭС в доктрине имеются научные исследования.

Например, Толпекин К.А. исследует реализацию «Цифровой повестки дня ЕАЭС до 2025 года», но фрагментарно лишь в свете обеспечения эффективности цифровой криминалистики [11]. В сфере модернизации денег и кредита заслуживает поддержки позиция академика РАН С.Ю. Глазьева. [1]. Мы поддерживаем уважаемого академика С.Ю. Глазьева в части формирования Большого евразийского партнерства в формате ЕАЭС + БРИКС. Пономоренко В.Е. тоже формулирует предложения по применению технологии распределённого реестра в платёжном пространстве ЕАЭС [9]. Поддерживаем также позицию, которую формулируют Чистякова Е.А., Соколова О.Ю., Захарова С.В [12]. Непосредственно по проблематике, которую мы рассматриваем в настоящей

³ <http://pravo.eaeunion.org/document?id=71708158&byPara=1&sub=1>.

⁴ <http://pravo.eaeunion.org/document?id=71708158&byPara=1&sub=1>.

разработке, на научном уровне высказалась Янковская Е.С [13]. Мы согласимся с указанным автором в части низкой интенсивности научных исследований, особенно вопросов межгосударственного регулирования внедрения и правовых рисков при применении цифровых технологий индустрии 4.0 на уровне интеграционных объединений с участием России.

Рассматривая в понятийном ракурсе правовые риски при внедрении и применении цифровых технологий индустрии 4.0 на уровне ЕАЭС и БРИКС, следует, прежде всего, сформулировать само понятие указанных рисков в сфере внешнеэкономической деятельности. Правовой риск невозможности внедрения и применения либо ненадлежащего применения цифровых технологий индустрии 4.0 хозяйствующими субъектами – резидентами государств-членов ЕАЭС и БРИКС – это вероятность наступления для них события, которое влечёт более чем на 1/3 от запланированного увеличение затрат (убытки) либо получение менее 1/3 запланированного дохода (упущенная выгода) вследствие столкновения национальных норм государств-членов ЕАЭС и БРИКС, регулирующих внедрение и (или) применение цифровых технологий в сфере внешнеэкономической деятельности.

Нормативные установки, которые мы анализировали выше, в целом можно признать вполне целесообразными, однако нет концентрации регулирования по конкретным направлениям, в частности, цифровых технологий внешнеэкономической деятельности компаний-резидентов как государств-членов ЕАЭС, так и БРИКС. При этом любая внешнеторговая сделка имеет одинаковые дискретные этапы, которые всегда повторяются, имея в части исполнения незначительные отличия, обусловленные тем или иным видом перевозящего груз транспорта. В целом исполнение внешнеторговой сделки охватывает 6 этапов: 1) производство экспортного товара; 2) подготовка товара к отгрузке; 3) страхование, платежи и расчёты за товар; 4) экспедирование и международная перевозка грузов; 5) таможенная очистка, пересечение грузом государственных границ.

В категориальном ракурсе мы предлагаем передовые компьютерные (цифровые) технологии индустрии 4.0, применяемые компаниями, участвующими во внешнеэкономической деятельности, сгруппировать и дифференцировать по пяти направлениям использования во внешнеторговых сделках,

основываясь именно на дискретных повторяющихся этапах исполнения сделок.

В рамках первичного этапа производства экспортного товара в состав категории «Цифровая маркировка товаров» следует интегрировать технологии поштучного чипирования каждой отдельной единицы товара, который перемещается по трансграничной сделке. Современные сложные товары следует изготавливать с идентификационными номерами в виде уникальных штрих-кодов, а также с неотделяющимися дистанционными устройствами интернет-связи – микрочипами, которые работают по аналогии с сим-картами современных мобильных телефонов. Данный товар может выходить на связь с командным центром связи, когда это необходимо собственнику (покупателю) товара, в том числе данный микрочип способен выполнять функцию цифровой маркировки этого товара, включать свой «маячок» в момент отгрузки с заводского конвейера и осуществлять свою цифровую прослеживаемость до конечной точки получения данной единицы товара покупателем [3].

На втором этапе сделки при подготовке товара к отгрузке в состав категории «Цифровая маркировка стандартных товарных контейнеров» необходимо объединить технологии оборудования цифровыми маркерами стандартных морских, железнодорожных, авиационных, автомобильных транспортных контейнеров. Соответствующее коммуникационным нагрузкам устройство интернет-связи – аналогичный большой микрочип (возможно миникомпьютер) – должно неотделимо прикрепляться к стандартному транспортному контейнеру. Такой контейнерный миникомпьютер обеспечивает непрерывное прослеживание нахождения внутри данного контейнера каждой единицы перевозимого товара, а также поддерживает прослеживание движения самого контейнера по маршруту сделки [7].

На третьем этапе трансграничной сделки осуществляются страхование, платежи и расчёты за товар, на этом этапе в состав категории «Внешнеторговые смарт-контракты» следует объединить технологии автоматического исполнения платежей за товары, иных платежей и отгрузок товаров по сделкам, которые осуществляются на основе цифровых технологий смарт-контрактов. Вполне логично с функционалом исполнения смарт-контрактов соединить по интернет-связи работу цифровых маркеров – микрочипов с каждой единицы товара, миникомпьютеров, которыми оборудованы стандартные транс-

портные контейнеры, которые движутся по маршруту сделки на том или ином транспортном средстве. Нет никаких технических проблем увязать начало движения либо отказ от начала движения товара по маршруту сделки с финансовым исполнением по технологии дистанционного банковского обслуживания: платежей по страхованию рисков в связи с транспортировкой груза, уплаты цены за товар. Всё это в итоге и составит алгоритм смарт-контракта по конкретной внешнеторговой сделке [6].

Для четвертого этапа, который условно ограничен как экспедирование и международная перевозка грузов, предлагается в состав категории «Роуминг с бортом перевозчика» объединить цифровые технологии непрерывного спутникового пеленга из космоса и передачи в командный центр связи сигналов прослеживания стандартных товарных контейнеров, которые перевозятся морским судном, поездом, самолетом, автомобилем по маршруту сделки. Такие транспортные контейнеры, оборудованные миникомпьютерами, находящимися на непрерывной интернет-связи, следует также через интернет подключать к интерактивным порталам «Внешнеэкономическая деятельность в объединении БРИКС онлайн», «Внешнеэкономическая деятельность в объединении ЕАЭС онлайн». Эти межгосударственные интернет-порталы могут функционировать в качестве самостоятельных интернет-сайтов, могут функционировать как специальные вкладки сайтов самих интеграционных объединений ЕАЭС и БРИКС [10].

На пятом финальном этапе исполнения внешнеторговой сделки в состав категории «Электронная государственная граница» и «Таможенный мониторинг» следует интегрировать технологии формирования электронного паспорта груза, контроля и регистрации прохождения товарами таможенных процедур, а также пересечения стандартными товарными контейнерами государственной границы юрисдикции их отправки и юрисдикции их доставки по маршрутам внешнеторговых сделок. Кроме того, движение грузов может прослеживаться через промежуточные «цифровые ворота», которые должны устанавливаться в промежуточных морских (речных) портах

следования, на узловых станциях железных дорог, крупных развязок и перекрёстков автомобильных трасс.

Заключение

Дифференцированный по пяти категориям комплекс информационно-коммуникационных технологий непрерывного слежения за движением и единичных товаров, и транспортных средств, которые перевозят товары по внешнеторговым сделкам между юрисдикциями объединений ЕАЭС и БРИКС следует применять на основе нового научно-методологического подхода межюрисдикционного управления рисками столкновения положений законодательства, а также подхода к нейтрализации и избежанию этих рисков при осуществлении экономической деятельности хозяйствующими субъектами юрисдикций указанных объединений. Ключевой особенностью нового подхода является согласование в механизме межюрисдикционного полисубъектного блокчейна государствами-членами интеграционных объединений принимаемых нормативных документов, содержащих нормативные положения о внедрении и применении цифровых технологий внешнеэкономической деятельности, и доведение до уровня единого (одинакового) для всех участников регулятивного документа путем его одномоментной регистрации на сервере каждого из внешнеэкономических ведомств ЕАЭС и БРИКС [8].

Указанный подход межюрисдикционного управления правовыми рисками при внедрении и при применении цифровых технологий индустрии 4.0 в объединениях ЕАЭС и БРИКС предлагается закрепить в составе положений международной конвенции «О цифровых технологиях внешнеэкономической деятельности, применяемых резидентами юрисдикций Большого евразийского партнёрства». К этой конвенции в механизме межюрисдикционного полисубъектного блокчейна смогут присоединиться государства-участники интеграционных объединений ЕАЭС и БРИКС, тем самым обеспечить вступление в силу соответствующих регулятивных положений на своих национальных территориях.

Литература:

1. Глазьев С.Ю. Об использовании цифровых технологий в целях создания рынка капитала ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 7-8.
2. Agnessa O. Inshakova, Alexander I. Goncharov, Elena I. Inshakova, Yuliya A. Tumchuk. Digital Technologies for Alternative Methods of Resolving Conflicts: The Prospects of Application in Russia and Other BRICS Countries. In Inshakova, A.O., Bogoviz, A.V. (Ed.) // Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law. A volume in the series Popkova, E.G. (Ed.). Advances in Research on Russian Business and Management, Charlotte, NC, USA, Information Age Publishing. 2020 // <https://www.infoagepub.com>.
3. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Ershova, I.V. Digital blockchain registration of legally significant stages of complex good's export-import supplies by business entities of the EAEU and BRICS jurisdictions // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Volume 110. P. 328-336.
4. Матыцин Д.Е. Инвестиции в Интернете: дистанционные сделки с электронными эквивалентами обязательств и требований // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 57-68.
5. Матыцин Д.Е. Понятие дистанционно-цифровой инвестиционной сделки в информационном пространстве // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1. С. 129-136.
6. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Salikov, D.A. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Volume 91. P. 3-13.
7. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I. Innovation as an integral condition for the development of modern foreign trade turnover of energy resources and its legal regulation // Lecture Notes in Networks and Systems. 2019. Volume 44. P. 67-78.
8. Kalinina, A.E., Inshakova, A.O., Goncharov, A.I. Polysubject jurisdictional blockchain: Electronic registration of facts to reduce economic conflicts // Studies in Computational Intelligence. 2019. Volume 826. P. 205-213.
9. Пономоренко В.Е. Об основаниях и перспективах формирования единого цифрового платёжного пространства ЕАЭС // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 24-28.
10. Tarakanov, V.V., Inshakova, A.O., Goncharov, A.I. Interactive demo on-line maintenance foreign trade deals of business entities of BRICS jurisdictions // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Volume 110. P. 319-327.
11. Толпекин К.А. Международные, национальные и интеграционные нормы ЕАЭС об использовании информационных приемов цифровой криминалистики в противодействии киберпреступлениям // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017 № 4. С. 87-96.
12. Чистякова Е.А., Соколова О.Ю., Захарова С.В. Общие цифровые экосистемы стран ЕАЭС // Вестник СГСЭУ. 2020. № 2 (81). С. 38-40.
13. Янковская Е.С. Перспективы развития внешнеэкономической деятельности в условиях цифровой трансформации Евразийского экономического союза // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 3 (67). С. 78-82.

INTERSTATE REGULATION OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES OF INDUSTRY 4.0 IN THE EAEU AND BRICS: LEGAL RISKS

Introduction. The investigation contains a scientific development of some concepts and categories from the interstate regulation of the procedures for the introduction of digital technologies in Industry 4.0 for their use by economic entities of the EAEU and BRICS jurisdictions in their foreign economic activities. The definition of legal risks that may arise during the implementation and application of digital technologies of Industry 4.0 formulated at the conceptual level.

Materials and methods. The work used traditional general scientific research methods, such as the dialectical method of cognition, analysis, synthesis,

induction, deduction, as well as private scientific legal methods, including formal legal, the method of legal interpretation. The authors implement a systematic approach to the study of the problem by using several methods of scientific research in combination.

Research results. As a result of the analysis, the authors substantiate the scientific and methodological principle of inter-jurisdictional risk management of changes in legislation, as well as their neutralization and avoidance in the implementation of foreign economic activity by economic entities of the EAEU and BRICS jurisdictions. This approach of inter-jurisdictional management of legal risks proposed to be

enshrined in the provisions of the international convention, to which the countries participating in integration associations will be able to join, ensuring the entry into force of the relevant regulatory provisions in their jurisdictions.

Discussion and conclusion. Based on the results of the study, a complex of information and communication technologies for continuous tracking of the movement of individual goods, as well as vehicles that transport goods under foreign trade transactions between the jurisdictions of the EAEU and BRICS associations, has been formed in five categories. This set of digital technologies applied on basis of a new scientific and methodological approach to inter-jurisdictional risk management of collisions with legal provisions, as well as the neutralization and avoidance of these risks in the implementation of foreign economic activities by economic entities of the jurisdictions of these associations.

The new approach provides for the coordination of the regulatory documents adopted by the member

states of the integration associations in the mechanism of the inter-jurisdictional polysubject blockchain. The documents relate to the introduction and application of digital technologies of foreign economic activity, to the level of a single (identical) regulatory document for all participants by simultaneously registering it on the server of each of the foreign economic departments of the EAEU and BRICS as subjects of a distributed register.

Agnessa O. Inshakova,
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head
of the Department of Civil and International
Private Law, Volgograd State University,
Russia

Alexander I. Goncharov,
Doctor of Juridical Sciences, Doctor
of Economics, Professor of the Department of
Civil and International Private Law, Volgograd
State University, Russia

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00314 "Transformation of public relations in the context of Industry 4.0: legal prevention").

Ключевые слова:

внешнеэкономическая деятельность;
цифровые технологии; интеграционные
объединения; правовые риски; индустрия
4.0; межюрисдикционный полисубъектный
блокчейн

Keywords:

Foreign economic activity; Digital technologies;
Integration associations; Right risks; Industry
4.0; Inter-jurisdictional polysubject blockchain

References:

1. Glaz'ev S.Yu., 2018. Ob ispol'zovanii cifrovyyh tekhnologiy v celyah sozdaniya rynka kapitala EAES [On the use of digital technologies to create the EAEU Capital Market]. *Evrasijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]*. № 1. P. 7-8.
2. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Inshakova E.I., Tumchuk Yu.A., 2020. Digital Technologies for Alternative Methods of Resolving Conflicts: The Prospects of Application in Russia and Other BRICS Countries. In *Inshakova, A.O., Bogoviz, A.V. (Eds.) Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law. A volume in the series Popkova, E.G. (Ed.) Advances in Research on Russian Business and Management, Charlotte, NC, USA, Information Age Publishing*. URL: <https://www.infoagepub.com>.
3. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Ershova I.V., 2020. Digital blockchain registration of legally significant stages of complex goods export-import supplies by business entities of the EAEU and BRICS jurisdictions. *Lecture Notes in Networks and Systems. Volume 110*. P. 328-336.
4. Matytsin D.E., 2022. Investicii v Internetе: distancionnye sdelki s elektronnyimi ekvivalentami obyazatel'stv i trebovanij [Investments on the Internet: Remote Transactions With the Electronic Equivalents of Obligations and Requirements]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*. Vol. 21. № 3. P. 57-68.
5. Matytsin D.E., 2022. Ponyatie distancionno-cifrovoy investicionnoj sdelki v informacionnom prostranstve [The Concept of a Remote Digital Investment Transaction in the Information Space]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*. Vol. 21. № 1. P. 129-136.
6. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Salikov, D.A., 2020. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity. *Lecture Notes in Networks and Systems. Volume 91*. P. 3-13.
7. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., 2019. Innovation as an integral condition for the development of modern foreign trade turnover of energy resources and its legal regulation. *Lecture Notes in Networks and Systems. Volume 44*. P. 67-78.

8. Kalinina, A.E., Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., 2019. Polysubject jurisdictional blockchain: Electronic registration of facts to reduce economic conflicts. *Studies in Computational Intelligence. Volume 826*. P. 205-213.
9. Ponamorenko V.E., 2017. Ob osnovaniyah i perspektivah formirovaniya edinogo cifrovogo platyozhnogo prostranstva EAES [On the grounds and prospects for the formation of a unified digital payment space of the EAEU]. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. № 6. P. 24-28.
10. Tarakanov V.V., Inshakova A.O., Goncharov, A.I., 2020. Interactive demo online maintenance foreign trade deals of business entities of BRICS jurisdictions. *Lecture Notes in Networks and Systems. Volume 110*. P. 319-327.
11. Tolpekin K.A., 2017. Mezhdunarodnye, nacional'nye i integracionnye normy EAES ob ispol'zovanii informacionnyh priemov cifrovoj kriminalistiki v protivodejstvii kiberprestupleniyam [International, national and integration norms of the EAEU on the use of information techniques of digital criminalistics in countering cybercrime]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo [International cooperation of the Eurasian States: politics, economics, law]*. № 4. P. 87-96.
12. Chistyakova E.A., Sokolova O.Yu., Zaharova S.V., 2020. Obshchie cifrovye ekosistemy stran EAES [Common digital ecosystems of the EAEU countries]. *Vestnik SGSEU [Bulletin of the Samara State Economics University]*. № 2 (81). P. 38-40.
13. Yankovskaya E.S., 2018. Perspektivy razvitiya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyah cifrovoj transformacii Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Prospects for the development of foreign economic activity in the conditions of digital transformation of the Eurasian Economic Union]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov]*. № 3 (67). P. 78-82.

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРИНУЖДЕНИЯ В ТЕОРИИ ПРАВА

Любовь Чернова*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-23-30

Введение. В настоящей статье проанализированы современные концепции принуждения в теории права. Влияние на осмысление принуждения было оказано за счет политических и правовых взглядов на сущность государства и права. В либертарном понимании право является институтом, в рамках которого принуждение обеспечивает свободу, а также способно защищать свободу от ее нарушений. В либертарной концепции право понимается как формальное равенство свободных индивидов и представляется как всеобщая форма свободы людей. А, с психологической точки зрения, принуждение в соответствии с концепцией Хейла определяется в качестве механизма искусственного ограничения опций выбора для того, чтобы принудить выбирающего сделать определенный и нежелательный выбор.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в теории права и сравнительном правоведении.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что государственное принуждение определяется в качестве механизма, который ставит лицо перед необходимостью выбора, где каждая из альтернатив не является благоприятной с точки зрения целей и интересов осуществляющего выбор.

Обсуждение и заключение. Установлено, что феномен государственного принуждения в современном дискурсе рассматривается в сопоставлении со свободой. Уделено внимание концепциям принуждения В.А. Четвернина, а также А.С. Пучнина. Кроме того, в статье предпринята попытка применить воззрения Р. Хейла к анализу государственного принуждения.

* **Чернова Любовь Сергеевна**, преподаватель секции кафедры английского языка № 6 Одинцовского филиала МГИМО МИД России, соискатель кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России
e-mail: chernoaluba123@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-1820-9031

Введение

В современной теории права вопрос о принуждении обычно рассматривается в сопоставлении со свободой. Политико-правовые воззрения на сущность государства и права не могли не оказать влияния на осмысление принуждения. Так, В.А. Четвернин, давая определение понятию права, пишет: «В либертарном понимании право является институтом, в рамках которого принуждение обеспечивает свободу, защищает свободу от ее нарушений. Свободой (и правом как необходимым институтом или необходимой формой свободы) признается такой порядок социальных интеракций, при котором действует (и обеспечивается организованным принуждением) всеобщий запрет агрессивного насилия <...> В либертарном понимании правовой регуляцией признается только обеспечение равенства в свободе, т.е. такая «сопряженная с принуждением регуляция поведения» свободных индивидов, когда отклоняющимся поведением признается только агрессивное насилие» [7. С. 228-229]. Однако подобное определение стало объектом критики И.Л. Честнова, который указал на весьма расплывчатый критерий «агрессивного насилия» [6. С. 565-566]. «Кто и по какому критерию определяет в каждом конкретном случае, имеет ли место агрессивное насилие или нет? – задается вопросом ученый, – например, установление обязательной процедуры регистрации, паспортного контроля, личного досмотра при посадке в самолет (особенно после 11.09.2001) и т.п. ограничивает свободу, но относится ли к «агрессивному насилию»?» [6].

Исследование

В отечественной литературе довольно интересная концепция принуждения сформулирована А.С. Пучниным. Попробуем реконструировать основные суждения автора. Ученый при выявлении принудительных оснований объективного права исходит из гипотезы о том, что принуждение всегда представляет собой изменение воли субъекта, а потому противоречит свободе, справедливости и равенству – фундаментальным составляющим права [2. С. 116].

Отрицание свободы заключается в конечной цели принуждения – несвободе индивида, умаление справедливости также видится ученому во вторжении в индивидуальную волю лица. Наконец по мнению А.С. Пуч-

нина, «принуждение следует рассматривать как действие, направленное на изменение отношения равенства, так как равный не может принуждать равного, сохраняя состояние паритета, свободы и справедливости. Однако равенство – единственный элемент права, признающий принуждение, хотя речь должна вестись, в данном случае, только о праве позитивном, то есть праве, санкционированном государством» [2. С. 117].

На основании этих аргументов автор приходит к выводу о том, что принуждение не может являться признаком права естественного, а является лишь порождением позитивного права. Принуждение описывается в качестве неотъемлемого механизма, служащего медленной эволюции индивида и общества, «научая индивидов правильному использованию свободы, не во зло себе и другим» [2]. В результате, когда совпадут максимы частной и общественной воли, может отпасть необходимость в принуждении. После этого пассажа автор сразу же оговаривается: «...но вероятно такого не случится, ибо государство обосновано не только правом, но и независимыми от права институтами. Отмирание государства невозможно». И единственно верным представляется основной акцент принуждения сместить на принуждение идейное (характерное силе права, поскольку последнее представляет собой идею, или ценную информацию, которая может быть усвоена индивидами самостоятельно, как необходимость; другие эпитеты, способные охарактеризовать данный вид принуждения – принципиальное, психическое, внутреннее).

К сожалению, столь многообещающее начало – выявление противоречия между принуждением и свободой – в итоге вылилось в констатацию весьма тривиального тезиса о «великой» ценности психического принуждения. Это предопределяет потребность обратиться к зарубежному опыту разрешения известной коллизии между свободой и принуждением.

Одним из самых любопытных представляется взгляд Р. Хейла. Описывая принуждение в частном праве, ученый констатирует ошибочность поверхностного вывода о том, что обязательственное, вещное и иные частноправовые институты воплощают идею свободы и самоопределения субъектов [10. Р. 472]. Любая социальная коммуникация происходит в устоявшейся системе распределения благ между субъектами. По сути, поведение лица и его свобода ограничена результатами действий других.

Поведение лица хоть и производит впечатление свободного, в соответствии с теорией Р. Хейла, является следствием косвенного принуждения [4. С. 305]. Последнее мыслится автором в качестве ситуации, когда лицо ставится перед необходимостью выбора, в котором каждая из альтернатив не является благоприятной с точки зрения целей и интересов осуществляющего выбор [14]. Третьяков С.В., иллюстрируя концепцию Р. Хейла, приводит пример с недействительностью сделок, заключенных под влиянием угрозы или насилия [4. С. 306]. Действительно, если представить себе подобную ситуацию, то субъект оказывается в состоянии выбора между плохим и очень плохим. Однако американский правовед идет дальше и заявляет, что любой выбор представляет собой не свободу, а принуждение.

Возьмем, к примеру, реализацию права на труд. Тот факт, что лицо желает вступить в трудовые отношения напрямую связан с существующим в обществе распределением материальных благ: коль скоро субъект намеревается получить необходимые для удовлетворения потребностей блага, он должен предоставить собственнику этих самых благ некий имущественный эквивалент, чтобы состоялся обмен. Для реализации этой задачи потенциальный работник должен устроиться на работу и получить заработную плату. Выходит, субъект вынужден реализовать право на труд в обмен на доступ к материальным благам. Для теории права подобный вывод Р. Хейла означает, что любой «свободный» выбор, в сущности, происходит в рамках взаимного принуждения.

Несомненным достоинством позиции Р. Хейла также является то, что он смог последовательно дифференцировать прямое и косвенное принуждение и указать на то, что в определенных случаях последнее способно оказывать большее воздействие на волю субъектов, чем первое [9. Р. 50].

Тезисы американского правоведа отчетливо напоминают рассуждения основоположника солидаризма Л. Дюги. В соответствии с воззрениями последнего юридические возможности представляют собой права-обязанности, предоставленные субъекту объективным правом [11. Р. 181]. По сути, содержание правовой возможности, принципы ее реализации предопределены целью, которую создает правовой порядок. В этом смысле управомоченный никогда не обладает какой-либо свободой в осуществлении права, наоборот, лишь правовой порядок знает истинное назначение юридической возможности.

Получается, все юридические возможности являются объективно-правовыми [8. Р. 181].

Как гипотеза Л. Дюги, так и концепция Р. Хейла открывают обширные возможности для государственного вмешательства в частные дела. Как верно отмечает С.В. Третьяков: «В самом деле, если любые хозяйственные решения, которые субъекты <...> принимают, являются следствием взаимного принуждения, которое они осуществляют друг на друга, то всегда существуют основания для вмешательства публичной власти с целью «сбалансировать» это взаимное принуждение участников экономического оборота» [4. С. 307]. Объясняется столь высокая роль государства очень просто: поскольку имманентным оказывается взаимное принуждение, от правового порядка требуется искать баланс в каждом конкретном случае, чтобы ограничить власть сильной стороны и защитить наиболее слабую.

Но как эти рассуждения соотносятся с гипотезой о стихийном развитии права? Ведь политико-правовое решение либеральной традиции позволило сформулировать вывод о стихийном развитии права. Проблема здесь состоит в том, что в трактовке Р. Хейла не просто отличить принудительное взаимодействие от добровольного, следовательно, правовой порядок может возвести в ранг правовой нормы именно принудительную социальную практику. В связи с этим государство наделяется правом, с точки зрения Р. Хейла, не только признавать результаты стихийного развития, но и изменять их для того, чтобы «сбалансировать» взаимное принуждение субъектов и ограничить чрезмерную экономическую силу одной из сторон отношения.

Подобный взгляд на роль государства сразу же нивелирует предыдущие возражения о соотношении свободы и принуждения, и в целом постулируемый аргумент о том, что принуждение противоречит равенству, свободе и справедливости. Ведь если каждая социальная коммуникация вызвана принуждением, то функция государства сводится к осуществлению благородной цели – коррекции дисбаланса.

Эти рассуждения выглядят весьма парадоксальным образом. К сожалению, Р. Хейл так и не смог предложить надлежащих критериев разграничения типов государственного вмешательства. По-видимому, цели ученого заключались в попытке расширить пределы государственного вмешательства и полностью деконструировать автономию воли субъекта.

Но попробуем все же вывести содержание принуждения в соответствии с подходом Р. Хейла. Оно представляет собой любое ограничение возможности выбора, которое субъект осознает в качестве такового [12]. Но ведь любой выбор происходит в определенном социальном контексте, который неизбежно влияет на него. В этой связи ограничение не должно создаваться объективными условиями, существующими независимо от субъектов отношений (как в примере – рыночная цена, которая вынуждает покупателя заключить договор). Истинное принуждение заключается в искусственном ограничении свободы выбора альтернатив поведения. В этом смысле принуждение представляется результатом осознанной деятельности принуждающего [4. С. 313].

Весьма удачно понятие принуждения, комментируя положения теории Р. Хейла, сформулировал С.В. Третьяков: «... принуждением следует считать не любое неблагоприятное для выбирающего ограничение опций, между которыми приходится выбирать, а намеренное и искусственное ограничение этих опций с целью принудить выбирающего сделать определённый и нежелательный для него выбор. Иными словами, принуждение в собственном смысле – это намеренная постановка субъекта перед необходимостью совершить выбор из альтернатив, каждая из которых является неблагоприятной и нежелательной для него» [15].

Выходит, что государство уполномочено вмешиваться лишь в ситуациях, когда лицо намеренно и искусственно ограничивает для другого субъекта количество альтернатив с целью принудить последнего осуществить неблагоприятный для него выбор. Но здесь возникает целый каскад дополнительных вопросов: во-первых, что означает намеренность? Во-вторых, как должен определяться благоприятный выбор? В-третьих, современные отношения довольно многообразны и сложны, в экономической сфере нередко речь идет об обширных договорных цепочках, связывающих производителя и конечного покупателя – если предположить наличие принуждения в промежуточном звене цепочки, то на что именно должно реагировать государство и самое главное – как?

Попробуем последовательно ответить на поставленные вопросы. Намеренность отнюдь не означает формы вины в смысле уголовного права, скорее, этот критерий необходим для указания на искусственность созданного принуждения. Так, стихийно образованная рыночная цена обладает рав-

ным принудительным воздействием на всех участников деятельности, вряд ли государству надлежит вмешиваться в процесс ценообразования. Во всяком случае хорошо известны примеры негативных последствий такого вмешательства (разумеется, если речь не идет о нарушении антимонопольного законодательства). В этом смысле рыночная цена – социальный контекст, в рамках которого субъектам приходится делать выбор.

Ответ на второй вопрос более сложный. С.В. Третьяков предлагает следующий пример для прояснения настоящей проблемы. «Предположим, - пишет ученый – некто тонет, рядом проплывает лодка, и ее хозяин предлагает спасти утопающего за огромную сумму. Никаких иных способов спастись у утопающего в данном случае нет. Утопающий соглашается, а после спасения пытается оспорить заключенную сделку со ссылкой на то, что она заключена под влиянием принуждения. С сугубо психологической точки зрения принуждение, трактуемое как ограничение возможности выбора, здесь налицо. Однако хозяин лодки в данном случае не является создателем ситуации, в которую попал тонущий. Он был бы им только в том случае, если бы сам создал ситуацию, в которой оказался тонущий. Тем не менее хозяин лодки в данном случае воспользовался неблагоприятной для тонущего ситуацией. Можно ли считать этот случай принуждением? Все <...> сводится к тому, каким образом трактовать исключенную предложением владельца лодки опцию, а именно безвозмездного спасения утопающего» [4. С. 316]. Выходит, что если безвозмездное спасение рассматривать в качестве общепринятой практики, то предложение владельца лодки спасти утопающего за огромную сумму можно трактовать в качестве искусственного ограничения выбора. Напротив, принуждения не будет и правопорядок не должен никак реагировать, если исходить из посылки, что никто никому ничего не должен. Получается, для того чтобы определить принудительность необходимо знать определенный стандарт поведения. По сути, определить правомерное поведение или ожидаемый от любого разумного лица в данной ситуации стандарт поведения.

Дать ответ на третий вопрос представляется еще более сложной задачей. Представим себе единственного производителя какого-нибудь блага, допустим, он перепродает свой товар по завышенной цене дистрибьютеру, тот в свою очередь также завышает цену (для того, чтобы получить прибыль) и реализует

товар конечному продавцу. Последний продает товар по весьма завышенной цене двум различным покупателям, один из которых обладает значительным состоянием, тогда как второй претерпевает. Как решить подобный пример с точки зрения Р. Хейла? Также надлежит учитывать, что для богача излишняя трата денег не представляется принуждением, тогда как для нищего очевидно искусственное создание ситуации ограниченного выбора. Стоит ли государству реагировать лишь на поведение производителя и финальную сделку между продавцом и претерпевающим нужду человеком? Или необходимо рассматривать всю цепочку как единое целое? Весьма не просто дать ответы на эти вопросы. Кажется, что в теории Р. Хейла придается излишнее значение психологическому аспекту принуждения, вовсе лишая его нормативного значения.

Кроме того, позволим себе заметить то обстоятельство, что решение второго вопроса (какая из альтернатив считается благоприятной) и выделение общего объективного стандарта поведения, характерного для любого разумного лица, возбуждают первоначальную проблему о разграничении добровольных и принудительных социальных коммуникаций. Можно ли быть уверенным в том, что объективный стандарт не сложился под влиянием принудительных факторов? Ведь, как мы уже подчеркивали, столь широкий подход Р. Хейла к определению принуждения нивелирует различия между добровольным и принудительным.

Разумеется, столь широкое понимание принуждения приводит к полному отрицанию свободы воли субъекта, а также конструкции субъективного права. Тем не менее взгляд американского правоведа любопытно распространить именно на государственное принуждение. По сути, если отвлечься от проблемного разграничения добровольного и принудительного в сфере социальных коммуникаций и попытаться применить аргументацию Р. Хейла именно к государственному принуждению – возможно получить довольно оригинальную теорию.

Итак, как мы уже отмечали, принуждение в соответствии с настоящей концепцией определяется в качестве механизма искусственного ограничения опций выбора для того, чтобы принудить выбирающего сделать определенный и нежелательный выбор (с психологической точки зрения). Попробуем рассмотреть это понятие применительно лишь к государственному принуждению. Проиллюстрировать сказанное можно на примере ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Так, согласно п. 1 данной статьи «в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (пункт 1 статьи 330) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1)»¹. Наибольший интерес вызывает второе предложение указанного пункта. В нем предусмотрен, по сути, штраф за неисполнение судебного решения (астрент). То есть в ситуациях, когда должник по обязательству не исполняет судебное решение (исполнение в натуре), кредитор вправе потребовать уплаты штрафа. Иными словами, правопорядок уничтожает возможность выбора для должника опции не исполнять судебное решение. И искусственно создает нежелательную для него альтернативу (уплата денежной суммы).

Как в данной ситуации быть с тезисом о том, что задача государства заключается в придании известной социальной практики норме права. Выполнить эту задачу государство может посредством так называемых регулятивных правил² [12. Р. 27]. Проблема состоит в том, что любое подобное правило трансформирует сам паттерн, это приводит к ограничению допустимого диапазона

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Здесь мы следуем различию, проведенному Ф. Шаэуром. Ученый разделил правила на два вида: регулятивные и конститутивные. Первые направлены на установление определенной модели поведения посредством принуждения и обязанности, тогда как вторые создают дополнительные возможности, создают варианты поведения.

выбора в рамках социальной практики. По сути, мы вновь впадем в тот противоречивый круг рассуждений, который высказывал Р. Хейл. Получается довольно серьезное противоречие: предприниматель, осуществляющий свою деятельность определенным образом, после принятия регулирующих правил, отличающихся от стандартов поведения торговца, будет ограничен в выборе социально допустимого поведения. Разумеется, регулирующие правила, по меткому замечанию Дж. Сирла, достигают своих целей посредством наложения обязанностей на субъектов и санкций за их несоблюдение [13].

Одно из возможных решений этой сложности состоит в том, что акцент должен быть смещен именно на конститутивные правила, которые призваны создать некоторый юридический механизм фактических явлений. Иными словами, эти правила создаются как бы в «параллельной» юридической реальности и при этом такие правила могут мирно сосуществовать с фактическими отношениями, не совпадающими с подобными правилами. Предполагается, что конститутивные правила постепенно вытеснят альтернативные социальные практики. Проиллюстрируем эту мысль на примере Ф. Шауэра [12. Р. 28]. Договор – чисто юридическое явление. До его появления существовало лишь «обещание» – фактический аналог договора. Однако, как нетрудно догадаться, обещание не создает надлежащего правового режима, который обеспечен принудительной силой. Выходит, право создает конкурирующую возможность, предоставляя субъекту выбор – заключить договор или довольствоваться простым обещанием. Разумеется, право дедуцирует определенного рода стимулы для того, чтобы контрагенты все же обращались к средствам договорного права, тем не менее такой механизм значительным образом отличается от регулирующих правил с обязанностями и санкциями.

В этом примере отчетливо видно, что речь идет не о прямом принуждении заключить договор под угрозой применения, к примеру, конструкций ничтожности или несуществования [5] ко всем иным формам волеизъявления субъектов, а о создании определенного режима, который представ-

ляется более выгодным для потенциальных контрагентов³. По сути, речь идет об убеждении.

Любопытно, что в советской науке 60-70-х гг. государственное принуждение нередко рассматривалось во взаимосвязи с «убеждением». Отмечалось, что принуждение в скором времени будет иметь лишь вспомогательный характер, а в будущем с отмиранием государства вовсе исчезнет [3. С. 280]. Как справедливо отмечает Е.С. Попкова: «... в основе метода убеждения лежат сознательные и устойчивые правовые установки и мотивом к правомерному поведению является действие в соответствии с собственной волей, совпадающей с волей государства» [1. С. 18].

Получается, что истинное предназначение государства постепенно отойти от применения методов прямого принуждения и обратиться к механизму убеждения. В целом взгляды советских ученых синонимичны высказанным ранее идеям. Различие регулятивных и конститутивных правил помогает в разграничении убеждения и принуждения. Ведь, как мы уже ранее отмечали, неотъемлемым атрибутом регулятивных правил являются обязанности и санкции за их нарушения, тогда как конститутивные нормы призваны создать наиболее благоприятный для субъектов режим осуществления своей деятельности, сходный с убеждением [13]. Если же обязанности, основанием которых являются именно регулятивные правила, нарушаются, то за этим следует государственное принуждение. Последнее, согласно идеям Р. Хейла, мы можем определить в качестве механизма, искусственно ограничивающего альтернативы поведения для того, чтобы принудить выбирающего сделать определенный и нежелательный выбор.

Заключение

В заключение статьи можно сделать следующие выводы:

1) В современной теории права феномен государственного принуждения рассматривается в сопоставлении со свободой. Была рассмотрена точка зрения В.А. Четвернина, согласно которой принуждение защищает свободу, при этом последняя определя-

³ Подобный режим выгоден постольку, поскольку снижены так называемые трансакционные издержки. Экономический анализ права при такой трактовке принуждения представляется удобным механизмом нахождения оптимальной модели поведения.

ется в качестве такого порядка социальных взаимодействий, при котором действует запрет агрессивного насилия. Проиллюстрировано, что проблемой в концепции В.А. Четвернина представляется весьма неопределенный критерий «агрессивного насилия».

2) Несколько иначе понятие государственного принуждения рассматривает А.С. Пучнин. Ученый акцентирует внимание на том, что принуждение противоречит свободе, справедливости и равенству, поскольку представляет собой изменение воли субъекта. Принуждение является неотъемлемым механизмом позитивного права, служащим медленной эволюции индивида и общества, научая индивидов правильному использованию свободы, не во зло себе и другим.

3) Проанализирована концепция принуждения Р. Хейла. В соответствии с воззрениями американского правоведа цель принуждения заключается в том, чтобы поставить лицо перед необходимостью выбора, в котором каждая из альтернатив не является благоприятной с точки зрения целей и интересов осуществляющего выбор. Проблема концепции Р. Хейла состоит в слишком широкой интерпретации принуждения. Тем не менее, если его суждения применить непосредственно к государственному принуждению, получается довольно оригинальная концепция государственного принуждения, в основе которой искусственное ограничение возможности выбора.

Литература:

1. Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : 2001.
2. Пучнин А.С. Принуждение и право : дис. ...канд. юрид. наук. Тамбов : 1999.
3. Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : 1966.
4. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. М., 2022.
5. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007.
6. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.
7. Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М., 2009. С. 215-237.
8. Duguit L. Traite de droit constitutionnel. Tome premier. Paris, 1924.
9. Fried B. The Progressive Assault on Laissez Faire: Robert Hale and the First Law and Economic Movement. Cambridge, London, 1998.
10. Hale R.L. Coercion and Distribution in a Supposedly Non-Coercive State // Political Science Quarterly. Volume 38. 1923. No. 3. P. 470-494.
11. Roubier P. Droits subjectifs et situations juridiques. Paris, 2005.
12. Schauer F. Force of Law. Cambridge, London, 2015.
13. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
14. Tretyakov S. The Concept of Legal Coercion and Power-Confering Legal Regimes // Russian Law Journal. Volume 5. 2017. No. 1. P. 33-56.
15. Tretyakov S. Power Confering Legal Rules As Coercive Offers? // Russian Law Journal. Volume 6. 2018. No. 1. P. 4-27.

MODERN CONCEPTS OF COERCION IN THE THEORY OF LAW

Introduction. This article analyzes the modern concepts of coercion in the theory of law. The impact on the understanding of coercion was provided through political and legal views on the essence of the state and law. In the libertarian understanding, law is an institution within which coercion ensures

freedom, and is also able to protect freedom from violations of it. In the libertarian concept, law is understood as the formal equality of free individuals and is presented as a universal form of people's freedom. And, from a psychological point of view, Hale's concept of coercion is defined as a mechanism for artifi-

cially restricting choice options in order to force the chooser to make certain and undesirable choices.

Materials and methods. The methodological basis of the study was the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the theory of law and comparative law.

Research results. As a result, state coercion is defined as a mechanism that puts a person in front of the need to choose, where each of the alternatives is not favourable from the point of view of the goals and interests of the person making the choice.

Discussion and conclusion. It has been established that the phenomenon of state coercion in

modern discourse is considered in comparison with freedom. Attention is paid to the concepts of coercion by V.A. Chetvernin, as well as by A.S. Puchnin. In addition, the article attempts to apply the views of R. Hale to the analysis of state coercion.

Lyubov S. Chernova,
Lecturer in the Section of the English
Department No. 6 of MGIMO-University
(Odintsovo branch), Ph.D. applicant of the
Department of Theory of Law and Comparative
Law of MGIMO-University, Russia

Ключевые слова:

принуждение, меры государственного принуждения, государство, власть, Р. Хейл, либертарная теория права

Keywords:

coercion, measures of state coercion, state, power, R. Hale, libertarian theory of law

References:

1. Popkova, Ye.S., 2001. Yuridicheskaya otvetstvennost' i yeye sootnosheniye s inymi pravovymi formami gosudarstvennogo prinuzhdeniya [Legal responsibility and its correlation with other legal forms of state coercion]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow.
2. Puchnin, A.S., 1999. Prinuzhdeniye i pravo [Coercion and law]. Dis. ...kand. yurid. nauk. Tambov.
3. Rebane, I.A., 1966. Ubezhdeniye i prinuzhdeniye v dele bor'by s posyagatel'stvami na sovetskiy pravoporyadok [Persuasion and coercion in the fight against encroachments on the Soviet legal order]. Dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow.
4. Tret'yakov, S.V., 2022. Razvitiye ucheniya o sub'yektivnom chastnom prave v zarubezhnoy tsivilistike [Development of the doctrine of subjective private law in foreign civil law]. Moscow.
5. Tuzov, D.O., 2007. Teoriya nedeystvitel'nosti sdelok: opyt rossiyskogo prava v kontekste yevropeyskoy pravovoy traditsii [The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition]. Moscow.
6. Chestnov, I.L., 2012. Postklassicheskaya teoriya prava [Postclassical theory of law]. Saint-Petersburg.
7. Chetvernin, B.A., Yakovlev, A.V., 2009. Institutsional'naya teoriya i yuridicheskiy libertarizm [Institutional theory and legal libertarianism]. *Yezhegodnik libertarno-yuridicheskoy teorii [Yearbook of libertarian legal theory]*. No. 2. Moscow, P. 215-237.
8. Duguit, L., 1924. Traite de droit constitutionnel. Tome premier [Constitutional law treatise. First volume]. Paris.
9. Fried, B., 1998. The Progressive Assault on Laisser Faire: Robert Hale and the First Law and Economic Movement. Cambridge, London.
10. Hale, R.L., 1923. Coercion and Distribution in a Supposedly Non-Coercive State. *Political Science Quarterly*. Volume 38. No. 3. P. 470-494.
11. Roubier, P., 2005. Droits subjectifs et situations juridiques [Droits subjectifs and situations juridiques]. Paris.
12. Schauer, F., 2015. Force of Law. Cambridge, London.
13. Searle, J., 1969. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Tretyakov, S., 2017. The Concept of Legal Coercion and Power-Conferring Legal Regimes. *Russian Law Journal*. Volume 5. No. 1. P. 33-56.
15. Tretyakov, S., 2018. Power Conferring Legal Rules As Coercive Offers? *Russian Law Journal*. Volume 6. No. 1. P. 4-27.

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ФОНЕ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Дмитрий Гребнев*

Алла Гребнева**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-31-45

Введение. В статье описывается динамика криминальной ситуации на объектах транспортной инфраструктуры Российской Федерации в 2022 г. На основе анализа изменения оперативной обстановки на транспорте в течение последних пяти лет, учитывающего влияние не существовавших ранее факторов, возникших в результате введения антиковидных мер в 2020-2021 гг. и откровенно враждебных действий стран Запада, направленных против России, проводящей с февраля 2022 г. специальную военную операцию на Украине, рассмотрены условия развития криминальной обстановки на транспорте. Проведенный анализ криминальной ситуации на транспорте в России в течение изучаемого периода позволяет рассмотреть тенденции преступности не только под углом ее уголовно-правовой природы, но и в ракурсе влияния на нее происходящих социальных процессов. В работе определены факторы, влияющие на показатели преступности на объектах транспорта в сложившихся условиях, выведены оценки вариантов возможного развития криминальной ситуации, сформулированы приоритетные направления деятельности правоохранительных органов по минимизации преступности на объектах транспорта.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили выводы и достижения криминологической науки о преступности, научные положения о преступности как социальном явлении, о факторах, влияющих на динамику преступности. В работе были использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования (синтез, дедукция, анализ, обобщение, наблюдение и др.) Методологической основой исследования являлся системный подход, сравнительный и проблемный подходы.

* **Гребнев Дмитрий Юрьевич**, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», Россия
e-mail: d-grebnevgrebnev@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0006-2855-9238

** **Гребнева Алла Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Россия
e-mail: allabotya@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-5975-1003

Результаты исследования. В результате проведенного анализа криминальной ситуации на объектах транспорта Российской Федерации установлено, что, начиная с 2020 г. на количественные показатели преступности на транспорте, оказывали влияние новые факторы. Введение ограничительных мер, связанных с распространением коронавирусной инфекции, их последующая отмена, начавшийся геополитический кризис в мире, спровоцированный введением западными странами санкций против России, ограничения международных сообщений, закрытие аэропортов, границ и др. отразились на направлении предупредительной деятельности органов внутренних дел на транспорте. Сделанные в статье выводы и прогнозы определяют тенденции развития криминальной ситуации на транспорте в 2023 г. и позволяют определить наиболее важные векторы направления профилактической деятельности органов внутренних дел.

Обсуждение и заключение. В статье выведены и обоснованы приоритетные направления деятельности органов внутренних дел России на транспорте для наиболее эффективной организации профилактической деятельности и противодействия преступности.

Введение

Обеспечение транспортной безопасности является одной из важнейших задач государства. При этом состояние правопорядка на транспорте в значительной мере определяется эффективностью работы органов внутренних дел, которые, осуществляя деятельность по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, создают условия для стабильного функционирования железнодорожного, водного и воздушного транспорта [4. С. 50].

Правильная расстановка приоритетов предупредительной деятельности органов внутренних дел на транспорте лежит в основе эффективности их работы. При этом определение наиболее важных направлений по предотвращению роста преступности определяется в том числе и с помощью выверенной и обоснованной прогнозной оценки возможного развития криминальной ситуации, основанной на всестороннем анализе преступности на объектах транспорта, а также влияющих на ее динамику факторов, процессов и явлений [1. С. 44].

На изменение криминальной ситуации в 2022 г. оказывал влияние геополитический кризис общеевропейского масштаба, вызванный открытой враждебной политикой в отношении России ряда стран Запада, под-

талкивавших Украину к войне против России. Прогнозы возможного развития криминальной ситуации на объектах транспорта, акценты профилактической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации не могут не учитывать всевозможных факторов, сопровождающих складывающуюся геополитическую ситуацию. Глубокий и всесторонний анализ происходящих криминальных и сопутствующих им процессов поможет с большей эффективностью организовать выполнение профилактических мер по предупреждению преступности на объектах транспортной инфраструктуры [2. С. 46].

Исследование

Проведенный анализ криминальной ситуации на объектах транспорта Российской Федерации свидетельствует о том, что динамика роста числа зарегистрированных преступлений, отмеченная практически во всех подразделениях органов внутренних дел на транспорте в 2021 году, вновь сменилась в сторону снижения такого показателя, наблюдавшегося в период 2018-2020 гг. Всего в 2022 г. было зарегистрировано 34937 преступлений, что на 4,1% меньше показателей 2021 г.¹ (рис. 1.1).

¹ Здесь и далее приводятся данные статистических форм, обрабатываемых ФКУ «ГИАЦ МВД России» (ф. 030, ф. 039, ф. 130, ф. 173, ф. 445, ф. 451, ф. 455, ф. 492, ф. 494, ф. 495, ф. 577, ф. 723).

Рис. 1.1. Динамика количества зарегистрированных преступлений на объектах транспорта Российской Федерации (2018-2022 гг.)

Наибольшее снижение числа зарегистрированных преступлений зафиксировано на объектах оперативного обслуживания Забайкальского ЛУ МВД РФ (- 20,9% к показателям 2022 г.), УТ МВД РФ по Центральному ФО (- 18,9% к показателям 2022 г.). Снижение данного показателя отмечено в УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (- 8,1% к показателям 2022 г.), УТ МВД РФ по Южному ФО (- 4,8% к показателям 2022 г.), УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО (- 3,3% к показателям 2022 г.), Восточно-Сибирском ЛУ МВД РФ (- 3,1% к показателям 2022 г.). Количество зарегистрированных преступлений на объектах УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО осталось без динамики (0% к показателям 2022 г.). Увеличение рассматриваемого показателя отмечено в УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО (+ 9,4% к показателям 2022 г.), УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (+ 4,2% к показателям 2022 г.), УТ МВД РФ по Уральскому ФО (+ 3,8% к показателям 2022 г.).

Проведенный анализ показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода наибольшая доля зарегистрированных преступлений приходится на объекты

УТ МВД РФ по Центральному ФО (20,3%), УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (15,8%), УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (12,3%), УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО (12,3%), наименьшее – на объекты оперативного обслуживания Восточно-Сибирского ЛУ МВД РФ (5,1%), УТ МВД РФ по Южному ФО (4,4%), Забайкальского ЛУ МВД РФ (3,0%).

В 2022 году зафиксировано снижение числа зарегистрированных преступлений на железнодорожном и речном транспорте (- 15,8% и - 1,7% к показателям 2021 г. соответственно). Снижение данного показателя в поездах местного и пригородного сообщения отмечено на протяжении всего анализируемого периода.

Увеличение количества зарегистрированных преступлений отмечено на воздушном и морском транспорте (+ 9% и + 7,7% соответственно). Тенденция увеличения этого показателя сохраняется на объектах морского транспорта с 2019 г., а на объектах воздушного транспорта – в течение последних двух лет (Таблица 1.1).

Таблица 1.1

Количество зарегистрированных преступлений на отдельных видах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Виды объектов транспорта		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Железнодорожный		30141	27412	24772	28207	23741	- 15,8
из них	в сфере пассажирских перевозок	7315	6654	5066	5132	4686	- 8,7
	в поездах дальнего следования	2052	1951	1363	1255	1280	+ 2,0
	в том числе международного сообщения	316	151	86	10	11	+ 10,0

Виды объектов транспорта		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
из них	в поездах местного, пригородного сообщения	1566	1468	1139	1115	1033	- 7,4
	на вокзалах и станциях	1878	1599	1265	1388	1179	- 15,1
Воздушный		3651	3206	2951	3249	3541	+ 9,0
Речной		1240	1236	1341	2215	2177	- 1,7
Морской		1112	911	974	1117	1203	+ 7,7
Транспорт России		38605	36153	33527	36443	34937	- 4,1

Как и в течение всего анализируемого периода в 2022 г. наибольшее количество преступлений зарегистрировано на объектах железнодорожного (68,0%) и воздушного (10,1%) транспорта, наименьшее – речного (6,2%) и морского (3,4%) транспорта.

По итогам прошедшего года доля зарегистрированных преступлений на объектах железнодорожного транспорта снизилась на 9,4%, а воздушного, речного и морского выросла на 1,2%, 0,2% и 0,4% соответственно.

Динамика зарегистрированных преступлений по степени тяжести

Зафиксированное в 2021 году увеличение количества преступлений всех категорий тяжести в 2022 году изменилось. На фоне снижения общего количества зарегистрированных преступлений наблюдался рост противоправных деяний, относящихся к категории особо тяжких (+ 4,1% к показателям 2021 г.) и средней тяжести (+ 5,6% к показателям 2021 г.). Количество преступлений категории тяжких и небольшой тяжести снизилось (- 7,4% и - 9,1% соответственно) (таблица 1.2).

Таблица 1.2

Количество зарегистрированных преступлений по степени тяжести на объектах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Категории преступлений		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Всего		38605	36153	33527	36443	34937	- 4,1
в том числе	Особо тяжких	3863	3456	3282	3746	3901	+ 4,1
	Тяжких	5550	5916	5426	6087	5635	- 7,4
	Средней тяжести	8566	8332	7270	8266	8731	+ 5,6
	Небольшой тяжести	20626	18449	17549	18344	16670	- 9,1

Почти половина преступлений, зарегистрированных на объектах транспортной инфраструктуры, относится к противоправным деяниям небольшой тяжести (47,7%), каждое четвертое преступление – к средней

тяжести (25%), почти каждое шестое зарегистрированное преступление – к категории тяжких (16,1%), каждое десятое – особо тяжких (11,2%) (рис 1.2).

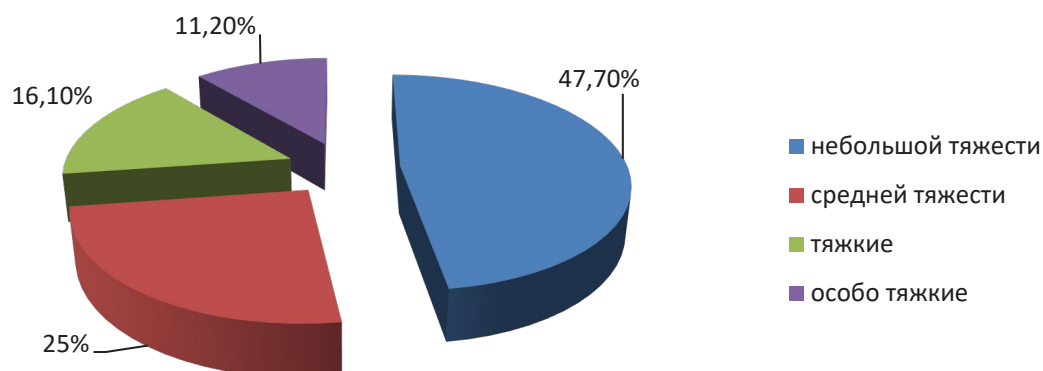

Рис. 1.2. Структура преступлений по степени тяжести, зарегистрированных на объектах транспорта Российской Федерации в 2022 г.

Уменьшение количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений зафиксировано на объектах железнодорожного и воздушного транспорта (- 24,5% и -1% к показателям 2021 г. соответственно), на объектах речного и морского транспорта рассматриваемый показатель повысился (+ 28,3% и +5,7% к показателям 2021 г. соответственно).

Таким образом, динамика уменьшения числа зарегистрированных преступлений перечисленных категорий на объектах железнодорожного и воздушного транспорта,

наблюдаемая с 2018 года и прерывавшаяся в 2021 г., возобновилась. На объектах морского транспорта в течение анализируемого периода времени сохраняется динамика их увеличения, на объектах речного транспорта рост рассматриваемых показателей наблюдается с 2020 г.

Количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в поездах, снижается в течение всего анализируемого периода, а на вокзалах и станциях – с 2019 г. (таблица 1.3).

Таблица 1.3

Количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на отдельных видах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Виды объектов транспорта	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021г., %
Железнодорожный	7188	6787	6273	7821	5907	- 24,5
из них						
в поездах	219	204	186	307	125	- 59,3
на вокзалах, и станциях	179	120	134	168	96	- 42,9
Воздушный	771	626	618	790	782	- 1,0
Речной	193	175	182	269	345	+ 28,3
Морской	179	184	192	246	260	+ 5,7
Транспорт России	9413	9372	8708	9833	9536	- 3,0

На объектах железнодорожного транспорта в течение всего анализируемого периода зарегистрирована большая часть преступлений данных категорий (61,0%).

Преступления экономической направленности

В 2022 году рост зарегистрированных преступлений экономической направленности, начавшийся в 2020 году, остановился на показателях 2021 г., составив очень незначительный прирост (+ 0,4% к 2021 г.). В целом по России в 2022 г. произошло снижение данного показателя (- 5,3% к 2021 г.).

Уменьшение количества зарегистрированных преступлений экономической направленности в наиболее значительной мере зафиксировано на объектах оперативного обслуживания Забайкальского ЛУ МВД РФ (- 33,0% к 2021 г.) и УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (- 19,9% к 2021 г.). Рассматриваемый показатель также снизился в УТ МВД РФ по Южному ФО (- 7,6% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО (- 6,3% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО (- 5,8% к 2021 г.).

Заметный рост зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида произошел на объектах оперативного обслуживания УТ МВД РФ по Центральному ФО

(+ 30,8% к 2021 г.). Рост данного показателя отмечен также в УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (+ 7,7% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО (+ 5,8% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Уральскому ФО (+ 1,2% к 2021 г.).

Около половины (46,1%) зарегистрированных преступлений экономической направленности приходится на УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (946; 17,6%), УТ МВД РФ по Центральному ФО (901; 16,8%), УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО (626; 11,7%).

Снижение количества зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида наблюдается в УТ МВД РФ по Сибирскому ФО с 2019 г.

Результаты проведенного анализа показали, что снижение количества зарегистрированных преступлений экономической направленности к показателям 2021 г. зафиксировано на объектах железнодорожного транспорта (- 16,6%). На объектах воздушного, речного и морского транспорта данный показатель вырос на 5,7%, 75,1% и 32,5% соответственно.

На объекты железнодорожного транспорта в 2022 году приходится 63,6% зарегистрированных преступлений экономической направленности, на объекты воздушного, речного и морского – 9,4%, 7,2% и 6,3% соответственно (таблица 1.4).

Таблица 1.4

Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности, совершенных на отдельных видах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Виды объектов транспорта	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Железнодорожный	3799	3726	3721	4092	3411	- 16,6
Воздушный	847	550	576	477	504	+ 5,7
Речной	293	176	125	221	387	+ 75,1
Морской	377	193	240	255	338	+ 32,5
Транспорт России	5702	5088	5202	5045	5361	+ 6,3

Преступления коррупционной направленности

В 2022 году продолжился возобновившийся в 2021 г. (после снижения в 2019-2020 гг.) рост числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта (2546; + 11,3% к показателям 2021 г.). При этом всего по России в 2022 г. зарегистрировано 35340 преступлений данного вида, что составило только 0,8% прироста к показателям 2021 г.

Наиболее значительное увеличение рассматриваемого показателя произошло на объектах оперативного обслуживания УТ МВД РФ по Центральному ФО (482; + 111,4% к 2021 г.), Восточно-Сибирского ЛУ МВД РФ (133; + 101,5% к 2021 г.). Рост количества зарегистрированных коррупционных преступлений отмечен также в УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО (347; + 21,3% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (432; + 15,5% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО (367; + 11,2% к 2020 г.). Рост зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на объектах опе-

ративного обслуживания Забайкальского ЛУ МВД РФ отмечен в незначительной мере (89; + 2,3% к 2021 г.).

Снижение числа зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида в 2022 г. произошло в УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (230; - 34,7% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Южному ФО (74; - 24,5% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Уральскому ФО (160; - 23,8% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО (191; - 13,2% к 2021 г.).

Увеличение количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности произошло в основном за счет роста числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ (+ 49,4% к показателям 2021 г.), ст. 291.2 УК РФ (+ 22,1% к показателям 2021 г.), ст. 290 (+15,5% к показателям 2021 г.).

Вместе с тем на фоне роста указанных показателей, констатировалось снижение числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ (- 30,7% к 2021 г.), ст. 292 УК РФ (- 12,6% к 2021 г.) (таблица 1.5).

Таблица 1.5

Количество отдельных видов преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных на объектах транспорта Российской Федерации (2018– 2022 гг.)

Виды преступлений	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Злоупотребление должностными полномочиями, ст. 285 УК РФ	111	102	105	87	93	+6,9
Превышение должностных полномочий, ст. 286 УК РФ	114	114	96	62	71	+14,5
Получение взятки, ст. 290 УК РФ	217	310	273	304	351	+15,5
Дача взятки, ст. 291 УК РФ	159	264	261	245	366	+49,4
Посредничество во взяточничестве, ст. 291.1 УК РФ	20	48	54	88	61	-30,7
Мелкое взяточничество, ст. 291.2 УК РФ	765	788	708	929	1134	+22,1
Служебный подлог, ст. 292 УК РФ	593	376	467	532	252	-52,6

Почти 3/4 (72,7%) всех зарегистрированных преступлений в структуре коррупционной направленности составляют противоправные деяния, предусмотренные ст. 291.2

УК РФ (44,5%), ст. 291 УК РФ (14,4%), ст. 290 УК РФ (13,8%).

Необходимо отметить, что на объектах транспорта преступные посяательства

при взяточничестве, коммерческом подкупе чаще всего связаны с распределением государственных средств, со злоупотреблениями в сфере лицензирования, получения разрешений на тот или иной вид деятельности, при оказании услуг на объектах транспорта, присвоением и растратой вверенного имущества и ценностей [3. С. 154].

Экологические преступления

В 2022 году на объектах оперативного обслуживания органами внутренних дел на транспорте зафиксирован рост количества зарегистрированных преступлений экологической направленности (1747; + 2,6% к показателям 2021 г.). Указанный результат подтвердил наблюдавшуюся в течение анализируемого периода (кроме 2021 г.) тенденцию увеличения рассматриваемого показателя.

Наибольшие темпы роста данного показателя зафиксированы на объектах оперативного обслуживания УТ МВД РФ по Центральному ФО (+ 31,4% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (+ 18,0% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Уральскому ФО (+ 11,3% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО (+ 11% к 2021 г.).

Значительное снижение данного показателя отмечено на объектах оперативного обслуживания Забайкальского ЛУ МВД РФ (- 94,7% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Южному ФО (- 29,2% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО (- 14,9% к 2021 г.).

Наибольшая доля зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида приходится на объекты оперативного обслуживания УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (732) и составляет 41,9%, что на 2,4% больше, чем в 2021 году.

Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации

В 2022 г. на объектах транспорта зафиксировано существенное увеличение рассматриваемого вида преступлений (6315: + 15% к показателям 2021 г.). В том же периоде времени в целом по России данный показатель показал незначительно вырос (0,8% к 2021 г.).

Наибольший прирост количества зарегистрированных преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации отмечен на объектах транспорта УТ МВД РФ по Южному ФО (340; + 98,8% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО (496; + 71,0% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (1590: + 56,0 к 2021 г.).

Из общего числа зарегистрированных в 2022 г. преступлений в сфере компьютерной информации 2/3 приходится на УТ МВД России по Приволжскому ФО (1590), УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (889), УТ МВД РФ по Уральскому ФО (806), УТ МВД РФ по Центральному ФО (803) (Таблица 1.6).

Таблица 1.6

Количество зарегистрированных преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации

Органы внутренних дел на транспорте	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Восточно-Сибирское ЛУ МВД РФ	52	288	351	311	235	- 24.4
Забайкальское ЛУ МВД РФ	36	127	241	141	71	- 49.6
УТ МВД РФ по Центральному ФО	535	784	949	875	803	- 8.2
УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО	331	166	489	511	666	+ 30.3
УТ МВД РФ по Южному ФО	54	68	260	171	340	+ 98.8
УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО	162	111	173	290	496	+ 71.0
УТ МВД РФ по Приволжскому ФО	374	830	1172	1019	1590	+ 56.0
УТ МВД РФ по Уральскому ФО	715	626	716	668	806	+ 20.7
УТ МВД РФ по Сибирскому ФО	670	626	646	1090	889	- 18.4
УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО	192	268	433	416	419	+ 0.7
Транспорт России	3121	3894	5430	5492	6315	+ 15
Всего по России	174674	294409	510396	517722	522065	+ 0.8

Почти каждое десятое преступление (9,9%) в области компьютерной информации, совершенное в 2022 г. в России с ис-

пользованием программных средств, зарегистрировано на объектах оперативного обслуживания органами внутренних дел на

транспорте. Наибольшая часть таких преступлений приходится на объекты УТ МВД РФ по Центральному ФО (676; 89,5%).

Тенденция увеличения количества зарегистрированных преступлений в сфере информационных технологий и компьютерной информации сохраняется на протяжении всего анализируемого периода времени.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ

В 2022 году отмечено снижение (– 7,1% к показателям 2021 г.) количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, что было характерно для 2018-2020 гг. анализируемого периода времени.

Снижение числа зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков зафиксировано в шести из десяти подразделений органов внутренних дел на транспорте.

В наибольшей степени рассматриваемый показатель снизился на объектах опе-

ративного обслуживания Забайкальского ЛУ МВД РФ (– 38,7% к 2021 г.) и УТ МВД РФ по Центральному ФО (– 30,4% к 2021 г.). Снижение количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, отмечено также в УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО (– 8,9% к 2021 г.), Восточно-Сибирском ЛУ МВД РФ (– 6,1% к 2021 г.). Тенденция снижения рассматриваемого вида преступлений на протяжении последних трех лет отмечена в УТ МВД РФ по Южному ФО (– 3,8% к 2021 г.), в течение всего анализируемого периода – в УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО (– 3,1% к 2021 г.).

Наибольшая доля зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков приходится на УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (1629, 19,5%), УТ МВД РФ по Центральному ФО (1298, 15,5%), УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (1028, 12,3%).

Наименьшая доля зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков приходится на УТ МВД РФ по Южному ФО (433; 5,2%) и на Забайкальское ЛУ МВД РФ (195; 2,3%) (таблица 1.7).

Таблица 1.7

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, на объектах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Органы внутренних дел на транспорте	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Восточно-Сибирское ЛУ МВД РФ	528	542	599	639	600	– 6,1
Забайкальское ЛУ МВД РФ	383	384	317	318	195	– 38,7
УТ МВД РФ по Центральному ФО	1552	1363	1207	1866	1298	– 30,4
УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО	1056	867	869	937	976	+ 4,2
УТ МВД РФ по Южному ФО	456	495	476	450	433	– 3,8
УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО	722	727	715	854	778	– 8,9
УТ МВД РФ по Приволжскому ФО	1326	1743	1588	1572	1629	+ 3,6
УТ МВД РФ по Уральскому ФО	1406	1039	657	662	740	+ 11,8
УТ МВД РФ по Сибирскому ФО	1559	1312	966	1000	1028	+ 2,8
УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО	973	792	758	709	687	– 3,1
Транспорт России	9961	9264	8152	9007	8364	– 7,1
Всего по России	200306	190197	189905	179732	177741	– 1,1

В 2022 году зафиксировано уменьшение количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на объектах железнодорожного транспорта (– 25,2% к показателям 2021 г.). При этом число зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида в поездах увеличилось (+ 59,1% к 2021 г.), а на вокзалах и станциях снизилось (– 1,3% к 2021 г.). На остальных видах транспорта отмечен прирост данного показателя к 2021 г.: на воз-

душном (+ 0,2%), на морском (+ 15,9%), на речном (+ 19%).

На протяжении всего анализируемого периода наибольшее количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, приходится на железнодорожный транспорт (83,8%), наименьшее – на речной (1,7%) и морской (0,9%) транспорт (таблица 1.8).

Таблица 1.8

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, совершенных на отдельных видах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Виды объектов транспорта		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Железнодорожный		8250	7315	6314	7565	5659	– 25,2
из них	в поездах	345	306	246	191	302	+ 58,1
	на вокзалах и станциях	1848	1485	1193	1021	1008	– 1,3
Воздушный		577	409	410	546	547	+ 0,2
Речной		128	103	106	168	200	+ 19
Морской		96	71	60	69	80	+ 15,9
Транспорт России		9615	9264	8152	8348	6486	– 22,3

Незаконный оборот оружия

В 2022 году сохранилась динамика снижения количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (– 3,4% к показателям 2021 г.).

В прошедшем году отмечено снижение числа описываемого вида преступлений в Забайкальском ЛУ МВД РФ (– 78,9% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО (– 41,7% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Сибирскому ФО (– 17,5% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Южному ФО (– 15,6% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО (– 11,2% к 2021 г.), показатели УТ МВД РФ по Уральскому ФО в 2021 г. без динамики.

Ежегодное уменьшения числа преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, на протяжении всего анализируемого периода отмечено в УТ МВД РФ по Дальневосточному ФО, Забайкальском ЛУ МВД РФ и УТ МВД РФ по Уральскому ФО.

Наибольшее количество преступлений данного вида в 2022 г. зарегистрировано УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (272; 26,6%), УТ МВД РФ по Северо-Кавказскому ФО (183; 17,9%), УТ МВД РФ по Центральному ФО (133; 13%), УТ МВД РФ по Северо-Западному

ФО (115; 11,3%). Наименьшее – в Забайкальском ЛУ МВД РФ (8; 0,8%), УТ МВД РФ по Южному ФО (38; 3,7%).

Прирост рассматриваемого вида преступлений отмечен на объектах оперативного обслуживания УТ МВД РФ по Центральному ФО (+ 27,9% к 2021 г.), УТ МВД РФ по Приволжскому ФО (+ 20,9% к 2021 г.).

Анализ количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота оружия по видам транспорта констатирует снижение данного показателя на объектах железнодорожного транспорта (– 3,3% к 2021 г.). В то же время отмечено повышение числа зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида в поездах (+ 457,1% к 2021 г.) и на вокзалах и станциях (+ 16,5% к 2021 г.).

На объектах воздушного и речного транспорта также зафиксировано уменьшение количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (– 50% и – 9,1% к 2021 г. соответственно). На объектах морского транспорта отмечен рост данной величины (+ 7,7% к 2021 г.) (таблица 1.9).

Таблица 1.9

Количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершенных на отдельных видах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Виды объектов транспорта		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Железнодорожный		885	733	708	608	588	– 3,3
из них	в поездах	21	12	12	7	39	+ 457,1
	на вокзалах и станциях	261	190	191	164	191	+ 16,5
Воздушный		79	107	62	110	55	– 50,0
Речной		24	52	54	44	40	– 9,1
Морской		19	25	18	13	14	+ 7,7
Транспорт России		1156	1112	842	775	697	– 10,1

На протяжении всего анализируемого периода на объектах транспорта наблюдается тенденция ежегодного сокращения количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Преступления против личности

На фоне увеличения числа зарегистрированных убийств и покушений на убийство в целом по России (+ 4% к показателям 2021 г.) в прошедшем году на объектах транспорта констатировалось значительное уменьшение данного показателя (– 35,3% к 2021 г.).

В 2021 г. на объектах транспорта снизилось количество зарегистрированных

случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (– 2,6% к показателям 2021 г.).

Уменьшилось число таких преступлений как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (– 33,3% к 2021 г.). Число изнасилований и покушений на изнасилование в прошедшем году снизилось до минимума (– 85,7% к показателям 2021 г.), не выявлено ни одного факта похищения человека.

В то же время количество умышленного средней тяжести причинения вреда здоровью на объектах транспорта выросло (+ 7,3% к 2021 г.) (Таблица 1.10).

Таблица 1.10

**Количество отдельных видов преступлений,
зарегистрированных на объектах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)**

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г.,%
Убийство и покушение на убийство ст.ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ						
Транспорт России	27	17	22	17	11	– 35,3
Всего по России	8574	7948	7695	7332	7628	+ 4,0
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью ст. 111 УК РФ						
Транспорт России	37	33	29	38	37	– 2,6
Всего по России	23224	21465	20019	17894	17388	– 2,8
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью ст. 112 УК РФ						
Транспорт России	104	99	81	82	88	+ 7,3
Всего по России	30776	29836	28285	25455	25198	– 1
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью ст. 119 УК РФ						
Транспорт России	96	72	83	84	56	– 33,3
Всего по России	62468	56563	55223	53275	45070	– 15,4
Похищение человека ст. 126 УК РФ						
Транспорт России	2	1	5	0	0	0
Всего по России	378	351	411	382	393	+ 2,9
Незаконное лишение свободы ст. 127 УК РФ						
Транспорт России	2	0	2	2	1	– 50
Всего по России	456	419	408	369	392	+ 6,2
Изнасилование и покушение на изнасилование ст. 30, ст. 131 УК РФ						
Транспорт России	5	6	6	7	1	– 85,7
Всего по России	3374	3177	3535	3457	3311	– 4,2

Преступления против собственности и общественной безопасности

В 2022 г. на объектах оперативного обслуживания органами внутренних дел на транспорте отмечено снижение следующих видов преступлений против собственности:

- кража (– 3,3% к 2021 г.);
- мошенничество (– 20,7% к 2021 г.);
- грабеж (– 25% к 2021 г.);
- разбой (– 42,9% к 2021 г.).

В прошедшем году отмечено значительное увеличение числа зарегистрированных заведомо ложных сообщений об акте терроризма (+ 1047,1% к показателям 2021 г.). Стремительный рост данного вида преступлений объясняется проведением Россией специальной военной операции на Украине и активизацией антироссийских сил (таблица 1.11).

Таблица 1.11

Количество отдельных преступлений против собственности и общественной безопасности, зарегистрированных на объектах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Виды преступлений	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Кража ст. 158 УК РФ	12649	12143	9998	12060	11656	– 3,3
Мошенничество ст. 159 УК РФ	1488	1220	1249	1430	1134	– 20,7
Грабеж, ст. 161 УК РФ	288	249	208	228	171	– 25
Разбой, ст. 162 УК РФ	32	32	27	28	16	– 42,9
Вымогательство, ст. 163 УК РФ	9	7	13	8	25	+ 212,5
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма, ст. 207 УК РФ	88	117	287	104	1193	+ 1047,1
Хулиганство, ст. 213 УК РФ	51	60	91	103	106	+ 2,9
Вандализм, ст. 214 УК РФ	1057	1025	887	925	512	– 44,6

В 2022 году отмечено снижение количества зарегистрированных краж на объектах транспорта (– 3,3% к показателям 2021 г.). В то же время в сфере пассажирских перевозок второй год подряд отмечено увеличение числа зарегистрированных краж на железнодорожном транспорте (как в поездах, так

и на вокзалах и станциях) и речном транспорте. На воздушном транспорте данный показатель снизился почти на 1/10, на морском транспорте динамика количества зарегистрированных краж в сфере пассажирских перевозок не изменилась (таблица 1.12).

Таблица 1.12

Количество зарегистрированных краж, совершенных в сфере пассажирских перевозок на отдельных видах транспорта Российской Федерации (2018 – 2022 гг.)

Виды объектов транспорта	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Прирост к 2021 г., %
Железнодорожный	3317	3196	2181	2457	2486	+1,2
из них	в поездах	2151	2069	1417	1651	+ 6,3
	на вокзалах и станциях	846	821	594	770	+ 10,3
Воздушный	791	797	626	723	653	– 9,7
Речной	8	4	7	8	12	+ 50
Морской	11	0	1	1	1	0
Транспорт России	12537	12143	9998	12060	11656	– 3,3

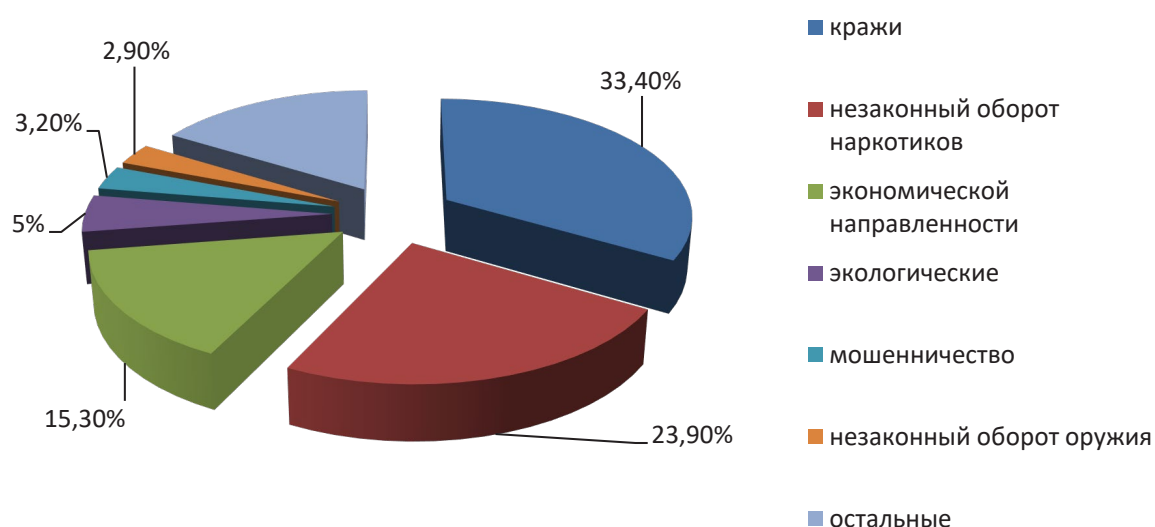

Рис. 1.3. Структура преступности на объектах транспорта Российской Федерации в 2022 г.

Структура преступности на объектах транспорта Российской Федерации

Результаты анализа криминальной ситуации показали, что в 2022 году в структуре преступности на объектах оперативного обслуживания органами внутренних дел на транспорте, как и ранее, преобладали следующие виды преступлений:

- хищение чужого имущества путем кражи (33,4%);
- в сфере незаконного оборота наркотиков (23,9%);
- экономической направленности (15,3%);
- экологической направленности (5%);
- мошенничество (3,2%);
- связанные с незаконным оборотом оружия (2,9%).

Причем в структуре преступности на указанные выше виды преступлений приходится 83,7% всех зарегистрированных противоправных деяний, совершенных на объектах транспорта (рис. 1.3).

Факторы, повлиявшие на динамику криминальной ситуации на объектах транспортной инфраструктуры России в 2022 году

В 2022 г., по причинам, связанным с введением Россией СВО на Украине, было закрыто 11 аэропортов в южной и центральной частях РФ. С целью удовлетворения спроса граждан ОАО «РЖД» были организованы и запущены дополнительные поезда в южном направлении. Кроме того, на начало 2022 года во многих российских регионах продолжали действовать антиковидные меры, ограничивающие перемещения людей. Это привело к «снижению транспортной подвижности» и в совокупности со СВО сказалось на снижении темпов восстановления пассажиропотока в 2022 году.²

21 сентября 2022 года указом президента Российской Федерации была объявлена частичная мобилизация в стране, что также повлияло на динамику пассажиропотока как на воздушном транспорте, так и на железнодорожном.

Количество пассажиров, перевезенных железнодорожным транспортом в 2022 году,

возросло на 7,8% к показателям 2021 г. и достигло 1,136 млрд человек. По отношению к аналогичным показателям 2019 г. данный показатель снизился на 5,3%. Таким образом, начиная с 2020 г., наблюдается снижение количества перевезенных по железным дорогам России пассажиров³.

Наибольшее снижение рассматриваемого показателя произошло на перевозках дальнего следования (– 17,8% к показателям 2021 г. и – 7% к показателям 2019 г.).

Перевозки в пригородном сообщении в 2022 году увеличились на 5,1% до 86,7 млн пассажиров. Но, по сравнению с 2019 годом, количество пассажиров, воспользовавшихся поездами пригородного сообщения, уменьшилось на 4,9%.

Наиболее резко ситуация менялась в сфере воздушных перевозок: там отношение к допандемийному уровню было 54% в 2020 г. и почти 86% в 2021 г., а по итогам 2022 г. зафиксировано на уровне почти 76%. Этому способствовало резкое снижение пассажирооборота воздушного транспорта, обусловленное закрытием 11 российских аэропортов. В летний, традиционный для отпусков и поездок период, констатировалось снижение пассажирооборота от 8,5% до 14,6% к показателям 2021 г. В октябре 2022 г. было отмечено падение пассажирооборота воздушного транспорта на 23,5%⁴. В ноябре ситуация с пассажирооборотом воздушного транспорта выровнялась.

В 2022 году геополитическая ситуация в мире привела к возникновению многих негативных факторов на рынке пассажирских перевозок водным транспортом. Корректировке были подвергнуты сами сроки навигации (например, в Волжском бассейне, когда судоходство в Азовском море было приостановлено до особого распоряжения) и география перевозок. Пассажирские перевозки водным транспортом России в 2022 году показывали разнонаправленную динамику. Речной транспорт России в 2022 году демонстрировал рост показателей на 4,5% к 2021 г. В то же время перевозки пассажиров морским транспортом снизились на 27%⁵.

² Транспортный комплекс, вероятнее всего, не достигнет показателей 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=20721>

³ Оперативные данные ОАО «РЖД» от 09.01.2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=207210>

⁴ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/12/09/954448-perevozki-passazhirov-v-rossii-priblizilis-k-stagnatsii>

⁵ <http://www.morvesti.ru/news/1679/99263/>

Заключение

Таким образом, состояние и тенденции преступности на объектах транспорта в 2022 году свидетельствуют о том, что анализируемые показатели подвержены влиянию факторов, связанных с геополитической мировой ситуацией, оказывающей заметное влияние на количество пассажирских перевозок и динамику пассажиропотока на различных видах транспорта.

Взаимодействие положительно влияющих на криминальную ситуацию на транспорте факторов, а также факторов, безусловно оказывающих на данную ситуацию отрицательное влияние, к которым в 2021-2022 гг. следует причислить пандемию COVID-19 и специальную военную операцию на Украине, в совокупности может обоюдно нейтрализовать их. В целом складывающаяся криминальная ситуация на объектах транспорта с большой вероятностью сохранит стабильность, т.е. ее динамика в 2023 г. будет усредненной.

Результаты анализа криминальной ситуации на объектах транспорта позволяют предположить, что в 2023 году тенденция снижения общего количества зарегистрированных преступлений, наблюдавшаяся в 2018-2020 гг. возобновится. Прогнозируется снижение общего количества преступлений на объектах транспорта при незначительном росте тяжких и особо тяжких составов преступлений (без учёта четырех субъектов, присоединённых к Российской Федерации в сентябре 2022 г.).

Предполагается, что в 2023 году общее количество зарегистрированных преступлений на объектах транспорта России будет варьироваться в пределах от 30951 до 37961, в 2024 году – от 30234 до 37461.

При неблагоприятном развитии криминальной ситуации данные показатели могут составить 37961 в 2023 году и 37461 – в 2024 году.

Благоприятный сценарий характеризуется следующими показателями: 30951 – в 2023 году и 30234 – в 2024 году (рис. 1.4).

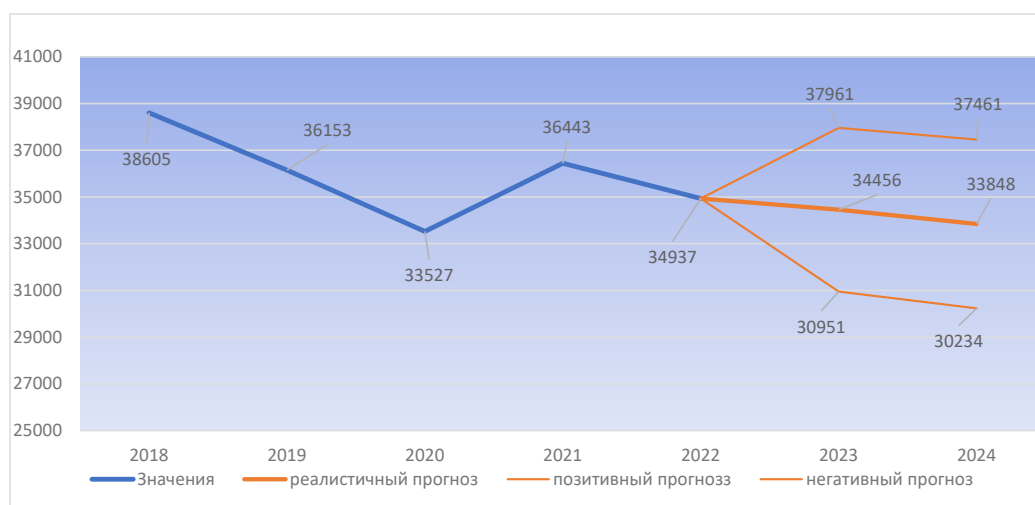

Рис. 1.4. Динамика и прогноз зарегистрированных преступлений на объектах транспорта Российской Федерации (2018-2024 гг.)

Вместе с тем при прогнозной оценке оперативной обстановки следует учитывать проведение специальной военной операции на территории Украины; террористические акты и иные преступления, организуемые на российской территории иностранными спецслужбами, которые в ближайшей перспективе будут направлены, в первую

очередь, на стратегически важные объекты инфраструктуры, в том числе транспорт. Именно это, являясь непрогнозируемым обстоятельством, может непредсказуемо повлиять на рост отдельных особо тяжких преступлений и потребует усиления мер безопасности всей транспортной инфраструктуры.

Литература:

1. Афанасьева О.Р., Афанасьев П.Б. Состояние и динамика насильственной преступности на объектах транспорта // Транспортное право и безопасность. 2020. № 3 (35). С. 43-50.
2. Гребнев Д.Ю., Евсеев А.В., Покачалов С.Д. Криминальная ситуация на объектах транспорта в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: приоритеты профилактической деятельности // Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 1(6). С. 44-52.
3. Сагайдак А.Ю., Стебенева Е.В., Харламов В.С. Анализ криминогенной ситуации на объектах транспорта и меры профилактики коррупционной преступности в данной сфере // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 153-158.
4. Черняков С.А., Дудин В.Ю. Современное состояние преступности на объектах транспорта в России // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. 2020. № 1. С. 48-53.

THE STATE AND DYNAMICS OF THE CRIMINAL SITUATION AT THE TRANSPORT FACILITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPING GEOPOLITICAL CRISIS

Introduction. The article describes the dynamics of the criminal situation at the transport infrastructure facilities of the Russian Federation in 2022. Based on the analysis of changes in the operational situation in transport over the past five years, taking into account the influence of previously non-existent factors that arose as a result of the introduction of anti-covert measures in 2020-2021 and openly hostile actions of Western countries directed against Russia, which has been conducting since February 2022 a special military operation in Ukraine, the conditions for the development of the criminal situation in transport are considered. The analysis of the criminal situation on transport in Russia during the period under study allows us to consider the trends of crime not only from the angle of its criminal-legal nature, but also from the perspective of the influence of ongoing social processes on it. The paper identifies the factors affecting crime rates at transport facilities in the current conditions, estimates of options for possible development of the criminal situation are derived, priority areas of law enforcement agencies' activities to minimize crime at transport facilities are formulated.

Materials and methods. The theoretical basis of the study was the conclusions and achievements of criminological science on crime, scientific provisions on crime as a social phenomenon, on factors affecting the dynamics of crime. General scientific and private scientific research methods (synthesis, deduction, analysis, generalization, observation, etc.) were used in the work. The methodological basis of the research was a systematic approach, comparative and problem approaches.

The results of the study. As a result of the analysis of the criminal situation at the transport facilities of the Russian Federation, it was found that, starting from 2020, new factors influenced the quantitative indicators of crime in transport. The introduction of restrictive measures related to the spread of coronavirus infection, their subsequent cancellation, the beginning of the geopolitical crisis in the world, provoked by the introduction of sanctions by Western countries against Russia, restrictions on international communications, closure of airports, borders, etc. they affected the directions of preventive activities of the internal affairs bodies in transport. The conclusions and forecasts made in the article determine the trends in the development of the criminal situation in transport in 2023 and allow us to determine the most important vectors of the direction of preventive activities of internal affairs bodies.

Discussion and conclusion. The article identifies and substantiates the priority areas of activity of the internal affairs bodies of Russia in transport for the most effective organization of preventive activities and combating crime.

Dmitry Yu. Grebnev,
Leading Researcher of the Federal State
Institution "VNII of the Ministry of Internal
Affairs of Russia", Candidate of Sciences
(Law), Russia

Alla S. Grebneva,
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor of the Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot, Russia

Ключевые слова:

объекты транспорта, транспортная
безопасность, преступление, тенденции,
прогнозные оценки, приоритеты
предупредительной деятельности

Keywords:

transport facilities, transport security, crime,
trends, forecast estimates, priorities of
preventive activities

References:

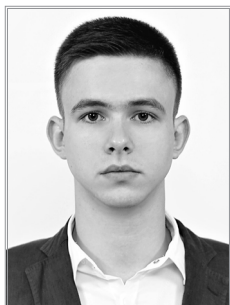
1. Afanasyeva O.R., Afanasyev P.B., 2020. Sostoyanie i dinamika nasil'stvennoj prestupnosti na obektah transporta [The state and dynamics of violent crime at transport facilities]. *Transportnoe pravo i bezopasnost' [Transport law and security]*. № 3 (35). P. 43-50.
2. Grebnev D.Yu., Evseev A.V., Pokachalov S.D., 2022. Kriminal'naya situatsiya na obektah transporta v usloviyah rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infektsii na territorii Rossijskoj Federatsii: priorityy profilakticheskoy deyatel'nosti [The criminal situation at transport facilities in the conditions of the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: priorities of preventive activity]. *Politsejskij vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federatsii [Police Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*. № 1 (6). P. 44-52.
3. Sagaidak A.Yu., Stebeneva E.V., Kharlamov V.S., 2021. Analiz kriminogennoj situatsii na obektah transporta i mery profilaktiki korruptsionnoj prestupnosti v dannoj sfere [Analysis of the criminogenic situation at transport facilities and measures to prevent corruption crime in this area]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]*. № 2. P. 153-158.
4. Chernyakov S.A., Dudin V.Yu., 2020. Sovremennoe sostoyanie prestupnosti na obektah transporta v Rossii [Modern the state of crime at transport facilities in Russia]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I.D. Putilina [Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin]*. №. 1. P. 48-53.

Article

РЕАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКИМИ КОРПОРАЦИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА С РЕСПУБЛИКОЙ ИРАК

Ольга Григорьева*
Андрей Часовской**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-46-53

Введение. Месторождения нефти в Республике Ирак традиционно находятся в зоне пристального внимания международных топливно-энергетических компаний. Ирак является одним из лидеров по объемам запасов нефти. По оценкам Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК), на 2021 г. Ирак занимает 4 место по этому показателю (145 019 млн. барр.). Российские нефтедобывающие компании уверенно расширяют свое присутствие на нефтяных месторождениях Республики Ирак. В условиях, когда наша страна находится под беспрецедентным санкционным давлением со стороны коллективного Запада, ей приходится искать пути обеспечения своего энергетического суверенитета. Разработка месторождений нефти в Республике Ирак может стать прекрасным способом для российских компаний реализовать свой потенциал. В данной статье с учетом сложившейся геополитической обстановки исследованы перспективы расширения присутствия российских нефтедобывающих компаний на нефтяных месторождениях Ирака, а в глобальной повестке - возможности продвижения Россией своих интересов как на Ближнем Востоке, так и за его пределами.

Материалы и методы. В данном исследовании используются общенаучные и частнонаучные методы познания. Отдельно следует выделить генетический метод, позволивший проследить процесс становления и развития российско-

* **Григорьева Ольга Геннадьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России
e-mail: 5618861@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6047-1598

** **Часовской Андрей Витальевич**, магистрант кафедры государственного управления МГИМО МИД России
e-mail: a.chas17@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2668-7253

иракского взаимодействия, на основании чего были сделаны выводы о перспективах его расширения. Также в исследовании проведен анализ международно-правовой базы российско-иракского сотрудничества, статистики нефтедобычи в Республике Ирак, использованы опубликованные в средствах массовой информации материалы, официальные заявления представителей российских и иракских властей.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило обосновать вывод о том, что Ирак является наиболее перспективным направлением для расширения деятельности российских нефтедобывающих компаний. Сегодня Россия и Ирак идут по пути многостороннего сотрудничества, в том числе в экономической сфере. Так же предпосылками, благоприятствующими совместной деятельности России и Ирака в топливно-энергетической области, являются близость стран в научно-технической сфере, крайняя экономическая обоснованность наращивания объемов совместных хозяйственных операций и соответствие российско-иракского сотрудничества национальным интересам обоих государств.

Обсуждение и заключение. Партнерство с Республикой Ирак имеет стратегическое значение для России на Ближнем Востоке. Это практически беспроигрышное направление внешнеэкономической деятельности, поскольку приносит обоюдные как политические, так и экономические выгоды. Ирак может стать новым плацдармом для проникновения российского бизнеса вглубь ближневосточного региона. Необходимо и дальше развивать этот курс для адаптации российской политики и экономики к новым реалиям международной геополитической обстановки.

Введение

Экономические успехи любого государства, как правило, напрямую зависят от уровня государственного суверенитета и военного потенциала. Современные реалии продемонстрировали, что существует еще один важный элемент экономического благополучия. Это энергетическая безопасность, обеспечиваемая доступными энергоносителями. Энергетический кризис в Европе — наглядное тому доказательство. Стабильная экономика и энергетическая безопасность позволяют распространять политическое влияние страны далеко за пределы государственных границ.

Нефтяные ресурсы имеют стратегическое значение для обеспечения энергетической безопасности любой страны. Россия является одной из крупнейших стран мира по объемам добычи нефти. У российских нефтедобывающих компаний имеется широчайший потенциал для расширения своего присутствия в Upstream-проектах за рубежом. Ирак — это одно из самых привлекательных государств Ближнего Востока с точки зрения геологоразведочных мероприятий и добычи нефти, ввиду его богатейших запасов углеводородов. Ученые из Ирака Х.А. Абд и С.Д. Султан отмечают, что «хотя с момента

открытия нефти в Ираке прошло более 100 лет, иракская экономика по-прежнему зависит от изменения цен на нефть, а доходы от нефти по-прежнему являются основным фактором, определяющим общий бюджет страны». Авторы пишут о необходимости поиска альтернативы нефтяным доходам, для оживления частного сектора экономики страны предлагают «избавиться от ресурсного проклятия» [8]. Проблема ресурсозависимости бюджета характерна для многих государств Ближнего Востока [4].

Исследователи из разных стран мира обращаются к проблеме сотрудничества с Ираком в сфере нефтедобычи. Так, ученые из Китая пишут о том, что правительство Ирака находится в процессе постепенного разделения в равных долях с подрядчиками прибыли и рисков, связанных с колебаниями цен, а новая контрактная модель, особенно с учетом восстановления цен на нефть, создает лучшие возможности для зарубежных нефтяных компаний [9].

На Ближнем Востоке Ирак — традиционный партнер России еще с советских времен. Во время президентства Саддама Хусейна российско-иракские отношения находились на пике развития. После гражданской войны, начавшейся в Ираке по вине США, и последующего переворота большая часть

совместных с Россией проектов была закрыта. Однако российские компании смогли остаться на рынке Ирака, несмотря на политическую нестабильность. Сейчас в иракском Министерстве нефти говорят о планах увеличить добычу на месторождениях, операторами которых являются такие российские компании, как Роснефть, Лукойл и Газпромнефть¹. Каковы же предпосылки и перспективы нового витка энергетического сотрудничества России и Ирака?

Исследование

Ирак, являющийся одним из лидеров по объемам доказанных запасов нефти, вполне логично является объектом стратегических интересов России на Ближнем Востоке. По оценкам Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК), на 2021 г. Ирак занимает 4 место по этому показателю (145 019 млн. барр.)². Однако, согласно докладу Всемирного банка «Ведение бизнеса 2020» Ираку отведено 172 место из 190 по уровню привлекательности ведения предпринимательской деятельности из-за нестабильных политических, социальных и экономических условий³. Чтобы вести предпринимательскую деятельность в таком неблагоприятном бизнес-климате, нужна серьезная подготовка институтов компаний и государственных структур к возможным вызовам.

В настоящее время намечается увеличение объемов российско-иракского сотрудничества не только в нефтегазовой сфере, но и в торгово-промышленном плане в целом. Об этом свидетельствуют заявления официальных лиц Ирака. Так, Президент Республики наметил курс на всестороннее сближение с Россией, в чем он видит источник для процветания обоих народов⁴. Одновременно с этим посол Республики Ирак в РФ в ходе российско-иракского бизнес-форума в октябре 2022 г. выразил намерение Багдада углублять взаимодействие с российскими

компаниями по множеству векторов на базе нефтяной сферы, представляющей наиболее прогрессивно развивающуюся ветвь совместной деятельности двух стран.⁵ Об этом свидетельствует увеличение добычи на месторождениях, где операторами являются российские нефтяные компании. Среди них «Западная Курна - 2», курируемое «Лукойлом», и участок Бадра, разрабатываемый «Газпромнефтью».

Современные политико-экономические направления сотрудничества России и Ирака в сфере нефтедобычи регулярно обсуждаются в публикациях [2; 3; 6]. Отдельные авторы анализируют международно-правовые и исторические аспекты влияния Ирака на политику на Ближнем Востоке [1; 7].

Можно выделить три ключевых предпосылки, открывающих перспективы для наращивания российского присутствия на иракских нефтяных месторождениях.

1. Научно-технический потенциал. У российских компаний есть отличная база для расширения своего присутствия на рынке Ирака в виде многолетнего опыта взаимовыгодного сотрудничества. Стратегическое партнерство СССР и Ирака было обосновано тем, что Советский Союз нуждался в союзнике на Ближнем Востоке, а Ираку были необходимы советская военно-техническая и гуманитарная помощь.

Большая часть российско-иракских договоров об экономическом, промышленном, техническом и научном сотрудничестве была подписана до 2003 года в период руководства страной Саддамом Хусейном. После переворота, организованного США, большинство этих контрактов было признано недействительными, но отношения удалось восстановить.

Почему Ираку выгодно сотрудничать именно с Россией в научно-техническом плане, а в особенности в нефтегазовой сфере? Ответ на этот вопрос кроется в глубокой технологической близости. Советские инже-

¹ В Ираке планируют нарастить добычу на месторождении Бадра вместе с «Газпромнефтью» // RT, 22.10.2022, URL: <https://russian.rt.com/business/news/1064351-irak-neft-dobycha>

² Oil data: upstream // OPEC Annual Statistical Bulletin 2022, OPEC Official Website, URL: <https://asb.opec.org/>

³ Doing Business 2020: Ease of doing business ranking // International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington, DC, 2020, URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment>

⁴ Новый президент Ирака заявил о готовности укреплять отношения с Москвой // РИА Новости, 24.10.2022, URL: <https://ria.ru/20221024/irak-1826314460.html>

⁵ Посол Ирака отметил готовность развивать отношения с Россией в разных сферах // ТАСС, 20.10.2022, URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16111187>

неры и технологи занимались проектированием и строительством нефтяной инфраструктуры Ирака по всему циклу нефтедобычи.

Сейчас целесообразно использовать опыт российских топливных компаний в области модернизации объектов углеводородной промышленности ввиду близости научно-технической базы.

2. Взаимная выгода. Естественно, такое сотрудничество не может быть налажено при отсутствии экономической выгоды для обеих сторон.

Что получает Ирак от сотрудничества с Россией? Власти Ирака привлекают российские топливно-энергетические компании для создания и восстановления после боевых действий не только нефтяной, но и социально значимой и логистической инфраструктуры. Для понимания природы российско-иракского партнерства стоит рассмотреть конкретные примеры участия российских нефтяных компаний в государственных проектах и проектах муниципальных образований.

Для начала рассмотрим деятельность «Лукойла», на плечах которого лежат два крупных проекта в Ираке: Западная Курна-2 и Блок «10». Взаимоотношения компании и государства строятся на основе Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве. В документе сделан акцент на сфере образования, а также на подготовку квалифицированных кадров для работы на объектах в Ираке. Меморандум предполагает программы ежегодного обмена студентов и стажировки по окончании обучения.⁶ Кроме того, «Лукойл» занимается восстановлением образовательных учреждений на территориях своего присутствия в самом Ираке. В этих учреждениях создаются факультативы для школьников, обучающие азам нефтяной промышленности, а также преподается русский язык. Одновременно с этим, «Газпром-нефть», разрабатывающая месторождения «Бадра» и «Шакал», занимается материально-техническим обеспечением объектов среднего и высшего образования.

В результате преимуществ от инвестиций российских компаний в сферу образования извлекают все стороны. Ирак имеет возможность повысить уровень образования населения и обрести высокообразованных

специалистов в нефтегазовой сфере. Компании со своей стороны получают кадры из числа местного населения, что позволяет сократить издержки в области набора персонала и наладить контакт с местными общинами. Не стоит забывать и о политическом аспекте для России, которая остается в выигрыше от распространения русского языка и приобщения населения другой страны к русской культуре, что позволит в дальнейшем использовать этот мост в качестве инструмента для политических шагов на Ближнем Востоке.

Для российских нефтяных компаний характерно использование своих возможностей для улучшения жизни местного населения, за счет чего они получают определенные преференции со стороны государственных и муниципальных властей. «Лукойл» занимается сооружением спортивных объектов, поставками медицинского оборудования и строительной техники, организацией водоснабжения и восстановлением объектов, поврежденных в ходе боевых действий. У «Газпрома» существуют схожие программы. Иракские власти часто обращаются за помощью к компании в ситуациях, когда они не справляются с выполнением обязательств перед населением.

Таким образом, компании создают положительный корпоративный имидж в глазах местного населения, вовлекая его в свою работу и оказывая ему всецелую поддержку.

Почему иракская бизнес-модель привлекательна для российских игроков? Во-первых, и «Лукойл», и «Газпромнефть» получают в качестве оплаты за свои услуги не только прямые финансовые выплаты, но и компенсационную нефть. Во-вторых, они получают вознаграждение за понесенные убытки в ходе реализации проектов. Таким образом, это, по сути, безубыточная бизнес-схема, устойчивая к волатильности нефтяного рынка.

3. Обеспечение безопасности. Немаловажен и другой вопрос — вопрос безопасности как военно-политической и террористической, так и энергетической.

Во-первых, после ряда вооруженных конфликтов в Ираке на месторождениях осталось множество заминированных зон, которые представляют опасность как для местного населения, так и для сотрудников

⁶ Лукойл и министерство нефти Ирака подписали меморандум о сотрудничестве // Пресс-релиз ПАО «ЛУКОЙЛ», 11.03.2004, URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease?rid=51608>

компаний, работающих там. Российские компании частично берут на себя расходы на обезвреживание минных полей, как это сделал «Лукойл» на территории «Блока 10».

Россия является одним из главных акторов безопасности на Ближнем Востоке. После начала выполнения Вооруженными силами РФ специальных задач на территории Сирии, Россия дала понять миру, что она намерена вернуть себе статус великой державы в ближневосточном регионе. Перед нашей страной стоит достаточно сложная задача. С одной стороны, необходимо поддерживать отношения с официальным Багдадом, который намерен сохранить свою территориальную целостность, а с другой — грамотно осваивать территорию Иракского Курдистана.

При этом Россия, в отличие от США и их союзников, обладает гораздо более привлекательным для арабских стран имиджем. Начать стоит с того, что Россия никогда не была для них метрополией и не имеет такого колониального прошлого, как у Европы. А в XX в. СССР занимал проарабскую позицию, продвигая идеи дружбы народов и оказывая экономическую, промышленную, гуманитарную и военно-техническую поддержку многим ближневосточным государствам, в том числе и Ираку. Возможно, самым главным аргументом в пользу России является тот факт, что она не приходила с войной на иракские земли и не приносила смерть и разрушения, как это было в случае с Соединенными Штатами. Стоит также отметить еще одно кардинальное отличие в подходах РФ и США к процессу ценностного обмена. Если США навязывают собственную модель поведения и свои ценности, которые зачастую чужды исламскому миру, Россия хочет лишь немного приблизить представителей иной культуры к русской, уважая жизненные устои местного населения и не пытаясь подменить им идентичность. Именно поэтому российская модель выглядит гораздо более выигрышно для достаточно консервативного иракского общества [5].

Многие эксперты сходятся во мнении, что Россия на современном этапе вполне может занять нишу США, позиции которых как агента безопасности на Ближнем Востоке в последние годы заметно пошатнулись. Главной причиной желаний арабских госу-

дарств заменить США на месте «поставщика безопасности» представители Фонда Карнеги (США) видят в авторитарных, по их мнению, традициях управления в наших странах [10].

Причиной возросшего интереса топливно-энергетических компаний к Ираку может послужить нестабильная ситуация в отношениях Запада и Ирана, против которого первый объявил санкции. Именно иракская нефть может стать своеобразной гарантией энергетической безопасности импортеров нефти. Схожая ситуация наблюдается и с нефтепродуктами из самой России, на поставки которых может быть наложено эмбарго и установлен потолок цен со стороны стран G7. Замену, опять же, будут искать на Ближнем Востоке, а для России это может стать обходным путем.

Британское международное ценовое агентство Argus отмечает, что с обострением в отношениях России и Запада иракские нефтяные фирмы стали получать запросы на дополнительные поставки нефти, поскольку покупатели ищут альтернативу российским объемам. Часть дополнительного спроса поступила от покупателей из Европы, Китая и Индии⁷. Последние два импортера сырой нефти представляются прекрасным способом построения альтернативного пути поставок в Европу продуктов переработки нефти.

Отталкиваясь от предпосылок, изложенных выше, можно сделать вывод, что Ирак представляет из себя практически идеального партнера на Ближнем Востоке для России. Выгоду от совместных проектов извлекают обе стороны.

Во-первых, СССР занимался возведением иракской нефтяной инфраструктуры с нуля, поэтому наиболее логичным решением было бы пригласить именно российских технологов для разработки плана модернизации. Кроме того, помимо объектов нефтяной промышленности, советские инженеры занимались и другими отраслями, что позволяет говорить о потенциале создания целой технологической экосистемы российского образца.

Во-вторых, российские компании не приходят на рынок Ирака с пустыми руками. В программы поддержки местного населения входит строительство медицинских и образовательных учреждений, их материально-

⁷ Appetite for Iraqi oil grows as buyers shun Russia // Argus Media, 03.03.2022, URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2307995-appetite-for-iraqi-oil-grows-as-buyers-shun-russia>

техническое обеспечение, образовательные программы и создание рабочих мест. Россия, в свою очередь, получает, с одной стороны, крайне выгодную бизнес-модель, основывающуюся на возмещении убытков за счет компенсационной нефти, а с другой - возможность распространения русской культуры за рубежом. Причем в случае с Ираком российский подход может найти гораздо больший отклик, чем американский.

В-третьих, Россия, как агент ближневосточной безопасности вполне может занять нишу США. Россия также стремится обеспечить свою энергетическую безопасность и реализовать обходные пути для нивелирования эффекта от санкций со стороны Запада, поэтому она может пойти по пути расшире-

ния своего присутствия на Ближнем Востоке и, в частности, в Ираке.

Заключение

Однозначно можно сказать одно: сохранение Ирака как стратегического партнера на Ближнем Востоке - важнейшая задача России. В условиях, когда Запад изолируется от всего русского, необходимо искать новые пути обеспечения собственной энергетической безопасности.

Россия в Ираке - не новый игрок. Модель российско-иракского сотрудничества открывает широкий простор для закрепления на Ближнем Востоке. Главное - не упустить эту возможность.

Литература:

1. Валиахметова Г.Н. Иракская нефть в международной политике на Ближнем Востоке (1928-1941 годы) // Новая и новейшая история. 2009. №. 6. С. 32-50.
2. Мохаммед Ф. Х., Абрагим М. Х. Нефтяной сектор и его влияние на экономику Ирака (перспективы иракской нефти) // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2010. №. 2. С. 38-40.
3. Мохаммед И. М. М., Пизенгольц В. М. Деятельность нефтяных компаний Ирака и их роль в мировой экономике // Управление. 2019. Т. 7. №. 3. С. 38-46.
4. Никульшин А.А. Налогообложение в России и Саудовской Аравии (сравнительный аспект) // Россия в меняющемся мире: государственно-правовые традиции и инновации: Международная научно-практическая конференция (МГИМО, 11.04.2018 г.). М.: МГИМО (Университет) МИД России, 2018. С. 168-172.
5. Сучков М.А. Россия на Ближнем Востоке: «Делайте с нами — и останетесь собой» // РСМД, 25.06.2020. URL: <https://russiancouncil.ru>.
6. Шихаб А. М. М., Аббас А. К. И. М. Нефть, разработка и конфликт в Ираке // Ответственный редактор. 2022.
7. Шкваря Л.В. Иракский Курдистан: нефть, газ и развитие // Россия и Азия. 2017. №. 1. С. 11-22.
8. Abd, H. A., & Sultan, S.J. Rentier Development in Iraq: Stumbling Paths.. Reality and solutions. *Warith Scientific Journal*. 4(9). 2022.
9. Sun, D., Xia, L., Wang, K., Lei, Z., Zou, Q., Li, Z., ... & Liu, S. Better opportunities created for investors by evolution of petroleum contracts in Iraq under the background of the recovery of oil prices. *Journal of Petroleum Science and Engineering*. 209. 109890. 2022.
10. Weiss A.S., Alexander-Greene J., What's Driving Russia's Opportunistic Inroads With Saudi Arabia and the Gulf Arabs // Carnegie Endowment for International Peace. October 05. 2022. URL: <https://carnegieendowment.org>.

RUSSIAN CORPORATIONS IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN COOPERATION WITH REPUBLIC OF IRAQ (FIELD DEVELOPMENT EXAMPLE)

Introduction. Oil fields in the Republic of Iraq have traditionally been the subject to intense scrutiny of international fuel and energy companies. Iraq is one of the world leaders in terms of oil reserves. According to the Organization of Petroleum Exporting

Countries (OPEC), Iraq ranks 4th in 2021 (145,019 million barrels). Russian oil companies are firmly expanding their presence in the Iraqi oil fields. In condition of unprecedented sanctions against Russia from the collective West, our country has to look for ways

to ensure its energy sovereignty. Oil development in Iraq can be an effective way for Russian companies to achieve their potential. This article examines the prospects for increasing the reach of Russian oil companies in the oil fields of Iraq taking into account the current geopolitical situation, and the global agenda includes the opportunity for Russia to promote interests both in the Middle East and beyond.

Materials and methods. In this study, general and particular scientific methods are applied. The genetic method should be highlighted, as it allowed to trace the process of formation and development of the Russian-Iraqi interaction, and to draw conclusion on the prospects for its expansion. The study also analyzes the international legal framework of Russian-Iraqi cooperation, oil production statistics in Iraq, materials published in the media, official statements by the Russian and Iraqi authorities.

The results of the study. The conducted research allowed to substantiate the conclusion that Iraq is the most promising area for extending the activities of Russian oil companies. Nowadays, Russia and Iraq are following the path of multifaceted cooperation, including the economic sphere. Also, the prerequisites that favor joint activities of Russia and

Iraq in the fuel and energy field are the proximity of the countries in the scientific and technical sphere, the extreme economic feasibility of increasing the volume of joint economic operations and the compliance of Russian-Iraqi collaboration with the national interests of both states.

Discussion and conclusions. Partnership with the Republic of Iraq is of strategic importance for Russia in the Middle East. This is almost a win-win direction of foreign economic activity, since it brings mutual political and economic benefits. Iraq may become a new springboard for the penetration of Russian business deep into the Middle East region. It is necessary to further develop this course in order to adapt Russian politics and economy to the new realities of the international geopolitical situation.

Olga G. Grigorieva,
Doctor of Sciences (Law), Professor, Department of Legal Foundations of Administration,
MGIMO University, Russia

Andrei V. Chasovskoi,
Master's student, Department of Public Governance, MGIMO University, Russia

Ключевые слова:

Республика Ирак, Россия, нефтедобыча, месторождения нефти, двустороннее сотрудничество

Keywords:

Republic of Iraq, Russia, oil production, oil fields, bilateral cooperation

References:

1. Valiahmetova, G. N., 2009. Irakskaya neft' v mezhdunarodnoj politike na Blizhnem Vostoke (1928-1941) [Iraqi oil in international politics in the Middle East (1928-1941)]. *Novaya i novejschaya istoriya* [Modern and recent history]. №. 6. P. 32-50.
2. Mohammed, F. H., Abragim, M. H., 2010. Neft'nyy sektor i ego vliyanie na ekonomiku Iraka (perspektivy irakskoj nefti) [The oil sector and its impact on the economy of Iraq (prospects for Iraqi oil)]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. [Problems of economics and management of the oil and gas complex]. № 2. P. 38-40.
3. Mohammed, I. M. M., Pizengol'c, V. M., 2019. Deyatel'nost' neftnykh kompanij Iraka i ih rol' v mirovoj ekonomike [Activities of oil companies in Iraq and their role in the global economy]. *Upravlenie* [Management]. Vol. 7. №. 3. P. 38-46.
4. Nikulshin, A.A., 2018. Nalogooblozhenie v Rossii i Saudovskoj Aravii (sravnitel'nyj aspekt) [Taxation in Russia and Saudi Arabia (comparative aspect)]. *Rossiya v menyayushchemsya mire: gosudarstvenno-pravovye tradicii i innovacii: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (MGIMO, 11.04.2018)* [Russia in a Changing World: State-Legal Traditions and Innovations: International Scientific and Practical Conference (MGIMO (UNIVERSITY))]. P. 168-172.
5. Suchkov M.A., 2020. Rossiya na Blizhnem Vostoke: «Delajte s nami — i ostanetes' soboj» [Russia in the Middle East: "Do with us - and remain yourself"]. URL: <https://russiancouncil.ru>.
6. Shihab, A. M. M., Abbas, A. K. I. M., 2022. Neft', razrabotka i konflikt v Irake [Oil, development and conflict in Iraq]. *Otvetstvennyj redaktor* [Managing editor].
7. Shkvarya, L.V., 2017. Irakskij Kurdistan: neft', gaz i razvitie [Iraqi Kurdistan: oil, gas and development]. *Rossiya i Aziya* [Russia and Asia]. №. 1. P. 11-22.
8. Abd, H.A., & Sultan, S.J., 2022. Rentier Development in Iraq: Stumbling Paths.. Reality and solutions. *Warith Scientific Journal*. 4(9).

9. Sun, D., Xia, L., Wang, K., Lei, Z., Zou, Q., Li, Z., ... & Liu, S., 2022. Better opportunities created for investors by evolution of petroleum contracts in Iraq under the background of the recovery of oil prices. *Journal of Petroleum Science and Engineering*. 209. 109890.
10. Weiss, A.S., Alexander-Greene, J., 2022. What's Driving Russia's Opportunistic Inroads With Saudi Arabia and the Gulf Arabs. *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://carnegieendowment.org>.

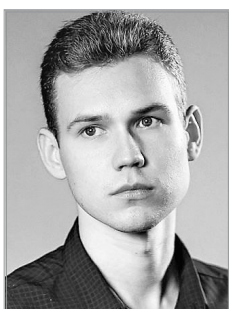
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИК СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

*Татьяна Литвинова**

*Ольга Кочеткова***

*Дмитрий Каверин****

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-54-65

***Введение.** Статья посвящена анализу особенностей социально-экономического развития республик Северо-Кавказского федерального округа в условиях внешних вызовов, с которыми сталкивается наша страна за последние три года, включая последствия пандемии COVID-19, а также внешнее санкционное давление.*

Актуальность исследования обусловлена неизменной зависимостью бюджетов республик СКФО от поступлений из федерального бюджета, напряженностью на рынке труда, необходимостью совершенствовать механизмы регионального управления.

***Материалы и методы.** В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступает концепция экономического (бюджетного) федерализма, разработанная Дж. Стиглером, У. Оутсом, Л. Фелдом и Ф. Шнейдером. Зарубежные теории экономического федерализма предлагают две модели бюд-*

* **Литвинова Татьяна Николаевна**, доктор политических наук, профессор кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: tantin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5382-3751

** **Кочеткова Ольга Андреевна**, преподаватель кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала МГИМО МИД России
e-mail: kochetkova.o.a@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-5828-2595

*** **Каверин Дмитрий Викторович**, ведущий эксперт Управления функциональной экспертизы Департамента экспертной поддержки цифровой трансформации, ФГБУ «Центр экспертизы и координации информатизации» Министерства цифрового развития, связи и средств массовой коммуникаций Российской Федерации
e-mail: kaver_time@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0745-8447

жетного процесса – децентрализованную и централизованную. Российская модель бюджетного федерализма, функционирующая по типу централизованного унитарного государства, рассматривалась в работах А. Аветисяна, И. Харитонова, Е. Мащенко и многих других. С одной стороны, такая система позволяет аккумулировать средства федерального бюджета для решения общих задач, с другой – продолжают оставаться регионы с сильной экономической зависимостью от безвозмездных поступлений из бюджета вышестоящего уровня. Данное исследование основано на анализе социально-экономической статистики и мониторинге региональных СМИ.

Результаты исследования. Республики СКФО продолжают демонстрировать высокую дотационную зависимость бюджетов от безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Вместе с тем в постпандемийный период наметился небольшой рост собственных бюджетных доходов за счет роста численности предприятий малого и среднего бизнеса. Серьезной системной проблемой остается безработица. Одним из решений в ходе государственного реагирования на внешние вызовы стало продолжение оптимизации процессов управления посредством ускорения цифровой трансформации, например, рост числа граждан СКФО, получающих государственные услуги в электронном виде. Санкционное давление после начала СВО на Украине не оказало существенного влияния на экономику республик СКФО из-за их слабой вовлеченности в международное разделение труда.

Обсуждение и заключение. Серьезная зависимость бюджетов республик СКФО от дотаций из федерального центра, с одной стороны, делает социально-экономическую ситуацию в республиках свободной от внешних вызовов. С другой стороны, вся тяжесть экономической поддержки и финансирования необходимых социальных мер ложится на плечи федерального правительства, в частности, сглаживание инфляционных рисков для субъектов малого предпринимательства, для семей с детьми. Разница в возможностях региональных бюджетов проявилась и в оказании единовременной финансовой помощи семьям мобилизованных. Это вновь ставит вопрос о необходимости увеличения доходной части региональных бюджетов, за счет роста числа предприятий – налогоплательщиков.

Введение

Северо-Кавказский федеральный округ России, созданный в нынешнем виде в 2010 году, объединил субъекты со сложным этническим и конфессиональным составом. Процессы социальной трансформации, этнополитические и территориальные конфликты, охватившие данную территорию в 1990-е гг., дополнялись трудностями восстановления экономики в новых условиях хозяйствования. Основы ее были подорваны, и ряд республик Северного Кавказа принято признавать депрессивными, многие субъекты региона нуждаются в дотациях из федерального бюджета. Требуются огромные инвестиции и для оживления хозяйствования и социально-экономического развития. Вынужденное снижение экономической активности в период борьбы с пандемией COVID-19 сказалось на занятости населения,

особенно в частном секторе, что потребовало значительных мер социальной поддержки со стороны государства, обострило вопросы бюджетной зависимости региона. В настоящее время вся страна столкнулась с новым внешним вызовом – санкционным давлением вследствие проведения Специальной военной операции на Украине.

Все эти проблемы обуславливают необходимость преодоления негативных тенденций социально-экономического развития региона, оптимизации механизмов регионального управления в целях совершенствования российского федерализма.

Цель настоящей статьи – раскрыть особенности социально-экономического развития республик Северо-Кавказского федерального округа России в условиях внешних вызовов.

Теоретико-методологическими основаниями данного исследования выступает

концепция экономического федерализма. Экономический федерализм является важным аспектом развития федеративного государства, при котором первостепенной задачей правительства является решение социальных проблем населения во всех частях страны, путем удовлетворения потребностей граждан в обеспечении товарами и услугами. Исследования в области экономического федерализма активизировались среди американских, канадских и немецких ученых в 1950-е – 1970-е гг.

Американский экономист Джордж Стиглер уже в 1957 году заявил, что «перераспределение по своей сути является национальной политикой» [13. Р. 217].

Большой вклад в развитие экономического федерализма внес Уоллес Оутс в своей работе «Фискальный федерализм», предложивший децентрализованную модель налогово-бюджетных отношений между штатами. По его мнению, децентрализация в федеративном государстве предпочтительнее, так как на местах лица, принимающие решения, наиболее точно представляют своих избирателей [12].

В свою очередь представители нормативной теории фискального федерализма Л. Фелд и Ф. Шнейдер придерживались централизованной или кооперативной модели. В пользу координации деятельности между центром и субъектами выступают вторичные внешние эффекты для населения в виде снижения затрат и/или роста выгод. Кроме того, централизованное управление может использовать эффект масштаба при потреблении общественных услуг. Что касается перераспределения доходов между субъектами, централизация может быть полезной, чтобы обойти дифференциацию экономического развития. Наконец централизация способствует общей макроэкономической стабилизации на федеральном уровне [10].

Как писали Р. Инмар и Д. Рубинфилд, выбор «оптимального» уровня децентрализации в федеративном государстве зависит от важности экономической эффективности и конкурирующих ценностей политического участия, экономической справедливости и личных прав и свобод [11. Р. 43].

В отечественной литературе проблемы бюджетного федерализма начали активно изучаться после реформ начала 2000-х годов.

Среди авторов, обращавшихся к этой теме, А. Аветисян [1], И. Харитонов [9], Ш. Идрисов, Р. Сомоев [4] и многие другие.

Несмотря на наличие бюджетов трех уровней (федерального, субъекта РФ и местного), именно на федеральный центр ложится ответственность за поддержание экономической эффективности в регионах через перераспределение бюджетных средств путем межбюджетных трансфертов. Согласно статье 129 Бюджетного кодекса Российской Федерации, распределение бюджетных ассигнований для предоставления дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, а также субвенций и субсидий утверждается федеральным законом о бюджете¹. Российские экономисты не раз указывали на особенности российской вертикальной модели бюджетного федерализма, отмечая, что «в механизме бюджетных отношений кроется проблема, исходящая из самой основы, при которой субъекты федерации сохраняют дефицит своих бюджетов в пределах от 30 до 50%, а на местном уровне ещё выше – от 70 до 90%» [4].

Специалисты предлагают различные меры развития бюджетного федерализма. В частности, Е.С. Машенко [6. С. 13] настаивает на необходимости дифференцированного подхода к субъектам РФ. Например, относиться к безвозмездным поступлениям не только как средству выравнивания, но и как способу стимулирования проведения определенной региональной политики; обеспечить не только вертикальное, но и горизонтальное выравнивание на основе замены дотаций регулирующими налогами для стимулирования развития регионов; внедрить новые правовые механизмы расчета налогового потенциала регионов путем более полного учета их особенностей.

У сложившейся в России системы бюджетного федерализма есть положительные черты, связанные со спецификой нашей страны. Так, бюджетный федерализм в начале 2000-х годов значительно снизил центробежные тенденции на региональном уровне, кроме того, перераспределительная бюджетная система до сих пор помогает поддерживать регионы со слабой экономической базой, постепенно способствуя снижению экономической дифференциации субъектов федерации. Однако, очевидно,

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации. 31.07.1998 №45-ФЗ (ред. от 28.12.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/

что с прагматической точки зрения, необходимо усиливать экономическое развитие отстающих регионов, способствуя росту их собственных доходов.

Так, Б.Л. Лавровский и Е.А. Горюшкина отмечают, что в настоящее время примерно в 40% регионов совокупные поступления обеспечивают профицит их бюджетов и участие этих регионов в решении общегосударственных задач, а вклад остальных 60% регионов в бюджетную систему пока не столь существенен [5. С. 143].

Итак, концепция экономического федерализма предлагает две модели управления – децентрализованную и централизованную. В России на практике реализуется централизованная модель. Рассмотрим, насколько успешно сложившаяся модель позволяет слабым в экономическом плане республикам справляться с внешними вызовами. Хотя в фокусе нашего внимания республики СКФО, изучение тенденций и особенностей их развития на современном этапе невозможно без сопоставления с показателями соседних регионов.

Данное исследование основано на анализе социально-экономической статистики и мониторинге региональных СМИ.

Исследование

В Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года², принятой в 2010 году, ставились серьезные задачи по преодолению негативных тенденций регионального развития. Однако за время реализации Стратегии субъектам СКФО не удалось преодолеть дотационной зависимости от центра, снизить безработицу, средняя заработная плата еще сильнее отстала от среднероссийских показателей. По мнению И. Стародубровской, К. Казенина и Д. Ситкевича, единственная сфера, где удалось достичь некоторого роста – развитие туристического сектора: за десять лет туристический поток вырос в 2,8 раз [8. С. 115]. Ис-

следователи объясняют неудачи стратегического развития реализацией «модернизации сверху» вместо поиска внутренних ресурсов, точек роста и возможностей «модернизации снизу».

Ключевыми отраслями на территории Северо-Кавказского федерального округа в предыдущее десятилетие были строительство, сельское хозяйство и туризм. В последние годы производительность труда в Северо-Кавказском федеральном округе росла заметно медленнее, чем в среднем по России. Так, в 2018 году спад производительности труда наблюдался только в 9 регионах Российской Федерации, 5 из них входят в состав Северо-Кавказского федерального округа³.

Республики Северо-Кавказского федерального округа сохраняют серьезную зависимость региональных бюджетов от безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Например, согласно данным Росстата, в 2020 году высокий уровень зависимости от дотаций и субсидий из федеральных средств демонстрировали Республика Ингушетия – 87%, Чеченская Республика – 82%, Карачаево-Черкесская Республика – 72%, Республика Дагестан – 70%⁴. Следует отметить, что данные исполнения консолидированного бюджета практически не связаны с теми внешними вызовами, с которыми столкнулась страна за последние три года.

Консолидированный совокупный бюджет субъектов СКФО составил почти 700 млрд. рублей в 2021 году, что является самым высоким показателем с 2017 года, когда консолидированный бюджет составлял чуть более 400 млрд. рублей. Сравним с показателями 2020 года, на который пришлось замедление темпов экономического роста, когда консолидированный бюджет составил 645 млрд. рублей. Таким образом, с 2017 года по 2021 год бюджеты субъектов увеличились. Все республики СКФО являются дотационными, но при этом их доходы также пополнились за счет налога на прибыль организаций, согласно статьи 56 Бюджетного кодек-

² Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. № 1485-р. URL: <https://rg.ru/2010/10/05/skfo-site-dok.html>

³ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года. Утверждена Правительством Российской Федерации 30 апреля 2022 года №1089-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350317169?marker=65A0IQ>

⁴ Министерство финансов России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129623-dannye_ob_ispolnenii_konsolidirovannykh_byudzhetrov_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_yanvarya_2020_goda

са Российской Федерации⁵. Это произошло благодаря росту численности малых предприятий, который в 2021 году увеличился почти в два раза по сравнению с 2020 годом (с 26,8 млрд. до 43,6 млрд. рублей).

Большое значение для роста доходов субъектов имеет увеличение собственной налоговой базы, прежде всего, за счет налога на имущество зарегистрированных в регионе компаний.

По данным Росстата доля малого и среднего предпринимательства в СКФО в валовом региональном продукте составляет 31%, валовой региональный продукт округа составил в 2020 году – 2404 млрд. рублей, что демонстрирует увеличение экономической активности⁶. Вместе с тем, субъекты СКФО все еще серьезно уступают соседним регионам Южного федерального округа, чей валовой региональный продукт в 2020 году был в три раза больше и составлял 6709 млрд. рублей. Наименьшие темпы экономического роста показывала Республика Ингушетия.

Малые и средние предприятия Северного Кавказа можно разделить на те, что отличаются структурированным процессом производства, высокой долей автоматизации и

пытаются выйти в сегмент крупного бизнеса, и те, которые являются микробизнесом, зачастую слабо формализованным (надомные производства, строительные бригады, личные подсобные хозяйства и т.п.). Мелкие предприятия не могут получить крупные кредиты или взять технику в лизинг, им доступна лишь грантовая поддержка региональных министерств⁷. В 2021 году после пандемии произошло резкое снижение, а затем последовал рекордный рост числа организаций малого и среднего предпринимательства (Рис. 1). В 2021 году было рекордное поступление налога на прибыль в консолидированный бюджет субъектов СКФО – 43,6 млрд. рублей.

Среди проблем роста МСП в Северо-Кавказском регионе специалисты называют недостаточную экономическую активность значительного числа населения, бюрократические барьеры региональных и местных уровней власти, ограниченные возможности оперативно изыскивать финансовые средства на пополнение оборотных средств, а также на начало бизнеса, сложность получения кредитов [3. С. 264].

Рисунок 1. Динамика численности организаций МСП Северо-Кавказского федерального округа, 2017-2022 гг.

Источник: Росстат.

⁵ Бюджетный кодекс Российской Федерации. 31.07.1998 №45-ФЗ (ред. от 28.12.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/

⁶ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года. Утверждена Правительством Российской Федерации 30 апреля 2022 года №1089-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350317169?marker=65A0IQ>

⁷ Тлисов А. Эксперт рассказал о перспективах развития МСП на Северном Кавказе // *Российская газета*. 13.05.2021. URL: <https://rg.ru/2021/05/13/reg-skfo/ekspert-rasskazal-o-perspektivah-razvitiia-m-sp-na-severnom-kavkaze.html>

Одной из базовых тенденций, определяющих динамику социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа, остается рост численности населения. В период с 1990 по 2020 год число жителей СКФО увеличилось на 2,6 млн. человек (на 35,2%) и достигло на 1 января 2021 г. 9967 тыс. человек⁸. В республиках СКФО самый высокий уровень рождаемости среди регионов России.

Уровень безработицы в Северо-Кавказском федеральном округе традиционно один из самых высоких в стране, еще до пандемии в 2019 году уровень безработицы в СКФО составил 11% (ср. среднероссийский – 4,6%). При этом большинство безработных молодые люди около 30 лет. В 2020 году в Республике Ингушетия в возрастной группе от 20 до 29 лет – 51%, в Республике Дагестан – 24%, в Республике Северная Осетия – Алания – 23% являлись безработными [7]. В 2020 году в условиях пандемии COVID-19 уровень безработицы в Северо-Кавказском федеральном округе вырос до 13,9% (в среднем по Российской Федерации 5,8%), а число безработных достигло с ноября 2020 года по январь 2021 г. 687,4 тыс. человек. Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, в СКФО в 2020 году составлял 26,9%.

К сентябрю – ноябрю 2021 года число безработных сократилось до 514,9 тыс. человек, а уровень безработицы в III квартале 2021 года – до 11,4% (в среднем по Российской Федерации – 4,4%). По данным за октябрь – декабрь 2021 года уровень безработицы составлял в Республике Ингушетия 29,7%, в Республике Дагестан – 13,5%, Северной Осетии – Алании – 12%, Чеченской Республике – 11,2%, Карачаево-Черкесской Республике – 10,1%⁹.

Исходя из приведенных статистических данных негативные экономические эффекты, связанные с последствиями пандемии, такие как замедление экономической активности, снижение количества малых предприятий, носили временный характер, и были по большей части преодолены в течение

2021 года. Острой для Северо-Кавказского региона по-прежнему остается проблема безработицы, которая носит системный характер.

Необходимость реагирования на вызовы пандемии COVID-19 способствовала укреплению роли цифровой трансформации государственных механизмов, как в традиционном предоставлении цифровых услуг, так и в инновационных способах принятия оперативных, антикризисных мер, таких как отслеживание контактов людей с потенциальным носителем вируса, цифровая медицина, телемедицина, онлайн-обучение и удаленная работа.

Несмотря на некоторые трудности внедрения элементов цифровой трансформации, а также поддержания необходимых мощностей государственных информационных систем (например, в России 13 мая 2020 года портал «Госуслуги» не справился с объемом желающих подать заявки на выплаты на детей), цифровизация регионального управления может выступать основополагающим элементом системной трансформации всего государственного управления. Региональная цифровая трансформация способствует более доступному и качественному предоставлению государственным услуг жителям и организациям субъектов Российской Федерации, сокращает неравенство граждан в получении услуг и доступа к ним, позволяет выстроить систему управления на основе данных в центрах управления регионами, а также содействует внедрению цифровых решений в государственное управление на основе разработок в регионах, исходя из сложившихся вызовов. В конечном итоге, результаты цифровой трансформации направлены на осуществление прорывного развития и укрепление социально-экономического потенциала Российской Федерации.

Технологии и решения цифрового государственного управления позволяют более адаптивно и эффективно реагировать на изменяющиеся условия внешней среды, а также предоставляют возможность гражданам и предприятиям своевременно получать

⁸ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года. Утверждена Правительством Российской Федерации 30 апреля 2022 года №1089-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350317169?marker=65A0IQ>

⁹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года. Утверждена Правительством Российской Федерации 30 апреля 2022 года №1089-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350317169?marker=65A0IQ>

необходимые государственные услуги с минимальными временными издержками. Так с 2019 года в субъектах СКФО выросла доля граждан, использующих механизм получе-

ния государственных и муниципальных услуг в электронной форме, и составила 75,1% при среднероссийском показателе 85,1% (Таблица 1).

Таблица 1

Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, 2019-2021, %

	2019	2020	2021
Российская Федерация	77,6	81,1	85,1
Северо-Кавказский федеральный округ	63,6	74,5	75,1
Республика Дагестан	52,8	72,2	62,9
Республика Ингушетия	77,2	78,7	82,8
Кабардино-Балкарская Республика	79,3	83,1	90,2
Карачаево-Черкесская Республика	76,3	82,2	89
Республика Северная Осетия – Алания	53,3	73,8	74
Чеченская Республика	60,0	61,7	74,4
Ставропольский край	74,4	79,6	82,5

Источник: Росстат.

Для сравнения – в Южном федеральном округе доля населения, использующая Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в 2021 году составила 89,4%¹⁰. Таким образом, можно наблюдать тенденцию увеличения доли граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме в период первых волн пандемии (2020 год) на более чем 10 %. Это демонстрирует ускорение государственного и гражданского участия в цифровой трансформации в качестве ответа на внешние вызовы.

Важными показателями оценки уровня развития электронного правительства являются численность пользователей сети Интернет на 100 человек населения и доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств. В 2021 году в СКФО численность пользователей Интернет на 100 человек населения составила 85,7, что чуть больше среднероссийской численности – 84. В свою очередь, доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в 2021 году в СКФО была также чуть больше среднероссийского показателя 82,6% и составила 83,2%¹¹.

Серьезное влияние на развитие социально-экономической ситуации в регионах России оказывает проведение Специальной военной операции на Украине с 24 февраля 2022 года. Уровень социально-экономической стабильности того или иного субъекта федерации зависит от того, какие отрасли в нем находятся и какие из них попали под санкции, и насколько он вовлечен в международные экономические отношения.

Интересное исследование осознания проблем экономики региона населением СКФО провела М.Р. Габараева на основе контент-анализа Интернет-СМИ (telegram-каналов) с февраля по октябрь 2022 года. В большинстве публикаций среди проблем региона в период санкций жители называют низкие доходы, инфляцию, теневой сектор экономики (для неуплаты налогов) [2]. Для преодоления этих негативных тенденций необходимо развитие производственной базы республик Северо-Кавказского федерального округа и создание новых рабочих мест.

В первые месяцы 2022 года увеличилась зависимость бюджетов республики СКФО от безвозмездных поступлений из других бюджетов бюджетной системы РФ¹².

¹⁰ Информационное общество. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity>

¹¹ Информационное общество. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity>

¹² Данные об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на 1 марта 2022 года // Министерство финансов России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/operational/analysis?id_57=135946-dannye_ob_ispolnenii_konsolidirovannykh_byudzhetrov_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_marta_2022_goda_v_sootvetstvii_s_rasporyazheniem_pravitelstva_rf_ot_15.06.2009__806-r

Таблица 2

Данные исполнения консолидированных бюджетов субъектов СКФО, 1 марта 2022, млн руб.

Территория	Итого доходов	Налоговые и неналоговые доходы	Безвозмездные поступления	Доля зависимости от федеральных средств, %
СКФО	85 714,9	27 177,2	59 728,4	69
Республика Дагестан	25 216,8	5 065,4	20 767,6	82
Республика Ингушетия	4 641,8	732,4	4 591,0	98
Кабардино-Балкарская Республика	7 305,0	2 190,0	5 060,9	69
Карачаево-Черкесская Республика	4 074,6	1 183,8	2 889,5	71
Республика Северная Осетия	5 170,9	2 187,5	2 989,7	73
Чеченская Республика	16 445,4	2 480,8	13 965,9	84
Ставропольский край	22 860,5	13 336,2	9 396,8	41

Источник: Министерство финансов России.

Сложилась ситуация, когда регионы, в большей степени зависимые от федерального бюджета и менее вовлеченные в международное разделение труда, подвергаются меньшему риску от санкций. Тем не менее, постепенная адаптация экономики к внешним вызовам требует пристального внимания органов власти. Принципиально важные решения были предприняты в сфере налоговой политики в отношении предприятий малого и среднего бизнеса. Согласно Федеральному закону №67 от 26 марта 2022 года были снижены: размер налоговой пени для организаций, ставка НДС для туристического и гостиничного бизнеса до 0%, ставка налога на прибыль для IT компаний до 0%, объявлены налоговые каникулы и предусмотрены льготные кредиты для субъектов МСП¹³.

В мае 2022 года председателем Правительства РФ было принято решение о выделении 1,1 млрд. рублей на докапитализацию МСП Банка в целях предоставления субъектам малого и среднего предпринимательства в СКФО кредитно-гарантийной

поддержки. Эта мера позволит обеспечить в 2022-2025 гг. объем финансовой поддержки в размере не менее 13,9 млрд. рублей, при этом не менее 750 предпринимателей получат поддержку¹⁴.

Кроме того, с 1 июня 2022 года по поручению Президента РФ увеличился размер помощи индивидуальным предпринимателям по социальным контрактам с 250 тыс. рублей до 350 тыс. рублей, а для граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, – со 100 тыс. рублей до 200 тыс. рублей. Для этих целей Правительство России выделило дополнительные 8,8 млн. рублей Республике Дагестан на расходы по социальным контрактам¹⁵.

Значительное внимание уделяется проблеме снижения уровня безработицы. Например, Ингушетия получила 83 млн. рублей на реализацию мероприятий по снижению напряженности на рынке труда. Так, численность безработных жителей Ингушетии, зарегистрированных в службе занятости, снизилась на 25,3% – с 48 тысяч человек до 36 тысяч. В середине 2022 года уровень

¹³ Федеральный закон "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" от 26.03.2022 N 67-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412692/

¹⁴ В СКФО более 700 предпринимателей получают льготные кредиты благодаря господдержке. // 15-й регион: Информационный портал PCO-Алания. 02.09.2022. URL: <https://region15.ru/v-skfo-bolee-700-predprinimatelej-poluchat-igotnye-kredity-blagodarya-gospodderzhke/>

¹⁵ Расулова С. Правительство России выделило 8,8 млн рублей Дагестану на расходы по соцконтрактам. // РИА-Дагестан. 16.09.2022. URL: https://riadagestan.ru/news/politics/pravitelstvo_rossii_vydilo_8_8 mln_rubley_dagestanu_na_raskhody_po_sotskontrakтам/

регистралированной безработицы в регионе составлял 13,8%, в то время как в 2021 году доля безработного взрослого населения доходила почти до 19%¹⁶.

В течение длительного периода огромной проблемой для сферы образования Ингушетии и Дагестана были перегруженные школы. В связи с высокой рождаемостью и низкими темпами развития социальной инфраструктуры некоторые школы работали в три смены. Для разрешения этой ситуации в Республике Ингушетия в первом полугодии 2022 года открылось несколько новых школ. Более 1500 новых учебных мест создано в Назрани. Две школы открылись в Сунже, каждая на 720 учебных мест, на их строительство было выделено чуть более 1 млрд рублей по национальному проекту «Образование»¹⁷. В течение года в Ингушетии планируется открытие еще девяти детских садов¹⁸.

Самое пристальное внимание уделяется поддержке семей с детьми. В связи с индексацией прожиточного минимума на 10% с 1 июня 2022 года, в Чечне увеличилось количество семей, нуждающихся в такой помощи, поэтому в республику будет направлено 3,2 млрд рублей на выплаты семьям с детьми¹⁹. В октябре 2022 года свыше 24 тысяч семей Грозного получили помощь в виде продуктовых наборов от Фонда им. Героя России А.А. Кадырова²⁰.

После объявления 21 сентября 2022 года частичной мобилизации, многие регионы России взяли на себя обязательство оказания дополнительной единовременной материальной помощи семьям мобилизованных и

добровольцев. Так, в Дагестане размер такой помощи составляет 100 тысяч рублей, кроме того, дети мобилизованных могут обучаться в Дагестанском государственном университете народного хозяйства по специальной квоте²¹. Власти Республики Ингушетия единовременно выплачивают семьям мобилизованных жителей республики по 100 тысяч рублей, а также выделяют земельные участки под индивидуальное жилищное строительство²². Семьям мобилизованных граждан в Кабардино-Балкарской Республике выплатили по 50 тыс. рублей из внебюджетных источников на компенсацию расходов на обмундирование при выезде в пункты подготовки. Также правительством республики предусмотрена ежемесячная выплата по 25 тыс. рублей из бюджетных средств каждому мобилизованному из КБР для поддержки семьи²³. В свою очередь, власти Республики Северная Осетия-Алания приняли решение об единовременной выплате семьям мобилизованных в 30 тыс. рублей из средств регионального бюджета²⁴. Подобные меры социальной поддержки семьям мобилизованных предусмотрели все субъекты РФ. Однако размер региональных выплат зависит от объемов бюджета каждого региона, а значит численности и прибыли работающих в регионе предприятий.

Заключение

Анализ данных исполнения консолидированного бюджета в 2019-2022 годах продемонстрировал, что региональный бюджет-

¹⁶ Ларина А. Ингушетия получила 83 миллиона рублей на снижение безработицы. // *Российская газета*. URL: 04.04.2022. <https://rg.ru/2022/04/04/reg-skfo/ingushetiia-poluchila-83-milliona-rublej-na-snizhenie-bezraboticy.html>

¹⁷ Онегина Е. В ингушском городе Сунжа откроются две просторные новые школы. // *Российская газета*. 16.08.2022. URL: <https://rg.ru/2022/08/16/reg-skfo/v-ingushskom-gorode-sunzha-otkroiutsia-dve-prostornye-novye-shkoly.html>

¹⁸ Ларина А. В Ингушетии откроется около 30 новых школ и детских садов. // *Российская газета*. 04.04.2022. URL: <https://rg.ru/2022/04/04/reg-skfo/v-ingushetii-otkroetsia-okolo-30-novyh-shkol-i-detskih-sadov.html>

¹⁹ Чеченская Республика получит более трёх млрд рублей на выплаты семьям с детьми. // *Чечня сегодня*. 13.10.2022. URL: <https://chechnyatoday.com/news/359372>

²⁰ Свыше 24 тысяч семей Грозного получили помощь от Фонда им. Кадырова. // *Чечня сегодня*. 11.10.2022. URL: <https://chechnyatoday.com/news/359301>

²¹ Семьи мобилизованных из Дагестана смогут получить поддержку от региона через Госуслуги. // ТАСС. 09.11.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16284573>

²² Власти Ингушетии расширили меры поддержки семей мобилизованных. // РИА Новости. 02.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221102/mobilizovannye-1828616481.html>

²³ Семьи мобилизованных в КБР получили по 50 тыс. рублей из внебюджетных источников. // ТАСС. 19.10.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16099989>

²⁴ Семьям мобилизованных из Северной Осетии выплатят по 30 тыс. рублей. // REGNUM. 17.10.2022. URL: <https://regnum.ru/news/society/3725978.html>

ный процесс практически не связан с теми внешними вызовами, с которыми столкнулась страна за последние три года. Более того, доходы бюджетов субъектов в исследуемый период даже подросли за счет налога на прибыль организаций, который в 2021 году увеличился почти в два раза по сравнению с 2020 годом. Данная тенденция связана с постепенным увеличением собственной налоговой базы за счет роста числа предприятий малого и среднего бизнеса после застоя в период активной борьбы с COVID-19.

Пандемия укрепила роль цифровой трансформации государства как в традиционном предоставлении цифровых услуг, так и в инновационных способах управления кризисом. За три года доля жителей СКФО, получающих государственные услуги в электронной форме, выросла на 12%.

Внешние вызовы, связанные с санкционным давлением после начала Специальной военной операции на Украине, во многом зависят от вовлеченности каждого конкретного региона России в международные экономические отношения. По сути, регионы, в большей степени зависящие от федерального бюджета и менее вовлеченные в между-

народное разделение труда, такие как республики СКФО, подвергаются меньшему риску от санкций. Тем не менее, адаптация экономики к внешним вызовам требует значительного внимания государства. Правительство РФ уже приняло решение о дополнительной финансовой поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства в СКФО, а также выделило дополнительные средства на расходы по социальным контрактам. Среди сфер постоянного внимания федеральных и региональных органов власти в республиках СКФО: снижение уровня безработицы, строительство новых школ, поддержка семей с детьми. После начала частичной мобилизации 21 сентября 2022 года власти республик СКФО также предусмотрели возможность оказания дополнительной единовременной финансовой помощи семьям мобилизованных из региональных бюджетов. Размеры такой помощи зависят от возможностей бюджета конкретного субъекта, что снова ставит вопрос о необходимости разработки мер, направленных на увеличение доходной части бюджетов республик СКФО и повышения их самостоятельности.

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук, проект № КМУ-12/03 «Этнополитические и бюджетные аспекты развития российского федерализма (2014-2022 гг.)»

Литература:

1. Аветисян А.А. Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз. 2011. № 1 (13). С. 15-131.
2. Габараева М.Р. Экономика субъектов СКФО в постсанкционный период (на основе контент-анализа Интернет-медиа) // Управленческий учет. 2022. №12-3. С. 654-659.
3. Гусов М.А., Каллагов Б.Р. Актуальные вопросы развития малого предпринимательства в регионах СКФО // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12. № 10А. С. 261-269.
4. Идрисов Ш.А., Сомоев Р.Г. Бюджетный федерализм: зарубежные и российские модели // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). URL: <https://eee-region.ru/article/4841/> (дата обращения: 29.10.2022)
5. Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А. Бюджетный федерализм в России: быть или не быть? // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 143-160.
6. Машенко Е.С. Налоговый федерализм как базис социально-экономического развития страны // Мир науки и образования. 2016. № 1 (5). С. 1-15.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. М., 2021.
8. Стародубровская И.В., Казенин К.И., Ситкевич Д.А. Северный Кавказ: выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 112-137.
9. Харитонов И.К. Конституционные принципы разграничения бюджетных полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в системе бюджетного федерализма // Юрист-Правовед. 2012. № 1. С. 99-104.

10. Feld L.P., Schneider F. State and local taxation // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Ed. by N.J. Smelser and P.B. Baltes. 2001. Vol. 22. Oxford: Elsevier. P. 14955-14961.
11. Inman R.P., Rubinfeld D.L. Rethinking Federalism // Journal of Economic Perspectives. 1997. № 11 (4). P. 43-64.
12. Oates W.E. Fiscal Federalism. New York, 1972.
13. Stigler G.J. The tenable range of functions of local government // Federal Expenditure Policy for Economic Growth and Stability. Washington, 1957. P. 213-219.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF THE NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT IN THE CONDITIONS OF EXTERNAL CHALLENGES

Introduction. The article analyses the features of the socio-economic development of the republics of the North Caucasian Federal District in the conditions of external challenges that our country has been facing over the past three years, including the consequences of the COVID-19 pandemic, as well as external sanctions pressure in 2022. The relevance of the study is due to the constant dependence of the budgets of the republics of the North Caucasian Federal District on revenues from the federal budget, tension in the labor market, and the need to improve the mechanisms of regional governance.

Materials and methods. The concept of economic (budgetary federalism) developed by J. Stigler, W. Oates, L. Feld and F. Schneider serves as the theoretical and methodological basis of the study. Foreign theories of economic federalism offer two models of the budget process – decentralized and centralized. The Russian model of budgetary federalism, functioning as a centralized unitary state, was considered in the works of A. Avetisyan, I. Kharitonov, E. Mashchenko and many others. On the one hand, such a system makes it possible to accumulate federal budget funds for solving common problems. On the other hand, there are still regions with a strong economic dependence on gratuitous receipts from the budget of a higher level. This study is based on the analysis of socio-economic statistics and monitoring of regional media.

Results. The Republics of the North Caucasian Federal District continue to demonstrate a high subsidized dependence of their budgets on gratuitous receipts from the federal budget. At the same time, in the post-pandemic period, there has been a slight growth in own budget revenues due to an increase of small and medium-sized businesses. Unemployment remains a serious systemic problem. The digitalization and the development of e-government play an important role in the optimization of management processes. During the pandemic, the number of citizens of the North Caucasian Federal District receiving public services in electronic form increased

by 12%. The sanctions pressure after the start of the Special Military Operation in Ukraine did not have a significant impact on the economy of the republics of the North Caucasian Federal District due to their weak involvement in the international division of labor.

Discussion and conclusion. The serious dependence of the budgets of the republics of the North Caucasian Federal District on subsidies from the federal center, on the one hand, makes the socio-economic situation in the republics free from external challenges. On the other hand, the entire burden of economic support and financing of the necessary social measures falls on the federal government, in particular, smoothing out inflationary risks for small businesses and families with children. The difference in the possibilities of regional budgets was also manifested in the provision of one-time financial assistance to the families of the mobilized. This again raises the need to increase the revenue side of regional budgets, due to the growth in the number of taxpaying enterprises.

Tatiana N. Litvinova,
Doctor of Sciences (Political Science),
Department of Regional Governance
and National Politics, Odintsovo Campus
of MGIMO University, Russia

Olga A. Kochetkova,
Department of Regional Governance and
National Policy, Odintsovo Campus of MGIMO
University, Russia

Dmitry V. Kaverin,
Office of Functional Expertise of the
Department of Expert Support for Digital
Transformation, Federal State Budgetary
Institution «Center for Expertise and
Coordination of Informatization», Ministry of
Digital Development, Communications and
Mass Media of the Russian Federation

Ключевые слова:

Северо-Кавказский федеральный округ,
бюджетный федерализм, социально-
экономическое развитие, внешние вызовы

Keywords:

North Caucasian Federal District, budgetary
federalism, social and economic development,
external challenges

References:

1. Avetisyan, A.A. 2011. Byudzhетnyy federalizm i mezhbyudzhетnyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii [Budgetary federalism and interbudgetary relations in the Russian Federation]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. No. 1 (13). P. 15-131.
2. Gabarayeva, M.R. 2022. Ekonomika subektov SKFO v postsanktsionnyy period (na osnove kontent-analiza Internet-media) [The Economy of the North Caucasian District in the Postsanction Period (Based on Content Analysis Online Media)]. *Management Accounting* [Upravlencheskiy uchët]. No. 12-3. P. 654-659.
3. Gusov, M.A., Kallagov, B.R. 2022. Aktual'nye voprosy razvitiya malogo predprinimatel'stva v regionakh SKFO [Topical issues of small business development in the regions of the North Caucasus Federal District]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]. No. 12 (10A). P. 261-269. (In Russian)
4. Idrisov, Sh.A., Somoiev, R.G. 2016. Byudzhетnyy federalizm: zarubezhnyye i rossiyskaya modeli [Budget federalism: foreign and Russian models]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal]. No. 4 (48). URL: <https://eee-region.ru/article/4841>
5. Lavrovsky, B.L., Goryushkina, E.A. 2021. Byudzhетnyy federalizm v Rossii: byt' ili ne byt'? [Fiscal federalism in Russia: To be or not to be?]. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. P. 143-160.
6. Mashchenko, E.S. 2016. Nalogovyy federalizm kak bazis sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany [Tax federalism as a basis for the socio-economic development of the country]. *Mir nauki i obrazovaniya* [World of science and education]. No. 1 (5). P. 1-15.
7. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. 2021. Moscow.
8. Starodubrovskaya, I.V., Kazenin, K.I., Sitkevich, D.A. 2021. Severnyy Kavkaz: vybor strategicheskikh orientirov [Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks]. *Ekonomicheskaya Politika* [Economic policy]. Vol. 16. No. 3. P. 112-137.
9. Kharitonov, I.K. 2012. Konstitutsionnyye printsipy razgranicheniya byudzhетnykh polnomochiy mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i yeye sub'yektami v sisteme byudzhетnogo federalizma [Constitutional principles of delimitation of budgetary powers between the Russian Federation and its subjects in the system of budgetary federalism]. *Jurist-Pravoved* [Lawyer]. No. 1. P. 99-104.
10. Feld, L.P., Schneider, F. 2001. State and local taxation. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by N.J. Smelser and P.B. Baltes. Vol. 22. Oxford: Elsevier. P. 14955-14961.
11. Inman, R.P., Rubinfeld, D. L. 1997. Rethinking Federalism. *Journal of Economic Perspectives*. No. 11(4). P. 43-64.
12. Oates, W. E. 1972. Fiscal Federalism. New York.
13. Stigler, G. J. 1957. The tenable range of functions of local government. *Federal Expenditure Policy for Economic Growth and Stability*. Washington. P. 213-219.

The article was prepared within the framework of the MGIMO grant for the performance of scientific work by young researchers under the guidance of doctors or candidates of sciences, project No. KMU-12/03 "Ethno-political and budgetary aspects of the development of Russian federalism (2014-2022)"

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лариса Пичкова*
Екатерина Караваева**
Марина Кулемякова***

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-66-73

***Введение.** В статье анализируется значение цифровизации в процессе изучения иностранного языка в контексте парадигмы непрерывного образования. Авторы отмечают необходимость создания единого образовательного пространства, основанного на выстраивании эффективной образовательной траектории,*

использовании форм электронного обучения и применении дистанционных образовательных технологий. Высокая степень актуальности непрерывного образования связана со стремительным процессом обновления информации и знаний, а также усилением конкуренции на рынке труда и растущими требованиями к владению современными профессиональными компетенциями.

Подчеркивается, что отдельные технологии в обучении эффективны только в том случае, если они применяются в рамках определенной модели обучения, разработанной с учетом конкретных задач, специфики обучаемых, их потребностей и условий обучения. Парадигма непрерывного образования и создание единой образовательной экосистемы в контексте изучения иностранного языка

* **Пичкова Лариса Сергеевна**, доцент кафедры английского языка № 2 МГИМО, доцент, почетный профессор МГИМО МИД России
e-mail: l.pichkova@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0003-3423-8810

** **Караваева Екатерина Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России
e-mail: ek.m.karavaeva@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-7743-1293

*** **Кулемякова Марина Владимировна**, старший преподаватель кафедры № 2 МГИМО МИД России
e-mail: ma.v.kulemekova@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0003-0706-0455

предполагает, что именно вузы с их научным и педагогическим потенциалом должны стать лидерами в разработке, применении и распространении образовательных технологий. Их достижения и опыт в этой сфере необходимо использовать на всех этапах обучения. Такие вузы располагают ресурсами и компетенциями для создания онлайн и дистанционных курсов, которые дают многим гражданам доступ к качественному дополнительному образованию. Авторы приходят к выводу, что для обеспечения права человека на непрерывное образование, в том числе изучение иностранного языка, необходимо своевременно реагировать на меняющиеся требования рынка труда, выстраивать индивидуализированную образовательную траекторию, использовать современные цифровые платформы и ресурсы.

Материалы и методы. Методологическую основу научной статьи составляют методы эмпирического и теоретического исследования в области цифровой лингводидактики. Существенное место в исследовании занимает анализ организации обучения иностранным языкам в условиях цифровой образовательной среды в контексте парадигмы непрерывного образования. Наряду с этим широко используются общенаучные и частнонаучные методы – диалектический, сравнительно-сопоставительный анализ, моделирование и другие.

Результаты исследования. Высокая степень актуальности создания цифровой образовательной среды и непрерывного образования связана, с одной стороны, со стремительным процессом обновления информации и знаний, что создает сильную мотивацию к их непрерывному усвоению, детализации и применению. С другой стороны, усиление конкуренции на рынке труда и растущие требования к владению современными профессиональными компетенциями, включая владение иностранным языком, также создают мощный стимул для непрерывного образования, которое может быть успешно реализовано в рамках цифровой образовательной среды.

Обсуждение и заключение. Исследование, проведенное в данной статье, позволяет сделать вывод, что создание цифровой образовательной среды с использованием новейших образовательных технологий создает благоприятные условия для непрерывного образования в течение всей жизни, в частности, в контексте изучения иностранного языка.

Введение

Современные социальные, экономические и технологические процессы коренным образом трансформируют представления о роли и приоритетных задачах системы образования. При этом на первое место в ряду этих преобразований выходит концепция непрерывного образования, которая в нынешних условиях не может быть реализована без применения новейших цифровых технологий.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» подразделяет образование как общее образование, профессиональное образование, дополнительное обра-

зование и профессиональное обучение, обеспечивающие возможность реализации права на образование в течение всей жизни или непрерывное образование¹. Только системный подход к формированию устойчивого стремления членов общества к постоянному приобретению знаний на всех этапах человеческой жизни может обеспечить достижение данной цели. Умение непрерывно учиться – ключевой навык человека будущего.

В этих условиях образование индивида в большой степени становится сферой его личной ответственности как при формальных формах обучения, так и неформальных. Академик П.И. Пидкасистый, формулируя этот принцип, писал, что «только те знания,

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>

к которым человек пришел самостоятельно, через собственный опыт, мысль и действие, становятся действительно прочными» [1]. Поэтому ключевым фактором в современной системе образования становится формирование познавательной самостоятельности. Основой этой системы становится самостоятельный поиск знаний, компетентность, высокая мотивация и стремление к совершенствованию знаний, индивидуальная творческая деятельность. Учебные заведения, в свою очередь, должны использовать все свои образовательные, исследовательские, материальные и технологические ресурсы для достижения этих целей. Прежде всего, речь идет о создании единого образовательного пространства (школа – вуз – дальнейшее обучение), основанного на выстраивании эффективной образовательной траектории, использовании форм электронного обучения и применении онлайн и дистанционных образовательных технологий, другими словами, создание современной цифровой образовательной среды.

Формирование цифровой образовательной среды рассматривается как стратегическая государственная задача для реализации Указа Президента «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»².

Подготовка компетентных кадров для цифровой экономики требует соответствующей модернизации системы образования на всех его этапах при широком внедрении цифровых инструментов в учебную деятельность. Интегрированная информационная среда дает возможность гражданам достигать индивидуальных образовательных целей в течение всей жизни – в любое время и в любом месте. Достижению этих целей будет содействовать широкое внедрение онлайн обучения, в том числе массовых открытых онлайн курсов – обучающих курсов с интегрированным участием и открытым доступом через Интернет. Большую роль на этом пути должны сыграть ведущие российские вузы, разрабатывающие и внедряющие современные технологии и лучшие практики онлайн обучения с опорой на их научный потенциал. Ярким примером может служить опыт МГИМО, где успешно

реализуется проект создания подобной образовательной среды.

Исследование

Особую актуальность данный подход приобретает применительно к изучению иностранных языков. Современные школьники и студенты являются представителями поколения, которое можно смело назвать «цифровым» (digital natives)³. Они родились и выросли в окружении современных технологий и привыкли получать информацию через цифровые каналы. Очевидно, это вызывает необходимость изменять технологии обучения и создавать новые формы взаимодействия преподавателей и студентов. Одним из трендов современного образования является все большая интеграция информационных компьютерных технологий (ИКТ) в образовательный процесс. Цифровизация образовательного пространства в вузе включает несколько форм взаимодействия преподавателя и учащегося: «дистанционное обучение (взаимодействие на расстоянии при помощи компьютера), онлайн-обучение (обучение при помощи компьютера с доступом к Интернету) и гибридное обучение (комбинирование традиционного обучения в аудитории и дистанционного обучения)» [2]. Все формы обучения призваны оптимизировать учебный процесс, повысить уровень вовлеченности учащихся и способствовать достижению необходимых образовательных результатов. Вузы обладают уникальным потенциалом для реализации этих задач, поскольку могут опираться на высокий уровень и компетентность профессорско-преподавательского состава в отношении информационных компьютерных технологий и в достаточной степени сформированные навыки самостоятельной работы у студентов.

Одной из основных целей обучения иностранному языку является формирование иноязычной коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов (языкового, речевого, социокультурного, компенсаторного, учебно-познавательного), необходимой для общения в социально-бытовой и профессиональной сферах. Поэтому

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы».

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Digital_Native

применение ИКТ в обучении иностранному языку направлено на развитие речевых умений (аудирования, чтения, говорения, письма), языковых навыков (грамматических, лексических, фонетических) и формирования социокультурной и межкультурной компетенций. Одной из задач внедрения информационных компьютерных технологий в процесс обучения иностранному языку является создание условий практического овладения языком для каждого учащегося. Применение цифровых технологий позволяет учащимся заниматься по индивидуальной учебной траектории, развивать навыки самоконтроля и реализовывать свой творческий потенциал. В свою очередь преподаватель имеет больше возможностей персонализировать учебный процесс, ориентируясь на способности, достижения или пробелы в знаниях у учащихся.

Опыт использования информационных компьютерных технологий в рамках обучающих оболочек позволяет выделить ряд преимуществ. Прежде всего, это возможность обеспечить индивидуализацию обучения и интенсификацию самостоятельной работы учащихся. Учащиеся могут выбрать свой образовательный маршрут и следовать ему в удобном для них темпе, а также в случае необходимости возвращаться к изучаемому материалу. С психологической точки зрения использование компьютерных технологий в учебном процессе помогает снять барьер и избавить учащихся от страха совершить ошибку. Систематическая работа с компьютерными заданиями формирует устойчивые самостоятельные навыки учащихся, что приводит к сокращению времени, отводимого преподавателем на выполнение тренировочных упражнений, и позволяет увеличить время, необходимое для выполнения творческой работы. Обучение иностранному языку с применением средств ИКТ позволяет отрабатывать и совершенствовать весь комплекс умений и навыков. При этом средства ИКТ могут быть использованы на всех этапах овладения этими умениями и навыками: закрепление материала, его повторение или контроль. Информационные компьютерные технологии также широко применимы в ходе обучения языку для специальных целей, в том числе языку профессионального общения.

Тем не менее отдельные технологии в обучении эффективны только в том случае, если они применяются «в рамках определенной модели обучения, разработанной с учетом конкретных задач, специфики обу-

чаемых, их потребностей и условий обучения» [3].

Важность такого подхода особенно четко проявляется, когда речь идет о модели непрерывного образования в течение всей жизни индивидуума. Концепция непрерывности образования реализуется не только в отношении собственно образования, индивидуализированного по срокам, темпам и направлениям, а не в меньшей степени она нацелена на развитие личности человека, его профессионального, культурного и социального потенциала. Именно такой подход создает условия для развития общества в целом, формирует систему современных общественных и производственных отношений.

Адаптация системы образования к задачам идеи непрерывного образования основывается на принципах научного прогнозирования, своевременной и гибкой перестройки учебных заведений и центров, открытого доступа к образовательным ресурсам и системной интеграции усилий всех участников образовательной деятельности.

Парадигма непрерывного образования и создание единой образовательной экосистемы в контексте изучения иностранного языка безусловно предполагает, что именно вузы с их научным и педагогическим потенциалом должны стать лидерами в разработке, применении и распространении новейших образовательных технологий, включая цифровые. Их достижения и опыт в этой сфере необходимо использовать на всех этапах обучения. В МГИМО подобная образовательная преемственность между школой и вузом реализуется через созданную экосистему школьных проектов, которая позволяет учащимся персонифицировать свою образовательную траекторию. Подобная комбинированная образовательная среда позволяет использовать опыт высококвалифицированных преподавателей вуза, обеспечивающий высокое качество образования не только с помощью традиционных методик преподавания иностранного языка, а прежде всего через специально разработанные электронные курсы изучения английского языка: дистанционные курсы, онлайн курсы и гибридные проекты в различных сочетаниях. Примером может служить ставший популярным дистанционный курс «Cross-border English» для довузовской подготовки по английскому языку, в котором сочетается большая доля самостоятельной работы учащихся с удаленными занятиями с преподавателями МГИМО. Универсальность таких

курсов заключается в том, что с их помощью изучать иностранный язык и совершенствовать свои знания могут не только школьники, но и взрослые. А уникальные онлайн курсы МГИМО по деловому английскому языку успешно используются для повышения профессиональной квалификации. В частности, онлайн курс «Commercial English» («Коммерческий английский»), позволяющий эффективно изучать деловой английский и приобретать навыки составления не только простейших писем, но и детальных условий внешнеторговых контрактов и различных сопроводительных документов. Помимо чисто языковых знаний обучающийся имеет возможность получить глубокие фоновые знания, навыки и умения, необходимые для ведения торговых операций с иностранными партнерами.

Еще одним примером может служить онлайн курс «Sum-It-Up», разработанный для формирования и развития полезных и нужных в настоящее время навыков аналитико-синтетической обработки экономической литературы как на английском, так и на русском языке: реферирование, аннотирование и реферативный перевод. Данный курс не имеет аналогов. Его уникальность состоит в том, что алгоритм действий, заложенный в его структуре, организации материала и заданиях, позволяет сформировать и развить крайне востребованные в современных условиях нарастающего объема экономической информации навыки и умения ее аналитико-синтетической обработки, а именно способность глубоко проникать в содержание исходного материала, создавать вторичный текст (реферат, аннотацию) на основе ключевых положений оригинала с использованием разнообразных приемов компрессии текста и реферативного перевода. Онлайн курс «Sum-It-Up» крайне полезен не только для студентов, магистрантов и аспирантов, но и для практикующих экономистов-международников, для всех работающих с экономической литературой на английском языке или желающих повышать свой образовательный уровень в рамках парадигмы непрерывного образования.

Данные онлайн курсы могут использоваться и в гибридном формате. Поскольку эти онлайн курсы разработаны преподавателями кафедры английского языка факультета Международных экономических отношений, учащиеся получают широкий доступ к опыту и профессионализму ведущих преподавателей делового английского МГИМО.

Послевузовский и дополнительный сегмент образования для взрослых стал основной составляющей реализации стратегии массового непрерывного образования. Цель такого обучения состоит в удовлетворении конкретных и индивидуализированных образовательных потребностей, приобретении профессионально значимых компетенций, повышении своей социальной роли и личностном росте, возможности смены профессии в соответствии с изменениями условий на рынке труда.

Образование взрослых как социально сформировавшихся личностей должно учитывать своеобразие их характерных черт, специфику их запросов и технологий обучения. К особенностям обучения взрослых можно отнести большую заинтересованность в самостоятельности и высокую степень мотивации к учебной деятельности как средству достижения конкретных целей. Г.С. Сухобская отмечает также стремление к безотлагательной реализации полученных знаний, умений, навыков [4]. Наличие у этой категории обучающихся как образовательного, так и трудового опыта обуславливает прагматический подход к выбору программ профессиональной подготовки или переподготовки. Помимо этого, данный фактор заставляет предъявлять высокие требования к уровню профессионализма преподавателей. Также взрослые делают большой акцент на организации обучения (как в отношении его временных рамок, так и его комфортности), поскольку им необходимо совмещать свою трудовую деятельность с образовательным процессом.

В современном стремительно меняющемся мире приобретенные профессиональные и общекультурные знания на стадии формального конечного обучения быстро устаревают. Выпускник учебного заведения часто оказывается неподготовленным к требованиям сегодняшнего рынка труда. Представитель Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов Г.П. Ильин называет такое положение дел «функциональной неграмотностью», т. е. неспособностью работника или гражданина эффективно выполнять свои профессиональные или социальные функции, несмотря на полученное образование, что стало следствием развития и смены технологий в производстве, структурных изменений в развитии экономики, миграции населения, изменения социально-культурного контекста [5]. Все это требует формирования и развития у каждого индивида устойчивых спо-

собностей управлять собственным учением, продолжать профессиональное и личностное развитие на протяжении всей жизни [6]. Поэтому возникает насущная необходимость в дополнительном обучении и переучивании в ходе трудовой и социальной деятельности, в так называемом неформальном образовании. Неформальное образование, в отличие от формального, не предусматривает получение формальных квалификаций и степеней, хотя может быть связано с получением определенных документов (свидетельство об окончании языковых курсов, свидетельство о повышении квалификации в рамках дополнительных образовательных программ). Неформальное образование может включать короткие программы, курсы, тренинги на любом этапе образования или профессиональной деятельности.

Важной составляющей непрерывного образования является непрерывное профессиональное образование, благодаря которому осуществляется постоянное (непрерывное) обновление профессионально значимых знаний и навыков. Оно имеет значительное сходство с дополнительным профессиональным образованием (ДПО) в том, что подразумевает регулярное повышение квалификации и профессиональную переподготовку, однако, предусматривая постоянство процесса профессионального обучения, не следует соотносить его с базовым образованием.

Вместе с тем, концепция непрерывного образования требует новых революционных преобразований в системе образования как таковой. Важнейшим элементом в подобной трансформации являются цифровые технологии, с помощью которых человек получает возможность оперативно и повсеместно обучаться. В настоящее время Министерство образования и науки России реализует приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»⁴. В рамках этого проекта будут созданы условия для системного повышения качества и расширения возможностей непрерывного образования за счет развития российского цифрового пространства, что может быть обеспечено широким использованием электронного обучения и применением дистанционных образовательных технологий.

Особенную актуальность приобретает такой подход в контексте изучения и совершенствования знаний иностранного языка уже в период осуществления профессиональной деятельности, т.к. в этом случае обучающийся играет главную роль в процессе своего обучения, стремясь к самореализации, самостоятельности и самоорганизации. Для него характерны такие качества, как желание освоить иностранный язык за определенный период времени, ответственный подход к процессу обучения, способность воспринимать сложную информацию, стремление добиться самых высоких результатов, четкое понимание целей учебной деятельности. Наличие профессионального опыта у обучающегося позволит корректировать параметры обучения иностранному языку, сделать акцент на более глубоком изучении тех аспектов, которые представляют наибольший интерес в рамках его профессиональной деятельности. Только передовые цифровые технологии способны обеспечить высокую интенсивность и эффективность изучения иностранного языка на этой стадии обучения. При этом следует отметить ряд преимуществ использования цифровых технологий в изучении иностранного языка в контексте непрерывного образования:

- обучение в индивидуальном режиме по удобному графику;
- самостоятельный выбор программ и курсов;
- мобильность;
- технологичность;
- возможность реализации творческого потенциала;
- эгалитарность образования.

Ведущие вузы должны стать «локомотивами» в движении к цифровой трансформации образования. Такие вузы располагают ресурсами и компетенциями для создания онлайн и дистанционных курсов, которые дают многим гражданам доступ к качественному дополнительному образованию. Онлайн курсы, разработанные в МГИМО – яркое тому подтверждение. Следует также отметить успешное использование в МГИМО цифровых технологий в рамках программ ДПО и профессиональной переподготовки преподавателей иностранного языка, поскольку современная цифровая образовательная среда требует от них постоянного

⁴ Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации/ <https://минобрнауки.рф/проекты/современная-цифровая-образовательная-среда>

совершенствования знаний, умений, навыков, необходимых для эффективного участия в процессе непрерывного образования.

Заключение

Таким образом, для обеспечения права человека на непрерывное образование, в том числе изучение иностранного языка, необходимо своевременно реагировать на

меняющиеся требования рынка труда, выстраивать индивидуализированную образовательную траекторию, использовать современные цифровые платформы и ресурсы. Все эти факторы создают условия для того, чтобы квалификация человека на протяжении его жизни соответствовала запросам экономики и общества, а система образования позволяла гражданам реализовывать свой потенциал.

Литература:

1. Пидкасистый П.И. Требования, предъявляемые к обучающимся в вузах // Педагогика. 2005. № 3. С. 47-52
2. Дерюгина И.В. Особенности дистанционного обучения английскому языку// Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 11. С. 42-46. DOI: 10.17803/23115998.2018.51.11.042-046.
3. Нужа И.В., Смирнова Н.В. ИКТ в обучении иностранному языку: от традиционного учебника к виртуальной обучающей среде. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/01/21/1305681531/text.pdf>
4. Сухобская Г.С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики. М., 2002.
5. Ильин Г.П. Образование после образования (от педагогической парадигмы к образовательной) // Новые знания. № 1. 2000. С. 6-20. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/11243934/>
6. Уваров А.Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. М., 2018.

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING IN THE CONTEXT OF LIFE-LONG LEARNING PARADIGM

Introduction. The article explores the importance of digitalization in foreign language studying within the concept of life-long learning. The authors underscore the need to create integrated educational space, based on building efficient educational tracks, embracing various forms of e-learning and applying distant educational technologies. The high degree of relevance of life-long learning is attributed to rapid updating of information and knowledge as well as rising competition on the labour market and increasing requirements for professional competence.

It is underlined that digital technologies can only be efficient once they are employed within a particular educational framework, designed to achieve specific goals and meet students' needs and requirements. The paradigm of life-long learning and creation of unitary educational space with regard to foreign language learning suggest that higher educational institutions, which possess the necessary scientific and teaching capacities, should take the leading role in designing, applying and spreading educational digital technologies. The accomplishments and experience of

universities and institutes in that sphere should be employed in all the stages of education. Such institutions enjoy sufficient resources and competencies to create online and distant learning courses, which provide access to high quality further education to various categories of students. The authors come to the conclusion that ensuring human right to life-long learning, including foreign language learning, requires timely meeting changing labour market requirements, building individual educational tracks, and applying modern digital technologies.

Materials and methods. The methodical approach of the research refers to the specified and known empirical and theoretical methods in digital linguodidactics. The analysis of mapping out foreign language learning in the framework of the digital educational system is extensively used in the article. Other general and specific research methods – dialectical, comparative, modeling, ect.-have also been applied in this study.

Results. The high degree of relevance of creating digital educational environment and life-long learn-

ing is attributed to rapid updating of information and knowledge, which stimulates motivation for their acquisition, specification and application. Moreover, rising competition on the labour market and increasing requirements for professional competence, including excellent command of a foreign language, create a powerful incentive for continuous learning, achieved within integrated digital educational system.

Discussion and conclusion. The research, that has been carried out in the article makes it possible to conclude that creation of the integrated digital educational environment based on modern learning techniques encourages life-long education, particularly in the context of foreign language learning.

Larisa S. Pichkova,
Associate Professor, MGIMO Honorary
Professor, English Language Department № 2,
MGIMO University, Russia

Ekaterina M. Karavaeva,
Associate Professor, PhD, English Language
Department № 2, MGIMO University,
Russia

Marina V. Kulemekova,
Senior Teacher, English Language
Department № 2, MGIMO University,
Russia

Ключевые слова:

непрерывное образование, единое образовательное пространство, изучение иностранного языка, информационные компьютерные технологии, цифровизация образовательного процесса

Keywords:

life-long learning, integrated educational environment, foreign language learning, information computer technologies, digitalization of educational process

References:

1. Podkasistiy P.I., 2005. Trebovaniia, predyavliaemyi k obuchaiushchimsia v vuzakh [Requirements to Students of Higher Educational Institutions]. *Pedagogika [Pedagogy]*. № 3. S. 47-52
2. Deriugina I.V., 2018. Osobennosti distantsionnogo obucheniia angliiskomu yazyku [Peculiarities of distant English learning]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGUA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. № 11. P. 42-46. DOI: 10.17803/23115998.2018.51.11.042-046.
3. Nuzsha I.V., Smirnova N.V. IKT v obuchenii inostannomu yazyku: ot traditsionnogo uchebnika k virtual'noi srede [Information Computer Technologies in Foreign Language Learning: from traditional textbook to virtual space]. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/01/21/1305681531/text.pdf>
4. Sukhobskaya G.S., 2002. Ponyatiye "zrelost' sotsial'no-psikhologicheskogo razvitiya cheloveka" v kontekste andragogiki [The concept of "maturity of the socio-psychological development of a person" in the context of andragogy]. Moscow.
5. Il'in G.P., 2000. Obrazovanie posle obrazovaniia (ot pedagogicheskoi paradigmy k obrazovatel'noi) [Education after Education: from pedagogical paradigm to educational paradigm]. *Novye znaniia [New Knowledge]*. № 1. P. 6-20. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/11243934/>
6. Uvarov A.U., 2018. Obrazovanie v mire zifrovyykh tekhnologiy na puti k zifrovoy transformatsii [Education in the digital world: on the way to digital transformation]. Moscow.

НОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДЛЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Ирина Шепелева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-74-80

Введение. Статья освещает проблемы, возникающие в сфере высшего образования в связи с внедрением цифровых технологий в практику обучения. В настоящее время в образовательной среде постоянно и повсеместно используются такие понятия, как «информационное пространство», «информационное общество», «цифровизация». Посредством этих терминов описывается современный этап развития общества, его технологическое состояние, пути его дальнейшего эволюционирования, а также сознание и мироощущение современного индивида. Цифровизация образовательного процесса, как передовой эффективный инструмент, предоставляет преподавателю новые средства повышения качества обучения за счет визуализации и актуализации изучаемого материала, выбора дополнительных ресурсов, а также стимуляции студента к самообразованию.

Материалы и методы. В ходе написания данной статьи применялись методы научного исследования: анализ, синтез, абстрагирование и философское обобщение, а также индукция и тестирование. При анализе основных направлений применения цифровых методов в образовании дается характеристика новой реальности работы высшей школы, выделяются достоинства и недостатки становления цифровой образовательной среды.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу о том, что повсеместное внедрение цифровых методов приводит к общей трансформации не только производственной и деловой жизни общества, но и существенным изменениям в «картине мира» новых поколений, а также их подходах к получению информации, ее анализу и оценке, а также к коммуникативным вызовам.

Обсуждение и заключение. В работе делается заключение о том, что цифровое обучение, при всех его неоспоримых достоинствах и широких возможностях, не может считаться равноценной заменой традиционным формам образования ввиду во многом ограниченной коммуникации между преподавателем и учениками. Другими серьезными вызовами современного цифрового общества в плане образовательного процесса являются кардинальные изменения в мыш-

* Шепелева Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России
e-mail: irene-shepeleva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-8418-8316

лении молодых людей вследствие отличия их повседневного жизненного опыта от опыта предыдущих «доцифровых» поколений. Таким образом, оптимальным решением проблемы адаптации высшей школы к новым реалиям является эффективное сочетание новейших ресурсов и методик с традиционным подходом к процессу формирования новой личности XXI века.

Введение

Любой зрелый индивидуум является полноправным членом определенного исторически сложившегося и детерминированного социума. Распространение информационных технологий, преобразуя повседневную жизнь человека, меняет и его повседневный жизненный опыт, формирующий саму личность. Образование является важнейшим формирующим обществом процессом, который должен гибко отражать все глобальные изменения и трансформации, происходящие в мире, и в то же время обеспечивать сохранение и преемственность базовых социальных ценностей и национальной идеологии, способствовать расширению кругозора учащегося путем стимулирования его профессионального и культурного роста. Суть данного процесса остается неизменной. Он должен рассматриваться как философско-мировоззренческая категория. Посредством образования обществом закладывается культурный код нации.

Однако на этом пути педагогика сталкивается с немалыми проблемами, требующими всестороннего анализа. Ментальность молодежи в цифровом обществе жестко детерминирована социальными сетями, в которых они являются активными пользователями. В целом этот вид коммуникации очень сильно влияет на формирование, а в отдельных случаях и определяет современную картину мира молодого человека. Согласно Большой Российской Энциклопедии, картина мира, образ мира или модель мира представляет собой систему представлений о реальности и синтезирует представления человека о природе, духовном мире, обществе и самом себе и предопределяет восприятие и оценку отдельных явлений, ценностные и поведенческие установки. Следует учитывать этот важнейший фактор в процессе составления программ обучения студентов, чтобы стимулировать интерес к изучаемому предмету, раскрыть перспективы личностного роста при помощи освоения новых приемов и методов в педагогической деятельности.

Для современной педагогики высшей школы основными приоритетами являются следующие: опережающее и непрерывное и в то же время преемственное образование, диверсификация и вариативность подачи материала, научность, включение передовой методологии, технологичность и компьютеризация педагогического процесса, гуманизация (индивидуальный подход и уважение к личности студента), диалогичность (т.е. развитие коммуникативных навыков, представленных в форме диалога), формирование экологического сознания молодого поколения, рефлексивность (способность анализировать самого себя, свои реакции на действия других и выявлять мотивы своего поведения), а также цикличность и многоступенчатость.

Историю изменения представлений человека о пространстве и окружающем мире можно подразделить на несколько периодов: архаическое общество, античность, средневековье, возрождение, просвещение, модерн и постмодерн. В настоящее время мы переживаем период постмодерна, характеризующийся появлением концепции информационного общества, то есть такой стадии развития общества, когда использование информационно-коммуникационных технологий оказывает определяющее влияние на основные социальные институты и сферы жизни: экономику и деловую сферу, государственное управление, образование, социальное обслуживание и медицину, культуру и искусство. Проблемы, связанные с преобразованием педагогической деятельности под влиянием новых цифровых технологий, являются особо значимыми, но также и сложными для общества ввиду необходимости изменения традиционных методик подачи материала и коммуникативных приемов, в то же время сохраняя все ценное наследие прошлого и развивая основные профессиональные и общегуманитарные компетенции, для воспитания гармоничной личности.

Исследование

Сутью цифровой трансформации образовательного процесса является сверхзадача эффективного и гибкого применения новейших технологий для перехода к персонализированному и ориентированному на максимальный конечный результат взаимодействию с обучающимся путем раскрытия его творческого потенциала.

Еще одним важным достижением внедрения цифровых технологий является создание инклюзивной образовательной среды и широкий охват потенциальных учащихся путем развития дистанционных курсов и программ обучения. Основными препятствиями на этом пути являются нехватка необходимого оборудования в отдаленных регионах и проблемы с постоянным доступом в Интернет. Тем не менее очевидно, что применение методов дистанционного обучения будет расширяться в дальнейшем. Еще одна проблема заключается в том, что переход к активному и эффективному онлайн-обучению потребует большого количества времени и материальных ресурсов, а быстрый и неподготовленный переход может значительно снизить качество обучения.

Коммуникация во все исторические периоды являлась основным средством, посредством которого модифицировалось в определенном русле поведение людей, осуществлялись радикальные изменения и реализовывались поставленные цели. Современное цифровое общество обладает глобальным информационным пространством, которое способно быть максимально индивидуализированным (любой пользователь имеет неограниченный доступ к нему в своем смартфоне). В настоящее время большая часть данных, необходимых человеку для жизни и работы, хранится в цифровом виде. Такие данные и образуют личное информационное пространство. Главным дефицитом современной эпохи становится внимание пользователя, а для пользователя-получения ярких эмоций в результате использования цифровых технологий.

Развитие и совершенствование цифровых гаджетов способствует возникновению такого негативного явления, как «цифровая зависимость» пользователей. В образовательном процессе у молодых людей зачастую возникает иллюзия главенства и самозначимости получаемой через цифровые носители информации, которая воспринимается как фактическая, без обдумывания и критического анализа. Более того,

существует мнение о том, что по мере совершенствования цифровых технологий роль преподавателя, как носителя информации и организатора процесса обучения, будет неуклонно снижаться до тех пор, пока не достигнет абсолютного минимума и исчезнет вместе с профессией. Подобный подход является полностью ошибочным, ибо при этом теряется из виду основная цель образования, как основообразующей национальной ценности и гиперболизируется роль информации, правдивость которой зачастую сомнительна. Наряду с этим, принижается коммуникативный аспект учебной деятельности, что также является неверным. Обратным эффектом беспрепятственного доступа к гигантским объемам информации может считаться массовое развитие цифрового аутизма.

Коммуникация в современном обществе представляет собой огромную силу, способную радикальным образом изменить окружающий мир. Новейший философский словарь определяет коммуникативный процесс, как наиболее эффективный способ взаимодействия индивидуумов. «Коммуникация – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента» [3. С. 322]. Целью коммуникации в образовательном процессе является не столько передача информации от преподавателя студенту для увеличения его багажа знаний, сколько передача умений, навыков, ценностных установок, функций, опыта деятельности и компетенций, а также оказание влияния на его личностные установки и мировоззрение в целом. Коммуникация является также двунаправленным процессом: при очной коммуникации все участники являются отправителями и получателями информации не последовательно, а одновременно, и в этом коммуникативном процессе содержится помимо настоящего (конкретной ситуации общения), непременно и прошлое (пережитый опыт), а также проецируется будущее (принятие общих решений). Развитие коммуникативности и социальной активности студента путем его активного вовлечения в различные обсуждения, конференции и диспуты также являются приоритетными задачами образовательного процесса.

Австрийский и американский экономист Фриц Махлуп еще в начале 60-х годов прошлого века утверждал, что информация может рассматриваться как своего рода промышленный продукт и производство ее – один из видов промышленной индустрии.

Политики и бизнес стали активно пропагандировать идеи об определяющем значении информации и активно использовать этот фактор в конкурентной борьбе на мировой арене. В современном мире господствует представление: если создан новый продукт или произошло определенное событие, но они не получили отражения в информационном пространстве и не стали объектом коммуникации, то это элиминирует их образ в общественном сознании. Это явление создает в цифровом пространстве неограниченную возможность управления информационными потоками и, соответственно, манипулирования общественным мнением. В век информационных технологий восприятие реальности людьми зависит от того, под каким углом зрения они ее получают. В своей книге «Производство и распространение знаний в США» Махлуп предлагает классифицировать знания по пяти типам:

1. «практические знания, которые пригодны для использования в работе;
2. интеллектуальные знания, удовлетворяющие интеллектуальную любознательность человека и считающиеся частью общей культуры;
3. бесполезные и развлекательные знания, вызванные к жизни желанием получить легкое развлечение;
4. духовные знания, имеющие отношение к религиозному пониманию Бога;
5. нежелательные знания, находящиеся вне сферы интересов человека, обычно приобретенные случайно и сохраняющиеся бесцельно». [1. С. 236-237].

Из этой классификации следует вывод о том, что основной задачей высшего образования является такое развитие аналитических способностей учащихся, которое позволит им безошибочно выделять из общей массы информации знания первых двух типов и культивировать это умение на всех этапах обучения. Коммуникация, полностью перенесенная в цифровое пространство, является виртуальной активностью и имеет определенные функциональные ограничения: она сокращается из-за отсутствия такого определяющего ее смысл элемента, как непосредственный живой диалог. Дистанционное обучение не дает возможности воспринимать и моментально реагировать на проявления вербального и невербального общения. У участников подобного вида коммуникации активно используется лишь навык монологического высказывания в рамках отсроченного по времени дискурса.

Идея о том, что пространство, включая информационное, является абсолютно плоским, возникло у постмодернистов и воплотилась в структуре сети Интернет. Однако, говоря о «плоском» пространстве Интернета, мы имеем в виду не его реальный, а скорее идеальный концепт. Формально можно обнаружить определенную иерархию интернет-потоков, перетекающих от более крупных узлов к более мелким. Тем не менее, разработчики и теоретики интернет-пространства исходят из постулата, что оно должно быть абсолютно плоским, горизонтальным или стремиться к этому состоянию. В основу идеи Интернета они положили принцип равноправия пользователей и равного доступа к информации, в какой бы части сети Интернет они ни находились. Эта идея сегодня определяет логику развития информационного пространства.

Второе свойство информационного пространства, включая интернет-среду – это его вертикальность. Притом, что информация становится все более доступной, в геометрической прогрессии возрастает ее количество и скорость передачи, появляется настоятельная потребность в ее структурировании. Огромную роль в этом процессе играют рейтинги, известность и авторитетность источников. С помощью этих параметров информация выстраивается в определенной иерархии. Эта система оценок становится одним из главных инструментов по управлению информационным пространством. Кроме того, неоднородность информации и субъективность ее подачи являются причинами, разъединяющими пользователей и коммуникантов в интернет-пространстве. При всей декларируемой демократичности информационного пространства и доступности для всех членов информационного общества существует ряд объективных факторов, которые в значительной степени ограничивают коммуникативные возможности в интернет-пространстве. Следовательно, речь идет о «неравенстве» цифрового сообщества, преодоление которого – актуальный вопрос нашего дня.

Прежде всего, это языковой фактор. Владение языками определяет круг и объем информации, доступный конкретному пользователю. Даже при наличии систем автоматического перевода интернет-сайтов, таких как Гугл-переводчик, иностранный язык является серьезным барьером в интернет-пространстве. Зачастую учащийся старается найти аналогичную информацию на родном языке. Язык и смысл перевода

не могут абсолютно соответствовать оригиналу и, следовательно, возникает определенное искажение, чреватое последствиями для коммуникативного процесса. Языковые границы четко разделяют информационное пространство. Они же определяют степень общения в цифровом обществе точно так же, как и в предыдущих исторических формах.

Следующими важными факторами являются возраст, пол, национальность, религия, профессиональные и личные интересы пользователя. Эти и другие индивидуальные характеристики определяют выбор информационных ресурсов, к которым он обращается. Образовательный уровень учащегося определяет не только выбор ресурсов, но и глубину их восприятия. Фактор наличия свободного времени становится одним из наиболее важных разделительных барьеров коммуникации и получения информации. Постоянная занятость и перегруженность внешней информацией сужает личное интеллектуальное пространство пользователя и негативным образом влияет на развитие аналитических и коммуникативных навыков. Ситуацию усугубляет падение как качества доступной человеку информации, так и его способности воспринимать её. Доля оригинального текстового контекста в Интернете упала с 75-80% в 2000 году до 30-35% в 2010, а в 2017 не превышала 5-7%. Уже сегодня большое количество учащихся просто не обладают необходимыми знаниями и познавательными навыками, чтобы воспринять, а тем более осмыслить сложный контент.

Результаты исследования

Постоянное расширение информационного пространства не всегда приводит к увеличению информированности и повышению эрудированности учащегося, а лишь может ответить на конкретный запрос по конкретной тематике. Информационное насыщение является лишь первой стадией рабочего процесса, за которой следует аналитическая переработка полученного материала, его глубокое и всестороннее осмысление, затем анализ и структурирование, в результате этой интеллектуальной работы студент переходит к собственным выводам и креативным построениям. Это, несомненно, длительный процесс, требующий сосредоточенности и целеустремленности, чему в значительной степени препятствует преобладающее среди молодежи «клиповое» мышление. Главные особенности клипово-

го мышления в том, что в нем доминирует визуальное восприятие, учащийся быстро обрабатывает данные, но при этом ему сложно воспринимать длительную линейную последовательность большого по объему текста – теряется интерес к проблеме. С другой стороны, традиционное понятийное мышление позволяет проанализировать ситуацию и сделать соответствующие выводы, но на это нужны дополнительные усилия и время, которые являются у молодежи особо ценным и энергозатратным ресурсом. Все это толкает молодых людей на поиск более легких, в ущерб качеству, путей решения задач. Этот новый тип мышления вступает в конфликт с текстовой культурой, составляющей основу традиционного процесса образования. Как отмечает Е. Ларина, «... у все большего числа пользователей, особенно молодежи, понятийно-логическое мышление уступает место образно-ассоциативному, или клиповому. Клиповое мышление подразумевает сосредоточенность на восприятии и переживании, а не на понимании и анализе. Исследователи установили, что клиповый тип мышления на порядок повышает внушаемость людей, их склонность к суггестии» [7. С. 28]. Фрагментарность восприятия информации ведет к невозможности её критического осмысления и сравнительного анализа. Учеными были выделены несколько причин возникновения этого явления: многократный рост информационного потока; необходимость быстро получать новости и актуальные данные; разнообразие и противоречивость доступных сведений; постоянная диверсификация форм подачи информации.

Заключение

Любое кардинальное изменение человеческой деятельности глубоко меняет личность человека, - в первую очередь, молодежи, формирующейся уже полностью в новых условиях. Непрерывное использование быстрых информационных технологий усиливают личные особенности учащихся пользователей, которые с помощью новейших медийных средств обрели возможность создания собственных картин мира. Тем не менее, построение личных картин мира для молодежи осложняется проходящими в настоящее время глобальными технологическими процессами. Новые поколения в процессе получения высшего образования сталкиваются с серьезными вызовами современного постиндустриального общества,

диктующего свои правила жизни и детерминирующего набор необходимых знаний и навыков для эффективной коммуникации и делового взаимодействия в новых условиях. Так, превалирующий в настоящее время среди молодежи клиповый тип мышления, скорее всего является не интеллектуальной деградацией, а адаптацией к новой реальности, включающей в себя постоянную информационную перегрузку.

Таким образом, наиболее эффективным подходом к решению насущных проблем в образовательной среде, по мнению автора, является осознание необратимости происходящих в обществе трансформаций и адаптация процесса обучения к новым реалиям. Следует донести до сознания молодого поколения понимание того, что главную ценность представляют не сами информацион-

ные пакеты, а связи между ними. Именно эти связи могут дать новую и ценную информацию о мироустройстве, сделать существенные выводы, принять самостоятельные решения. В то же время образовательный процесс должен сохранить наиболее ценное из традиционной базисной методологии при условии внедрения в нее в качестве ценнейшего ресурса новых методик и приемов, предоставляемых цифровыми информационными средствами. Прежде всего следует всесторонне развивать коммуникативные навыки и умения учащихся, которые являются ключевыми в сфере социального взаимодействия. При этом следует учитывать те постоянные и кардинальные изменения в сознании нового поколения, которые требуют тщательного осмысления и учета при разработке учебного процесса.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования // Academia. 1999.
2. Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность // Иностранные языки в школе. 2012. № 1.
3. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 1998.
4. Иванов В.Е. Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. 2000. № 2.
5. Кириллов В.Б. Языковая подготовка в МГИМО // Иностранные языки в школе. 2017. № 10.
6. Колесникова И.А. Культура непрерывного образования: к обоснованию понятия. // Непрерывное образование XXI век. 2014. Выпуск 1(5).
7. Ларина Е.А. Способность к саморазвитию: структура, динамика, условия формирования. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2014.
8. Молчанова Г.Г. Генерационная поликодовость коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2.
9. Петренко В.Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 2.
10. Розин В.М. Цифровизация в образовании Трудности и перспективы цифровой трансформации образования // Мир психологии. 2021.
11. Электронное обучение в традиционном университете. Новосибирск, 2010.
12. Icard S.B. Educational Technology Best Practices // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. 2014. Т. 11. № 3.

A NEW PERSONALITY FOR DIGITAL TECHNOLOGIES: NEW CHALLENGES IN HIGHER EDUCATION

Introduction. The article highlights the problems arising in the field of higher education in connection with the introduction of digital technologies in the practice of teaching. Currently, such concepts as information space, information society, digitalization

and the like are constant and ubiquitous in cultural and business environment. These terms describe the current stage of development of society, its technological state, the ways of its further evolution, as well as the consciousness and attitude of the modern indi-

vidual. Digitalization of the educational process as an advanced effective tool provides the teacher with new means of improving the quality of learning through visualization and updating of the studied material, a huge selection of additional resources, as well as encourages the student's desire for self-education.

Materials and methods. In the course of writing this article, the following methods of scientific research were used: analysis, synthesis, abstraction and philosophical generalization, as well as induction and testing. When analyzing the main directions of the use of digital methods in education, a characteristic of the new reality of higher school work is given, the advantages and disadvantages of the formation of a digital educational environment are highlighted.

Results of the study. The author comes to the conclusion that the widespread introduction of digital methods leads to a general transformation not only of the industrial and business environment, but also to significant changes in the worldview of new generations, as well as their approaches to obtaining information, its analysis and evaluation, as well as to communication challenges.

Discussion and conclusions. The paper concludes, that digital learning, with all its undeniable advantages and wide opportunities, cannot be considered an equivalent replacement for traditional forms of education due to largely limited communication between teachers and students. Other serious challenges of the modern digital society in terms of the educational process are cardinal changes in the thinking of young people due to the difference in their everyday life experience from the routines of previous "predigital" generations. Thus, the optimal solution to the problem of adapting higher education to new realities is an effective combination of the latest resources and techniques with a traditional approach to the process of forming a new personality of the 21st century.

Irina M. Shepeleva,
PhD in Philology, Associate Professor,
English Language Department № 2, MGIMO
University, Russia

Ключевые слова:

цифровизация, ресурс, мышление,
современное общество, студент,
образование, анализ, вызов, коммуникация

Keywords:

digitalization, resource, thinking, modern
society, student, education, analysis, challenge,
communication

References:

1. Bell D., 1999. Gryadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society. Experience of social forecasting]. *Akademia [Academy]*.
2. Gal'skova N.D., Tareva E.G. 2012. Cennosti sovremennogo mira globalizatsii i mezkul'turnoe obrazovanie kak cennost [Values of the modern world of globalization and intercultural education as a value]. *Inostranny'e yazy'ki v shkole [Foreign Languages at School]*. № 1.
3. Griczanov A.A., 1998. Novejsij filosofskij slovar'. Postmodernizm [The newest philosophical dictionary. Postmodernism].
4. Ivanov V.E., 2000. Internet v formirovanii dialogicheskogo prostranstva v sociokul'turnoj srede [The Internet in the formation of a dialogical space in a socio-cultural environment]. *Mir psixologii [The World of Psychology]*. № 2.
5. Kirillov V.B., 2017. Yazy'kovaya podgotovka v MGIMO [Language training at MGIMO]. *Inostranny'e yazy'ki v shkole [Foreign Languages at School]*. № 10.
6. Kolesnikova I.A., 2014. Kul'tura nepreryvnogo obrazovaniya: k obosnovaniyu ponyatiya [Culture of continuing education: to substantiate the concept]. *Nepreryvnoe obrazovanie XXI vek [Continuing Education XXI century]*. № 1(5).
7. Larina E.A., 2014. Sposobnost' k samorazvitiyu: struktura, dinamika, usloviya formirovaniya [The ability to self-development: structure, dynamics, conditions of formation]. *LAP LAMBERT Academic Publishing*.
8. Molchanova G.G., 2021. Generacionnaya polikodovost' kommunikativny'x modusov. Kakoj on, chelovek novogo pokoleniya [Generational polycode of communicative modes. What is he like, a man of a new generation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of Moscow University. Linguistics and Intercultural Communication]*. № 2.
9. Petrenko V.F., 2005. Psixosemanticheskie aspekty kartiny mira sub'ekta [Psychosemantic aspects of the subject's worldview]. *Psixologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. Vol. 2. № 2.
10. Rozin V.M., 2021. Cifrovizaciya v obrazovanii. Trudnosti i perspektivy cifrovoj transformacii obrazovaniya [Digitalization in education. Difficulties and prospects of digital transformation of education]. *Mir psixologii [The World of Psychology]*.
11. Elektronnoe obuchenie v tradicionnom universitete [E-learning at a traditional university]. Novosibirsk, 2010.
12. Icard S.B., 2014. Educational Technology Best Practices. *International Journal of Instructional Technology and Distance Learning*. Vol. 11. № 3.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Татьяна Исаева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-81-84

Рецензия на книгу: Лебедева М.М. Зиновьева Е.С. Технология международных переговоров в цифровую эпоху: учебник для вузов. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 250 с.

В последние годы растут роль и значение цифровой дипломатии в международных отношениях. Цифровые технологии меняют практику дипломатической деятельности во всем ее многообразии: от ведения переговоров и подготовки документов до осуществления представительских функций и продвижения образа страны за рубежом. Рецензируемый учебник систематизирует все актуальные тенденции и перспективы развития переговорной деятельности в условиях цифровой трансформации.

В XXI веке человечество перешло в эпоху постиндустриального общества – информационное общество. Современный мир уже невозможно себе представить без компьютеров и информационных технологий, они качественно изменили привычный уклад жизни человека, работу социальных институтов, органов государственного управления, способствуют оптимизации бизнес- и управленческих процессов.

Пандемия коронавируса ускорила цифровую трансформацию во всём мире, изменила отношение к технологиям и повлияла

на развитие цифровой экономики. Люди стали чаще использовать цифровые сервисы и прибегать к онлайн-услугам. Согласно данным глобального исследования креативного агентства We Are Social и сервиса для SMM Hootsuite «DIGITAL 2022: OCTOBER GLOBAL STATSHOT REPORT» по состоянию на октябрь 2022 года количество пользователей Интернет составило 5,07 млрд человек (63,5% от общего населения планеты), а активных пользователей социальных сетей – 4,74 млрд человек (59,3% от населения Земли), причем только за последний год (с октября 2021 по октябрь 2022) количество

* **Исаева Татьяна Вячеславовна**, помощник директора Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО МИД России
e-mail: tatiana-v-isaeva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2629-8277

пользователей Интернета увеличилось на 171 миллион человек, а пользователей социальных сетей – на 190 миллионов человек¹.

Глобальная цифровая трансформация коснулась и дипломатической работы в целом и значительно отразилась на ее неотъемлемой части – переговорной деятельности: изменила практику работы дипломатов, планирования стратегии, реализации протокольных мероприятий, предоставила новые средства анализа и использования больших данных для выработки и принятия решений, дипломатия перешла на открытый формат коммуникации с использованием новых передовых площадок для взаимодействия официальных властей любого уровня и их целевой аудитории, что явилось новым инструментом “мягкой силы” и формирования общественного мнения внутри государства и за рубежом.

Совершенно очевидно, что эволюция практики использования новых цифровых технологий требует от дипломатов освоения новых навыков и компетенций. Книга «Технология международных переговоров в цифровую эпоху: учебник для вузов» доктора политических наук М.М. Лебедевой и доктора политических наук Е.С. Зиновьевой, предназначенная для обучения переговорной деятельности, отвечает вызовам современности.

Научной новизной учебного пособия стало то, что в отличие от работ других исследователей, фокусировавших свое внимание на содержательных аспектах переговоров или процедурных вопросах, авторами сделан основной акцент на технологической (процессуальной) стороне международных переговоров, но при этом затрагиваются и другие аспекты.

Учебник состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен зарождению и становлению зарубежных и отечественных научных исследований процесса международных переговоров, практическим аспектам деятельности по ведению переговоров: условиям, необходимым для проведения переговоров, функциям переговоров, особенностям общения сторон, проблемам восприятия и отношений сторон на переговорах, влиянию существующих стереотипов. Авторы подробно исследуют коммуникативный аспект переговоров, отмечают факторы, влияющие на процесс и результат перегово-

ров, особенности переговорного процесса в зависимости от целей их проведения и текущего состояния взаимоотношений участников. При этом авторам удалось подчеркнуть нетривиальность, динамичность и вариативность переговорного процесса, возможность смены тональности: перехода от конфронтации к сотрудничеству и наоборот.

Изложение теоретического материала сопровождается яркими историческими примерами, иллюстрирующими влияние субъективных факторов на ход переговоров.

Во втором разделе авторы отмечают значимость процесса подготовки к ведению международных переговоров и существенные различия при подготовке к переговорам в условиях конфликта, кризиса и сотрудничества.

Акцент сделан на анализе процесса выработки переговорной позиции и стратегии ведения переговоров, способах увеличить силу переговорной позиции, чтобы более эффективно противостоять партнеру в условиях, когда возможности для реализации своей позиции у участников переговоров не равны.

В третьем разделе отражены особенности ведения переговоров на высоком и высшем уровне, а также многосторонних переговоров. Отдельная глава посвящена национальным и личностным стилям ведения переговоров, так как, несмотря на развитие интеграционных процессов в мире и формирование единых параметров ведения переговоров, национальные особенности продолжают играть значительную роль и проявляются в наибольшей мере в конфликтных ситуациях.

Последний раздел посвящен влиянию цифровой реальности на процесс ведения международных переговоров и дипломатию в целом. Авторы выделяют три вектора влияния: появление новых инструментов и тактических приемов дипломатической работы, появление новых тем на повестке дня международных переговоров, формирование новой среды переговорной деятельности.

Внедрение информационных технологий в дипломатическую работу, с одной стороны способствует демократизации переговорного процесса за счет доступности, инклюзивности и оперативного получения обратной связи, с другой стороны, обнажа-

¹ <https://datareportal.com/reports/digital-2022-october-global-statshot>

ет ряд технических и правовых проблем, в частности, связанных необходимостью обеспечения устойчивой и непрерывной связи, а также защиты от действий киберпреступников, направленных на срыв переговоров или дискредитацию участников (например вследствие хакерской атаки). С третьей стороны, цифровая повестка (формирование международного режима в области кибербезопасности, международное взаимодействие в сфере противодействия киберпреступности, международное управление интернетом и др.) сама по себе становится неотъемлемой частью международных многоуровневых переговоров.

Отдельная глава учебника посвящена истории возникновения и актуальным проблемам нового направления в дипломатической работе – цифровой публичной дипломатии, нацеленного на создание и поддержание долгосрочных интерактивных отно-

шений с зарубежной аудиторией в режиме реального времени. При этом авторы отмечают необходимость соблюдения баланса между растущей открытостью и прозрачностью дипломатии и необходимостью обеспечения конфиденциальности во избежание избыточного давления общественности на участников переговоров.

Достоинством книги «Технология международных переговоров в цифровую эпоху: учебник для вузов» несомненно является широкий обзор проблематики и описание наиболее актуальных данных о последних тенденциях в исследуемой сфере. После каждой главы студентам обозначается круг вопросов для обсуждения и предлагается набор разнообразных практических заданий для самостоятельной работы, а также деловые игры, предназначенные для развития компетенций участников переговоров.

Литература:

1. Лебедева М.М. Зиновьева Е.С. Технология международных переговоров в цифровую эпоху: учебник для вузов. М., 2022.
2. Лебедева М.М. Международные переговоры как социальный и гуманитарный ресурс в мировой политике // Политическая наука. 2020. № 3. С. 98-113.
3. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 - 1986 гг.). М., 1996.
4. Дубинин Ю.В. Мастерство переговоров: учебник / Под ред. Ю.А. Булатова. МГИМО(У) МИД России. 2-е изд., расшир. и доп. М., 2007.

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC DIPLOMACY

Book review: M. Lebedeva, E. Zinovieva. International Negotiations in the Digital Age. Moscow.: Aspekt Press Ltd., 2022. – 248 p.

In recent years, the role and significance of digital diplomacy in international relations has been growing. Digital technologies are changing the diplomatic activities in all its diversity: from negotiating and preparing documents to performing representative functions and promoting the image of the country

abroad. The book under review systematizes all current trends and prospects for the development of negotiations in the context of digital transformation.

Tatiana V. Isaeva,
Assistant Director of the Center
for International Information Security
and Scientific and Technological Policy
of MGIMO of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia

Ключевые слова:

переговоры, международные переговоры, переговоры на высшем уровне, технология ведения переговоров, публичная дипломатия, цифровая дипломатия, цифровая трансформация, «мягкая сила»

Keywords:

negotiations, international negotiations, high-level negotiations, negotiation technology, public diplomacy, digital diplomacy, digital transformation, «soft power»

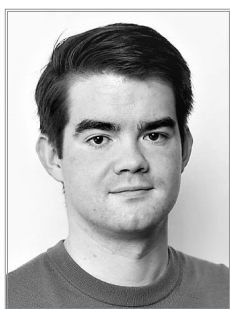
References:

1. Lebedeva M., Zinovieva E., 2022. Tekhnologiya mezhdunarodnyh peregovorov v cifrovuyu epohu: uchebnik dlya vuzov [International Negotiations in the Digital Age]. Moscow.
2. Lebedeva M., 2020. Mezhdunarodnye peregovory kak social'nyj i gumanitarnyj resurs v mirovoj politike [International negotiations as a social and humanitarian resource in world politics]. *Politicheskaya nauka [Political science]*. № 3. P. 98-113.
3. Dobrynin, A.F., 1996. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah USA (1962 - 1986 gg.) [Purely Confidential. Ambassador to Washington for six US Presidents (1962 - 1986)]. Moscow.
4. Dubinin Yu.V., 2007. Masterstvo peregovorov: uchebnik. Pod red. Yu.A. Bulatova [The skill of negotiation: the textbook. Ed. by Yu.A. Bulatov]. Moscow.

ОБЗОР МОНОГРАФИИ СМИРНОВА А.А. «ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Александр Игнатов*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-1-66-85-88

Настоящий обзор посвящен монографии Смирнова А.А. «Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации». Автором выполнен обзор сложившихся подходов к классификации видов информационно-психологического воздействия, представлены результаты анализа действующего российского законодательства, определены проблемные области отечественного права, а также выдвинуты рекомендации касательно совершенствования правовых механизмов обеспечения информационно-психологической безопасности России с учетом зарубежного опыта.

Современный мир насыщен информацией. Легкий доступ к новостному, познавательному, развлекательному контенту стал возможен благодаря достижениям в области технологий связи. Появление сравнительно дешевых персональных устройств с функцией сетевого доступа, а также повсеместное распространение инфраструктуры Интернета позволили связать каждый уголок планеты в единую информационную систему. Тем не менее, этот про-

цесс имеет и обратную сторону. Разрушительное воздействие недостоверной информации, стремительно распространяющейся в условиях кризисов, нередко приводит к возникновению чрезвычайных ситуаций, утрате управляемости, экономическим потерям и человеческим жертвам. Относительно недавним примером можно считать «инфодемию» недостоверных сведений о распространении эпидемии COVID-19, планируемых и предпринимаемых мерах противодей-

* **Игнатов Александр Александрович**, научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, аспирант МГИМО МИД России
e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru
ORCID ID: 0000-0001-6740-4454

ствия заболеванию – серьезность положения потребовала принятия мер на уровне ООН. Начало специальной военной операции РФ на территории Украины в феврале 2022 года обернулось резким ростом интенсивности появления в мировом информационном пространстве материалов, которые недостоверны и даже создают угрозу суверенитету России и безопасности россиян. Именно поэтому тематика, затрагиваемая в рассматриваемой монографии, является актуальной и представляющей большой исследовательский интерес, особенно в контексте постоянной необходимости совершенствования государственной политики в области противодействия информационным угрозам.

Представленное исследование посвящено разработке концепции формирования системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности РФ и формулированию практических предложений по ее развитию в условиях глобального информационного общества и цифровой трансформации. Следует отметить, что рассматриваемая монография выделяется среди других исследований на схожую проблематику предметом рассмотрения. Автор обосновывает необходимость выделения «психологического» компонента информационной безопасности, указывая на наличие комплекса специфических угроз, вследствие чего «ее <информационно-психологической безопасности> содержанием выступает не защита информации, а защита от информации» [1. С. 29]. В ходе исследования автор ссылается на работы ведущих отечественных правоведов, детально прорабатывает содержательную сторону действующих на территории Российской Федерации законов и документов стратегического характера.

Исследование разделено на пять глав.

Глава I представляет результаты авторского анализа исторических и гносеологических аспектов информационно-психологической безопасности (ИПБ), методологии исследования ИПБ в информационном праве, содержания и правовой природы ИПБ, а также правового закрепления угроз ИПБ. В этой главе автором представлено новаторское определение понятия «деструктивное информационно-психологическое воздействие», перечислены фундаментальные характеристики и классификация угроз ИПБ, анализируется зарубежный опыт определения угроз ИПБ.

Глава II посвящена обзору отечественной системы правового обеспечения ИПБ. Автор уделяет пристальное внимание ана-

лизу приоритетов РФ в информационной сфере, которые в той или иной степени касаются обеспечения ИПБ. В ходе анализа автором обнаружено и обосновано существование правовой лакуны, характерной для отечественной системы безопасности, а именно отсутствие единого представления о задачах и функциях обеспечения безопасности [1. С. 75]. Необходимо отметить, что далее представлено авторское решение выявленной проблемы [1. С. 76-77]. Несмотря на имеющиеся недостатки, автор характеризует правовой институт обеспечения ИПБ России как «достаточно развитый», отмечая межотраслевой характер данного института – ключевая роль в данном контексте отведена нормам информационного права, однако полноценное регулирование обеспечения ИПБ, по справедливому замечанию автора, было бы невозможно без включения соответствующих норм административного, уголовного и гражданского права [1. С. 91].

В Главе III автор обращается к зарубежному опыту и исследует международно-правовые стандарты в сфере обеспечения ИПБ. В данной главе приведен анализ действующих норм в таких тематических группах, как права человека, СМИ и Интернет, борьба с преступностью и терроризмом в информационном пространстве, а также в области международной информационной безопасности [1. С. 113]. Наряду с международными конвенциями, рекомендациями и резолюциями профильных организаций, автор исследует опыт ведущих международных акторов, в частности США и стран Европейского союза, Великобритании, Канады и др. Автор приходит к выводу, что в сложившихся условиях приоритетным уровнем правового регулирования обеспечения ИПБ должен выступать национальный уровень [1. С. 147]. Приходя к подобному заключению, автор не отрицает важность достижения международных договоренностей. Препятствием в данном процессе является усиление информационного противоборства государств в киберпространстве.

Глава IV сосредоточена на вопросах правового обеспечения ИПБ в отдельных сферах: СМИ, Интернет, защита детей от вредной информации, а также противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию в форме пропаганды. Утверждая «чрезвычайно сложный, многоаспектный характер» влияния СМИ на «личность, социальные группы и общество в целом» [1. С. 173], автор говорит о необходимости обеспечения максимальной гибко-

сти правового регулирования деятельности СМИ. Предпринятые российским руководством шаги, направленные на сдерживание деструктивного ИПВ из-за рубежа, в частности, создание реестра СМИ-иностранных агентов, автор считает достаточно эффективными, однако при этом он отмечает небезупречность данного механизма с точки зрения защиты интересов самих СМИ и журналистов [1. С. 176]. Проведя обзор существующих механизмов регулирования оборота информации в Интернете, автор предлагает осуществить унификацию существующих в России реестров и создать Единый реестр интернет-ресурсов, содержащих запрещенную к распространению информацию в интересах облегчения работы профильных ведомств [1. С. 186]. Особое внимание уделено проблематике правового регулирования защиты детей от деструктивного ИПВ как наиболее уязвимой группы населения. В отношении последней упомянутой сферы автор говорит о фрагментарном характере сложившегося правового регулирования и в качестве пути решения предлагает разработать отдельный законодательный акт в сфере информационной безопасности, содержащий базовые понятия, основные виды мероприятий, перечень осуществляющих их субъектов, а также условия ограничения прав граждан [1. С. 206].

В Главе V исследования автором затронуты три вопроса: 1) развитие системы органов обеспечения ИПБ; 2) приоритетные направления совершенствования законодательства РФ в сфере обеспечения ИПБ; 3) формирование культуры информационной безопасности. Автором проанализирована деятельность федеральных органов исполнительной власти в деле обеспечения ИПБ, на основании чего им выдвинуто предложение по созданию специализированной государственной системы реагирования на угрозы ИПБ по образцу Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации компьютерных атак под условным наименованием «ПСИ-РАДАР» [1. С. 216-217]. Данная система будет представлять собой сеть территориально распределенных центров выявления и реагирования на угрозы ИПБ под управлением Роскомнадзора. В качестве меры усиления потенциала

МВД РФ в противодействии угрозам ИПБ автором предложено создание в структуре министерства специального подразделения, фокусирующегося на новых информационных угрозах. В отношении дальнейшего совершенствования законодательства РФ в рассматриваемой области автором обосновывается предложение о дополнении Модельного информационного кодекса для государств-участников СНГ в части противодействия обороту негативной информации. В данном случае автор предлагает закрепить блок норм о понятии, правовых принципах и средствах обеспечения ИПБ. Кроме того, автором предложены и обоснованы изменения в Закон об информации в части его дополнения нормами об обеспечении информационной безопасности [1. С. 221-222]. Авторской новацией также является проект Концепции информационно-психологической безопасности в РФ. В заключении главы автор обосновывает необходимость проведения ряда мероприятий федерального уровня, направленных на повышение информированности граждан, в особенности родителей и детей, относительно существующих угроз информационной безопасности, предпринимаемых государством шагов, а также о том, какие действия необходимо предпринимать на индивидуальном уровне [1. С. 230-236].

Данное исследование можно охарактеризовать как целостное и хорошо структурированное. Автором полностью выполнены поставленная цель работы и исследовательские задачи. Вынесенные для обсуждения авторские предложения представляются достаточно обоснованными. Несмотря на специфику затронутой темы, автору удалось сохранить баланс между необходимостью соблюсти общепринятые правила изложения результатов правового исследования и доступностью материала для заинтересованной аудитории, не имеющей глубоких профессиональных познаний по вопросам текущего состояния и перспектив развития отечественного и зарубежного законодательства. Таким образом, исследование может быть рекомендовано для внимательного изучения, в том числе на предмет практической реализации представленных концепций и проектов.

Литература:

1. Смирнов А.А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации. Монография. СПб., 2022. - 272 С.

**REVIEW OF THE BOOK BY SMIRNOV A.A.
"FORMATION OF THE SYSTEM OF LEGAL SUPPORT
OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY
IN THE RUSSIAN FEDERATION"**

This review is devoted to the book by Smirnov A.A. «Formation of the system of legal support of information and psychological security in the Russian Federation». The author reviews the existing approaches to the classification of types of information and psychological impact, presents the results of the analysis of the current Russian legislation, identifies problematic areas of domestic law, and presents recommendations regarding the improvement of legal mechanisms for ensuring information and psycho-

logical security in Russia, taking into account foreign experience.

Alexander A. Ignatov,
researcher, Center for International
Institutions Research (CIIR), Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, PhD student,
MGIMO University,
Russia

Ключевые слова: —————
безопасность, цифровая экономика, Россия

Keywords: —————
security, digital economy, Russia

References:

1. Smirnov A.A., 2022. Formirovanie sistemy pravovogo obespecheniya informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii. Monografiya [Formation of the system of legal support of information and psychological security in the Russian Federation. Monograph]. SPb., 272 S.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,25.
Подписано в печать 27.03.2023 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 427

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна